

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Четырнадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля
2016

Санкт-Петербург
2017

ISBN 978-5-87857-272-9

© НИЦ «Мемориал», 2017

Катриона Басс

Агван Доржиев: Реконструкция биографии в международном контексте

Катриона БАСС

Оксфорд, Великобритания

Агван Лобсан Доржиев (1853–1938) родился в Бурятии, но долго прожил в Тибете. Пятнадцать лет он изучал там буддийскую философию, а затем в течение десяти лет был религиозным наставником и советником Далай-ламы XIII. Впоследствии он занял пост представителя Тибета в России (позже – в Советском Союзе) и занимался укреплением русско-тибетских связей, содействуя буддийским общинам в Бурятии и Калмыкии. В этом качестве он оказался вовлечен в так называемую «Большую игру» – соперничество между Британской и Российской империями за расширение сферы влияния в Азии. После захвата власти большевиками Доржиев сотрудничал с советским дипломатическим ведомством – НКВД. Таким образом, он действовал на стыке различных культур. Представители каждой из этих культур воспринимали его по-разному. Рассмотрим эти различия и попробуем разобраться, как и до какой степени культурные контексты и политические интересы повлияли на возникновение мифологических образов Доржиева.

4 Катриона Басс

Как будет показано ниже, образ Агвана Доржиева, сложившийся у тех, кто знал его понаслышке (как человека, заслуживающего уважения или, напротив, вызывающего недоверие), противоречит немногочисленным свидетельствам людей, имевшим с ним личные контакты. Также в статье затрагивается вопрос об устойчивости этих мифов, порой затмевающих свидетельства очевидцев событий и исторические документы.

Автор ставит своей целью показать на примере Доржиева, как биографии людей, связанных с несколькими культурами, могут оказаться окруженными негативными или позитивными мифами и как эти мифы могут влиять на развитие политических событий того времени.

Агван Доржиев: *bête noire* британского империализма

В 1897–1901 Доржиев трижды встречался с представителями правительства России, пытаясь заручиться поддержкой для защиты Тибета от угрозы британской агрессии. Хотя эти переговоры не увенчались успехом и Россия решила не вмешиваться в тибетские дела, британцы были убеждены, что Доржиев находится в Лхасе по заданию русских властей, – и это стало оправданием краткого вторжения Великобритании в Тибет в 1904.

Английские журналисты, дипломаты и историки того времени считали Доржиева русским шпионом, выдававшим себя за монаха. Британский писатель и журналист Эдмунд Кандлер называл его «архиинтриганом и авантюристом»¹, а Дж. Бреретон писал о том, что «темная личность по имени Доржиев <...> снует туда-сюда между Лхасой и Москвой»². Примерно в тех же выражениях в Великобритании того времени описывали Распутина, поэтому в представлениях людей, мало знакомых с российскими реалиями, две этих фигуры совмещались, хотя ничего общего между ними не было. Иногда Доржиева путали с армянским мистиком Г.И. Гурджиевым³, создавая таким образом единый стереотип некоего восточного «инога», усиливавший паранойю в антироссийских кругах Великобритании. В этом образе совершенно игнорировались как религиозный статус Агвана Доржиева, так и его выдающийся интеллект, очевидный лишь немногим лично знавшим его британским чиновникам. К примеру, сэр Базил Гоулд, работавший в Тибете в 1912–1913, говорил о нем как о человеке, «который производит очень сильное впечатление <...>. У него открытые манеры и серьезные намерения»⁴. Важно отметить: несмотря на то, что Гоулд

¹ *Hundley H. Tibet's part in the 'Great Game' (Agvan Dorjiev) // History Today (London). – 1993. – Т. 43. – P. 48.*

² *Brereton J.M. Mission to Tibet // Blackwood's Magazine (London). – 1977. – Т. 321. – P. 433.*

³ *Snelling J. Buddhism in Russia: The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. – Dorset, 1993. – P. 10.*

⁴ *McKay A. Tibet and the British Raj: The Frontier Cadre 1904–1947. – [Dharamsala], 2009. – P. 124.*

задокументировал свое впечатление, это никак не повлияло на окарикатуренный образ Доржиева, распространенный в то время не только в британской прессе, но и в академических текстах. Однако гораздо важнее то, что этот образ, основанный на бесосновательных, возбуждающих волнение мифах, предопределил реальное будущее Тибета, вызвав британское вторжение, в результате которого погибло множество тибетцев.

Отношение к Агвану Доржиеву в Тибете

Агван Доржиев прожил в Тибете 25 лет, там он получил звание лхарамбы – высшую ученую степень в тибетском буддизме. Тибетцы главным образом вспоминают его как незаурядного ученого, чье мастерство в ведении дебатов оказало неоценимую поддержку тибетским монахам в религиозных диспутах, когда Далай-лама XIII находился в ссылке в Монголии. Профессор Тхубтен Норбу, брат Далай-ламы XIV, рассказывает, как его изумило отношение к Доржиеву в западном мире: «Когда я выехал из Тибета, то, как и другие тибетцы, был поражен тем, что остальной мир считает Доржиева русским агентом»⁵.

Современные исторические исследования показывают, что Агван Доржиев зачастую являлся инициатором дипломатических контактов между Тибетом и Россией в начале XX века и никоим образом не мог быть каким-то банальным агентом тибетского или российского правительства⁶. Можно с уверенностью утверждать, что его политическая и дипломатическая деятельность была направлена в первую очередь на защиту буддизма в Тибете, а впоследствии – буддистов в Советском Союзе. Тот факт, что его считали «русской марионеткой», может рассматриваться как результат особенностей имперского воображения: британский политик XX века не мог себе и представить, что неевропеец способен иметь перед собой цель, которая не была бы подчинена интересам какой-либо европейской державы.

Устойчивость этой имперской легенды имеет особое значение для реконструкции биографии Агвана Доржиева. Несмотря на все свидетельства обратного, некоторые современные историки до сих пор используют возникший еще в XIX веке его окарикатуренный образ. Так, американская исследовательница Хелен Хандли, последовательно разоблачая миф о правительственном агенте, тем не менее, называет Агвана Доржиева «загадочным монахом», используя терминологию, более уместную в шпионском романе, чем в историческом исследовании⁷. Похожее отношение можно встретить и у Т. Вилкокса, который

⁵ *Dorjiev A. Memoirs of a Tibetan Diplomat / Transl. and ed. by T.J. Norbu. – [Tokyo], 1991. – P. 3.*

⁶ В 1913 он инициировал и подписал соглашение между независимой Монголией и Тибетом, в котором не участвовали ни Россия, ни Британия. См.: *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. – [Brill Academic Publishers], 2003. – P. 58.*

⁷ *Hundley, p. 45.*

отзывается о Доржиеве как о «невероятно коварном человеке»⁸. Любопытно, что некая туманность, скрывавшая на самом деле нехватку информации касательно стратегии русского правительства в Азии, была перенесена на личность Доржиева и так и осталась связанной с ним. Сегодня этот искаженный образ сохраняется, возможно, потому, что авторы существующих исследований – как правило, светские историки, которые анализировали деятельность Доржиева только в политическом контексте. От религиозных трудов Доржиева практически ничего не сохранилось, – они были уничтожены во время погрома в Петроградском буддийском храме⁹.

Агван Доржиев и русские востоковеды

Считается, что на рубеже XIX–XX веков восприятие Востока в российском обществе основывалось на иных концепциях, чем в Великобритании, и это позволяло русским востоковедам заявлять, что их отношение к восточным культурам было менее шовинистическим, чем у западных коллег¹⁰. Между тем, в русском обществе имелись социальные институты – и, прежде всего, Православная церковь, – в которых по отношению к восточным культурам царил не менее шовинистический подход, нежели в некоторых кругах Западной Европы. Православное духовенство не прекращало нападки на Агвана Доржиева, особенно в период строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге, описывая его как «восстание древнего змия – дракона на Христа...»¹¹.

Возможно, положительное отношение русских востоковедов к Доржиеву было вызвано ощущением исторической общности с Востоком. Однако, на мой взгляд, главную роль здесь сыграли личные связи между людьми, позволившие им выйти за пределы покровительственных стереотипов, существовавших в русском обществе так же, как и на Западе. Ведь и у немногих британских востоковедов, лично знакомых с тибетскими и индийскими учеными, мы видим то же уважение к их культурам и обществам¹². У академиков С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского и их учеников еще при царском правительстве сложились тесные отношения с Агваном Доржиевым и приглашенными им в Санкт-Петербург буддийскими монахами, и это продолжилось и в советскую эпоху. Русские признавали глубину знаний этих ученых и высоко ценили интеллектуальные достижения буддийской

⁸ Wilcox T. The rise of Buddhism among Europeans in the USSR and the Soviet Response: an historical overview. – [Canada], 1998. – P. 14.

⁹ Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. – СПб., 2012. – С. 84.

¹⁰ Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в поздней имперской и раннесоветский период. – М.: НЛО, 2013.

¹¹ Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. С. 55.

¹² См., например: Bell Ch. The Religion of Tibet. – Oxford, 1931; см. также более позднюю работу: Richardson H.E. A Cultural History of Tibet. – London 1968.

культуры¹³. Так В.Я. Владимирцов на первой буддийской выставке в Петрограде в 1919 говорил о том, что бурятский буддизм является неисчерпаемым источником «выдающихся личностей». В своем письме к Щербатскому в 1923 он писал: «Вы не найдете таких звезд на буржуазном Западе»¹⁴.

Ленинградские ученые-востоковеды поддерживали личные и профессиональные контакты с Доржиевым и его коллегами-буддистами до конца 1930-х. Именно связи с Доржиевым и другими интеллектуалами Бурятии стали причиной арестов некоторых из них в 1937 по обвинению в участии в «японско-бурятском контрреволюционном центре» в ленинградском буддийском храме¹⁵.

Агван Доржиев – религиозный реформатор в Калмыкии и Бурятии

В наши дни реформы буддизма в России принято датировать 1922 годом, когда возникло движение обновленцев. Тот факт, что это движение стало продолжением более ранних реформ, часто игнорируется. В действительности большинство обновленческих реформ началось гораздо раньше, – с попыток Агвана Доржиева спасти буддизм в России от вырождения, основываясь на указаниях его наставников-буддистов из Лхасы¹⁶.

Настроенные на реформы религиозные деятели Бурятии и Калмыкии поддерживали Доржиева, однако в процессе деятельности ему пришлось столкнуться с противодействием традиционалистских кругов, утверждавших, что он насаждает чуждые иноземные идеи. «Нельзя создавать чойра там, где нет чойра, установленного издавна, – писал один из лам после открытия монастырской школы в Калмыкии в 1906. – Это не годится для народа, живущего под войлочными потолками»¹⁷. Через какое-то время те же круги в Бурятии и Калмыкии будут изображать Доржиева уже горячим сторонником большевизма, старающимся разрушить буддизм.

Советская культура и Доржиев

В имеющемся сегодня фактическом материале к биографии Агвана Доржиева советского периода имеются существенные пробелы. Будучи лидером буддистов в России и имея связи в высших кругах Петрограда и Лхасы, он стал посредником между большевистским правительством и буддистами России, а также представителем Далай-ламы в Советском Союзе. В 1920 его

¹³ См. об этом: *Тольц В. «Собственный Восток России»...*

¹⁴ *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. P. 158.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Dorjiev A. Memoirs of a Tibetan Diplomat. P. 27.*

¹⁷ *Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). – М., 2003. – С. 54.*

пригласили на заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором рассматривался вопрос об автономии в местностях, населенных восточными народами. Он председательствовал на духовных съездах буддистов, состоявшихся в Бурятии и Калмыкии в 1920-е, и на Всесоюзном духовном соборе буддистов СССР в январе 1927 года. Эти мероприятия стали ареной борьбы между консервативными ламами и обновленческим движением. В диалогах с большевистскими лидерами Агван Доржиев и ленинградские востоковеды выдвигали весомый аргумент, что буддизм не противоречит коммунизму, поскольку является не религией, а философским учением, основанным на эмпирическом опыте, а не на вере в Бога¹⁸.

В советское время Доржиева арестовывали трижды. В первый раз в 1918, когда его обвинили в попытке вывоза ценностей из страны. На самом деле он вез пожертвования, собранные для буддийского храма, в Петроград. Второй арест произошел в 1934, однако через 20 дней Доржиева выпустили, не предъявив обвинений¹⁹. В последний раз его арестовали в 1937 в Улан-Удэ, обвинив в том, что он является лидером «контрреволюционной панмонгольской террористической, повстанческо-шпионской организации, конечной целью которой являлось свержение Советской власти». 29 января 1938 года 85-летний Агван Доржиев умер в тюремной больнице в Улан-Удэ²⁰.

Даже дореволюционную биографию Агвана Доржиева достаточно сложно отделить от культурных мифов и предубеждений, но после Октябрьского переворота эти мифы формулируются уже в новых культурных и политических терминах, что еще больше затрудняет реконструкцию этой части его жизни.

Новая политическая реальность породила новые лозунги и концепции. На смену положительному отношению к восточной культуре, существовавшему в России в начале XX века, пришла марксистская теория эволюции, согласно которой такие регионы, как Бурятия и Калмыкия, считались «культурно отсталыми национальными республиками». Более того, в подогреваемой угрозой войны атмосфере шпиономании обозначения «бурят» и «калмык» могли употребляться как синонимы «шпиона» и «контрреволюционера». Так, в 1938 советское правительство заявило, что бурятские и калмыцкие ламы объявили священную войну в поддержку Японии²¹.

Консерваторы в Бурятии и Калмыкии, отвергавшие реформы Доржиева, обвиняя его в насаждении иностранных идей, после 1917 года за те же идеи стали называть его и его соратников «коммунистами» и «комсомольцами», которые стремились уничтожить буддизм²².

¹⁸ *Dorjiev A. Memoirs of a Tibetan Diplomat. P. 49.*

¹⁹ *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. P. 359.*

²⁰ Архив Министерства безопасности Республики Бурятия. Д. 2768. Л. 182-185.

²¹ *Синицын Ф.Л. «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917–1946. – СПб., 2013. – С. 383.*

²² *Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930). – Улан-Удэ, 1964. – С. 100.*

Также споры о реформах монашеской жизни, начавшиеся еще в 1898, после возвращения Доржиева из Тибета, оказались загнаны в упрощенные рамки, в результате чего позиции спорящих сторон трактовались большевиками как обсуждение единственного вопроса: лояльности или нелояльности священнослужителей к новому советскому государству. По мере того, как в конце 1920-х споры разгорались все сильнее, монахи сами стали использовать новый язык для обвинения своих оппонентов в «антисоветской и контрреволюционной деятельности»²³.

В 1920-е советское государство вело с Агваном Доржиевым двойную игру, пытаясь использовать его связи в Тибете в своих стратегических целях, рассматривая их как возможность распространения мировой революции на буддийские страны Азии. Большевики хотели, чтобы за границей их считали сторонниками деятельности Доржиева²⁴. Секретное письмо Бурят-Монгольского обкома секретарям райкомов ВКП(б), написанное в сентябре 1927 года, раскрывает эту стратегию: «Ни в коем случае не допускать искусственных шагов, направленных к дискредитированию Доржиева в глазах масс... Это необходимо сделать так, чтобы ламство и население знало, что известное содействие оказывается Доржиеву не как обновленческому руководителю, а как представителю Тибета»²⁵.

Одновременно большевики активно поддерживали консерваторов в принижении духовного авторитета Доржиева, широко освещая их попытки дискредитировать его. Так, например, листовка, написанная консервативными ламами после первого съезда буддистов Бурят-Монголии в 1922 году, где Агван Доржиев назван «самозванцем», выдающим себя за «второго Будду», была опубликована во многих газетах²⁶.

Информации о личном отношении Агвана Доржиева к новой власти и о мотивах его действий после революции очень мало. Две его автобиографии (одна написана на тибетском языке, вторая – на монгольском) хотя и дают некоторое представление о его размышлениях, обрываются на 1923 году. Трудности, возникающие при попытках воссоздать биографию Доржиева, отмечены многими современными авторами. Проблему субъективного отношения к фигуре Доржиева особо подчеркнул один из исследователей: «Многие мнения и оценки, даже достаточно информированных людей, оказывались нередко

²³ См.: Протоколы 1-го Всесоюзного собора буддистов. – Архив Института восточных рукописей РАН (далее ИВР РАН). Разр. II. Оп. 1. Д. 373.

²⁴ В 1920-е знания и связи Доржиева использовались для организации трех секретных экспедиций в Тибет. Подробнее об этом см.: Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. – СПб, 2006.

²⁵ Синицын Ф.Л. «Красная буря». С. 49.

²⁶ Антонов В.И., Жалсараев А.Д. Взаимодействие российского государства с буддийской церковью (ретроспективный обзор) // Буддистская традиция: история и современность: Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения Агвана Лобсана Доржиева. – СПб., 2005. – С. 69.

весьма далекими от объективного научного понимания деятельности А. Доржиева»²⁷.

И в самом деле, собирая материалы для своих исследований в Бурятии в 1992 и 1993 годах, я столкнулась с явлением, которое можно назвать «формирующимся культом Доржиева». Кроме новых научных работ, было опубликовано несколько агиографических произведений²⁸. На домашних алтарях часто можно было увидеть фотографии Агвана Доржиева, люди рассказывали истории о его сверхъестественных способностях. Его именем была названа медаль – одна из самых престижных государственных наград Бурятии. Но, на мой взгляд, такая очевидная пристрастность (она может быть вызвана как попытками советского государства дискредитировать буддизм, так и постсоветским националистическим энтузиазмом) представляет собой меньшую проблему для реконструкции биографии Доржиева, чем не вполне осознанное современными российскими историками следование устоявшимся стереотипам, – подобно тому, как их западные коллеги иногда используют сегодня созданные в XIX веке имперские мифы.

В отсутствие достаточных личных свидетельств, а также материалов, относящихся к религиозной жизни Агвана Доржиева, делаются такие допущения о мотивах его действий, которые противоречат мнению о нем современников, считавших его эрудитом и человеком, строго придерживавшимся принципов духовной практики. О советском периоде жизни Доржиева мы знаем лишь по его политической биографии, в которой прокламируемые советские идеи, часто без какой-либо проверки, принимаются на веру и распространяются российскими, а вслед за ними и западными исследователями²⁹.

Основная работа по буддизму советского периода – книга К.М. Герасимовой³⁰, написанная в 1964 и широко цитируемая российскими и западными историками. Это серьезная работа, основанная на архивных документах, однако приводимые в ней аргументы тенденциозны, а факты иногда искажены в угоду политической конъюнктуре. Хотя Герасимова и признает, что большинство реформ, проводимых обновленцами в 1920-е, были начаты Агваном Доржиевым и его сторонниками в 1900 и что его конфликт с ламами-консерваторами начался именно тогда³¹, она

²⁷ Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. – Улан-Уде, 1999. – С. 101.

²⁸ См., например: Зятуев Г.М. Агван Доржиев. – Улан-Уде, 1991; Дагбаев Э.Д. Агван Доржиев (1854–1938) // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Третьи Доржиевские чтения. – СПб., 2009. – С. 6–15.

²⁹ К примеру, Джон Снеллинг, автор наиболее полного труда о Агване Доржиеве на английском языке, широко цитирует советского историка К.М. Герасимову, не упоминая о политической направленности ее работы. См.: Snelling J. Buddhism in Russia. P. 211.

³⁰ Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). – Улан-Удэ, 1964.

³¹ Там же. С. 30.

придерживается советской концепции, что раскол – это не более чем борьба про- и антисоветских тенденций. «Эта политическая борьба <...> спряталась под занавес религиозных конфликтов... Консерваторы и обновленцы внешне спорили по догматическим вопросам но, по существу, речь шла о признании или непризнании советской власти»³². К 1930-м годам, утверждает автор, обновленцы признали свое поражение и объединились с консерваторами в нападках на советский строй, а монастыри стали центрами контрреволюции³³. Герасимова расценивает реформаторское движение как наивную попытку распространения буддизма в советской стране, а сравнение буддизма с марксизмом, использовавшееся реформаторами, – как «ухищрение» и «фальсификацию, предпринятую с целью защиты религии в целом»³⁴.

Идея о том, что Агван Доржиев участвовал в организации каких-то искусных схем, имевших целью перехитрить советское государство, встречается и у ряда постсоветских авторов. Г.Н. Зятуев в 1991 писал: «Он мог перехитрить их в их же игре, цитируя работы Маркса и Ленина в выгодном для него свете»³⁵. Та же фраза (без указания источника) повторяется А.В. Дамдиновым³⁶. Эти авторы не критикуют Доржиева, они просто принимают на веру заявление советских времен о необоснованности сравнения буддизма и марксизма. Выдающийся петербургский историк Александр Андреев, автор фундаментальной работы по России и Тибету, на чьей тщательной архивной работе базируются многие последующие исследования (в том числе и мои), называет сравнение буддизма и марксизма, используемое Агваном Доржиевым, «искусственным»³⁷.

Конечно, различия между марксизмом и буддизмом очевидны, – это, в первую очередь, разное отношение к материальному миру и буддистской этике ненасилия. Однако нельзя отменить предложенное Доржиевым и его соратниками сравнение как продиктованное лишь тактикой выживания. Не они одни указывали на то, что центральными элементами обеих философий является равенство, эмпирический подход к познанию и коллективная собственность. Эти общие черты подчеркивались многими мыслителями и политиками того времени. К примеру, Бхимаро Амбедкар (1891–1956), первый министр юстиции независимой Индии, использовал параллель между буддизмом и марксизмом в своей борьбе за социальные и политические права далитов (неприкасаемых)³⁸.

Невольное следование советским суждениям, встречающееся в современных текстах об Агване Доржиеве, на мой взгляд, привело к формированию некоего

³² Там же. С. 99. Это повторяется А.В. Дамдиновым без представления доказательств.

³³ Там же. С. 135. Это же повторяется А.В. Дамдиновым, см.: Дамдинов А.В. Агван Доржиев. С. 87.

³⁴ Герасимова К.М. Обновленческое движение... С. 167, 172.

³⁵ Зятуев Г.М. Агван Доржиев. С. 43.

³⁶ Дамдинов А.В. Агван Доржиев. С. 79.

³⁷ Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. P. 161.

³⁸ Lal A.K. Social Exclusion. – New Delhi, 2003.

внеисторического подхода, в котором нет места переменам по мере развития событий, а центральная роль изначально отводится вопросу личной лояльности к строю. Александр Андреев предполагает, что лояльность Доржиева к советской власти частично была получена в обмен на освобождение из тюрьмы в 1918, и считает, что в то время это было необходимым условием³⁹. В своей книге Андреев пишет: «Что бы ни происходило на самом деле, пожилой тибетский дипломат вскоре был освобожден ЧК, возможно, с условием, что он будет сотрудничать с новой властью. По-видимому, такая сделка не очень беспокоила совесть бурята, поскольку обе стороны без труда нашли общую политическую позицию»⁴⁰.

На это предположение (о согласии Доржиева сотрудничать в обмен на свободу) ссылаются и авторы более поздних работ⁴¹. На самом же деле за него ходатайствовали петроградские востоковеды (один из которых был лично знаком с Лениным), и, возможно, их заступничества оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить освобождение Агвана Доржиева. Более того, у нас нет свидетельств о том, что Доржиев когда-либо демонстрировал отсутствие личного мужества.

В 1989 г. Р.Е. Рубаев писал о том, что Агван Доржиев прошел сложный путь от «ярого монархиста» до признания советской власти. «Он являлся истинным патриотом своего Отечества, России»⁴². Джон Шеллинг недоумевает, почему Агван Доржиев публично не скорбел о гибели царской семьи.

Известно, что Агван Доржиев называл себя «чужеземцем» и «представителем тибетского Далай-ламы», он подчеркивал это на 1-м Всесоюзном собрании буддистов в 1927 году⁴³. Если принять это самоопределение за основу его взаимоотношений с советской властью, то исчезает образ человека, меняющего политические пристрастия в угоду обстановке, и возникает фигура лидера иностранного религиозного учения на территории России, использовавшего свои дипломатические способности, чтобы создать условия для распространения буддизма сначала в христианском государстве, а затем – в коммунистическом.

Если царская политика невмешательства в дела буддистов давала Доржиеву возможность рекомендовать Далай-ламе искать у России защиты от британцев, то большевистский декрет о свободе совести для угнетенных народов позволял ему первое время надеяться, что буддизм будет находиться под покровительством властей и что Далай-ламе нужно продолжать свои попытки заручиться поддержкой России. В автобиографии Агван Доржиев пишет, что в 1919 он, в сопровождении представителя советской власти, совершил поездку

³⁹ Из разговора с автором, март 2016.

⁴⁰ *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. P. 73.*

⁴¹ См., например: *Ryosuke K. Agvan Dorjiev // The Treasury of Lifes. – <https://www.treasuryoflives.org/biographies/view/Agvan-Dorjiev/13510>*

⁴² *Рубаев Р.Е. Национально-освободительное движение бурятского народа // Дамдинов А.В. Агван Доржиев. С. 17.*

⁴³ Архив ИВР РАН. Разр. II . Оп. 1. Д. 373. Л. 9.

по Калмыкии, рассказывая монахам о новом строе и заверяя, что буддизм по-прежнему запрещать не будут. «Не беспокойтесь, все сможет продолжаться так же, как и раньше», – объяснял он⁴⁴.

Некоторые историки считают период 1917–1925 годов «золотым веком» буддизма, основываясь на том, что Доржиев сумел добиться постройки новых дацанов и получил государственную поддержку реформ⁴⁵. Однако мы видим, что уже в 1923 Доржиев выступает против репрессий в Бурятии, направив меморандум в Наркоминдел⁴⁶. В том же году он писал в своей автобиографии: «Хотя коммунизм – хорошая система, те, кто привел ее к власти, ведут себя скверно, осуществляя тиранию»⁴⁷. В 1922 он уже сообщил Далай-ламе о своих опасениях в отчете, направленном после 1-го духовного съезда бурятов (через год после первой секретной советской экспедиции в Тибет): «Я не знаю, что произойдет в будущем, не знаю, к лучшему или к худшему все повернется. Вам необходимо самому искать ответ, заключать договор или нет»⁴⁸.

Некоторые авторы полагают, что причастность Агвана Доржиева к секретным тибетским экспедициям свидетельствует о его двуличности, и задаются вопросом о мотивах, заставлявших его помогать советскому правительству⁴⁹. На самом деле, ни одна из этих экспедиций не увенчалась успехом, и, судя по имеющимся свидетельствам, можно предположить, что причиной неуспеха было то, что Агван Доржиев информировал Далай-ламу об изменениях обстановки. Приведем отрывок из его письма Далай-ламе, датированного 1927 годом, перед последней экспедицией: «Монголия уже не такая мирная страна, как была раньше. Правительство беспощадно к религии и монахам, а они совершенно беспомощны. Прошу Вас не иметь никаких дел с миссией. Мне пришлось написать письмо Вашему Святейшеству под их диктовку, чтобы большевистские агенты могли взять его с собой. Пожалуйста, не обращайтесь на него никакого внимания»⁵⁰.

Очевидно, что дипломатическая стезя Агвана Доржиева в условиях ухудшающейся политической обстановки была очень непростой и что к 1927 в публичных выступлениях ему приходилось идти на компромиссы. Однако нет свидетельств, подкрепляющих утверждения, что он стал рупором советского правительства или что эти компромиссы были вызваны страхом, как пишет один историк. И действительно, это противоречило бы как буддийским принципам

⁴⁴ *Dorjiev A. Memoirs of a Tibetan Diplomat. P. 45.*

⁴⁵ *Герасимова К.М. Обновленческое движение... С. 65; Заятуев Г.М. Агван Доржиев. С. 43; Дамдинов А.В. Агван Доржиев. С. 79.*

⁴⁶ *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. P. 172.*

⁴⁷ *Dorjiev A. Memoirs of a Tibetan Diplomat. P. 43.*

⁴⁸ *Ibid. P. 46.*

⁴⁹ *Snelling J. Buddhism in Russia. P. 212.*

⁵⁰ *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet. P. 281.*

и духовной практике Доржиева, которую он описывает в автобиографии⁵¹, так и его характеру, о котором нам известно из отзывов лично знавших его людей.

Вера Тольц пишет об обновленцах: «активисты обновленческого движения изображали все, что советская власть могла счесть предосудительным, как искажение исконного учения Будды», в качестве примера она цитирует заявления обновленцев, приведенные в книге К.М. Герасимовой и в протоколах духовных соборов буддистов 1920-х годов⁵².

На самом деле архивы свидетельствуют о том, что Доржиев энергично выступал против советских законов, таких как призыв монахов на военную службу (в чем преуспел) и запрет приема детей в монастыри (здесь он потерпел неудачу)⁵³. Протоколы духовных советов буддистов содержат свидетельства публичных выступлений Агвана Доржиева с 1922 по 1928 год. При внимательном прочтении документов становится понятным, что, публично формулируя свои оценки советской власти, он проявлял осторожность. Доржиев заявлял о важности советского закона, гарантирующего свободу вероисповедания, но воздерживался от публичного упоминания о его неисполнении на практике⁵⁴. Тем не менее, в частной переписке с лидерами большевиков он неоднократно ссылался на этот закон, бросая тем самым вызов правительству. Более того, на Всесоюзном духовном собрании буддистов он публично заявил, что надеется на то, что правительство отменит возрастной ценз для хувариков. Даже в 1928 он призывал монахов выступить против безбожников, утверждая, что их организация не является государственной структурой и их антирелигиозная пропаганда обречена на неудачу⁵⁵.

Агван Доржиев решительно спорит с консервативным духовенством, которое, по его словам, очерняет свое имя, стремясь к личному обогащению вопреки законам Будды. Его раздражение во время заседаний очевидно, – несколько раз он встает и выходит из помещения. Отказ консерваторов от реформ подрывает его тезис о возможности сосуществования буддизма и коммунизма, и в полемическом задоре он начинает говорить иным, новым языком: «Довольно сидеть на шее верующего населения и помышлять только о накоплении богатства... Настало время ламам жить общей жизнью, стараться перейти к хлебопашеству. Все это не отступает от учения Будды»⁵⁶. Однако во многом его критика является продолжением начавшейся еще до революции борьбы за устранение коррупции

⁵¹ *Dorjiev A. Memoirs of a Tibetan Diplomat. P. 48.*

⁵² *Тольц В. «Собственный Восток России». С. 259.*

⁵³ См.: Докладная записка А. Доржиева Смидовичу во ВЦИК Буреспублики об отмене возрастной нормы для хувариков (январь 1929). – Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 1 (партархив). Оп.1. Д. 591. Л. 22-23; см. также: Заявление А. Доржиева (против безбожников), январь 1929. – Там же. Л. 34-35.

⁵⁴ Архив ИВР РАН. Разр. II. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.

⁵⁵ Протоколы 3-го буддийского духовного совета Бурятии. 21–24 августа 1928. – Там же. Л. 29-30.

⁵⁶ Цит. по: *Герасимова К.М. Обновленческое движение... С. 110.*

в буддийской вере. (Как это явствует из протоколов, некоторые критикуемые Доржиевым ламы были его оппонентами еще в царское время.) Еще более важен тот факт, что, в отличие от других реформаторов, которые к 1927 стали обвинять консерваторов в антисоветчине, критика Агвана Доржиева не выходит за рамки учения буддизма⁵⁷.

Обновленцы прямо говорили, что буддийская церковь нуждается в реформировании, чтобы выжить в условиях советского режима⁵⁸. Тем не менее, ясно, что сводить реформаторское движение к попытке одной группы буддистов доказать свою лояльность советскому правительству и осудить своих противников означает игнорировать важное историческое движение в российском буддизме за реформы и обновление. Более того, это движение имело параллели с тенденциями модернизации Тибета в тот же самый период.

В архивах находится частная переписка Агвана Доржиева с высокопоставленными советскими руководителями (в том числе Г.В. Чичериным и М.В. Калининым), которую он вел вплоть до своего ареста в 1937. Из этих писем видно, что Доржиев использовал все возможные интеллектуальные, политические и дипломатические рычаги, чтобы защитить буддизм в атмосфере напряженности и поиска «врагов», нагнетаемой в советском государстве. В переписке затрагиваются многие вопросы – от значения дацанов для народного образования в условиях отсутствия школ до необходимости сохранения буддийских художественных ценностей в период разрушения дацанов, также в ней присутствуют ходатайства о помиловании отдельных людей. В характеристике из документов Наркоминдела говорится об Агване Доржиеве: «Человек проницательный, исключительно энергичный и настойчивый»⁵⁹.

В качестве резюме к настоящей статье напрашивается вопрос: насколько успешными сегодня могут быть попытки реконструкции биографии Агвана Доржиева? Представленные здесь мной современные работы имеют широкий диапазон – от научных исследований, основанных на архивных материалах, до популярных биографий. Во многих из них предпринимаются попытки «реабилитировать» Доржиева, что так или иначе совпадает со мнением Дж. Снеллинга: «Агван Доржиев является колоссом, чье значительное влияние чувствовалось на очень обширной территории»⁶⁰. Но проблема заключается в том, что документы, опираясь на которые можно попытаться воссоздать жизнь этого человека, представляют его только с одной стороны, – а именно с той, что считали важным сохранить государственные институты (и в Великобритании, и в СССР), которые, в итоге, осудили его. Поэтому образ Доржиева по-прежнему

⁵⁷ Архив ИВР РАН. Разр. II. Оп. 1. Д. 373. Л. 29-30, 34.

⁵⁸ Там же. Л. 85.

⁵⁹ Цит. по: *Andreyev A. Soviet Russia and Tibet*. P. 359.

⁶⁰ *Snelling J. Buddhism in Russia*. P. 253.

воспринимается через имперскую/советскую призму, которая уводит на второй план самое важное, что было в его жизни, – религиозную составляющую, игнорирует его как религиозного мыслителя. Более того, как было отмечено, некоторые старые стереотипы – «монархист», «коммунист», «коллорационист», «двойной агент», «шпион» – живы до сих пор. Как я уже упоминала, эти определения часто используются бессознательно, без попыток доказать их или исследовать причину их появления. Более того, поскольку эти клише повторяются русскими, бурятскими и западными исследователями, то первоначальное авторство придает переводу мнимую аутентичность. Такое повторение повышает риск превращения этих клише в «факты».

В результате складывается впечатление, что Агван Доржиев был «колоссом на глиняных ногах». Но этот образ резко противоречит немногим дошедшим до нас свидетельствам людей, знавших его лично, – британских имперских чиновников, русских востоковедов и путешественников, советских чиновников. Тот, кто связан с работой Общества «Мемориал», понимает насколько сложна задача восстановления биографий людей и отделения реальных личностей от устоявшихся стереотипов. Я попыталась показать, как естественно возникающие культурные допущения усложняют проблему и какие дополнительные задачи возникают у исследователя, когда речь идет о публичном человеке, принадлежавшем другой культуре, и когда в дополнение к политическим ярлыкам мы сталкиваемся еще и с «культурными диссонансами», связанными с нашими представлениями о «другом».

Перевод с английского Елены Ивановой

В.М. Белковская
М.В. Мантуров

Рисунки Н.Е. Лансере как эго-документы

**Валентина Михайловна
БЕЛКОВСКАЯ**

**Михаил Владимирович
МАНТУРОВ**

*научные сотрудники
сектора изучения истории
Мраморного дворца
Государственного Русского музея,
Санкт-Петербург*

Архитектор-художник Николай Евгеньевич Лансере (1879–1942) оставил значительный след в истории русской культуры, но и в настоящее время не написана его полная биография. Основным монографическим исследованием является издание 1986 года, в котором приведен подробный список проектов и построек архитектора, в приложении опубликованы некоторые его письма к матери и брату и фрагменты переписки с А.Н. Бенуа¹. Архитектурное творчество мастера кратко представлено в небольшой статье сборника «Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века»².

Н.Е. Лансере много времени уделял архитектурной практике, принимал участие в международных архитектурных конкурсах. Им написан ряд научных работ, среди которых актуальные и сейчас «Архитектор Чарльз Камерон», «Главное Адмиралтейство и краткий очерк его

---

¹ *Оль Г.А., Лансере Н.Н.* Н.Е. Лансере. – Л.: Стройиздат, 1986. – 184 с. – (Сер.: Мастера архитектуры).

² *Саблин И.Д.* Николай Лансере // Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века. – СПб.: Лениздат, 1998.

создания». Он является автором более десяти статей для Большой советской энциклопедии, вошедших в издания 1927 и 1933 годов.

Книга «Винченцо Бренна»³, написанная Н.Е. Лансере между двумя арестами и завершенная в 1938, была опубликована спустя 60 лет при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Администрации Санкт-Петербурга.

Теоретическая и личная биография Н.Е. Лансере раскрывается не только в его теоретических трудах и архитектурных проектах, но также в рисунках и акварелях, созданных в годы репрессий. В архиве Научно-информационного центра «Мемориал» находятся альбомы и отдельные листы графики, переданные дочерью архитектора Натальей Николаевной Лансере. В Отделе рукописей Государственного Русского музея хранятся его письма 1930-х годов, адресованные дочери в Иркутск⁴.

Н.Е. Лансере с 1922 почти десятилетие служил в Русском музее в должности хранителя историко-бытового отдела, одновременно являясь председателем Строительной комиссии музея. Он занимался ремонтом исторических зданий, переданных тогда музею, создавал в них экспозиции и выставки⁵. Речь идет о Меншиковском дворце на Васильевском острове, особняке Бобринских на Галерной улице, Фонтанном доме (дворце Шереметевых на Фонтанке), дворце Петра I в Летнем саду и Домике Петра I на Петроградской стороне.

Николай Евгеньевич Лансере был захвачен музейной деятельностью. В письме, адресованном Александру Николаевичу Бенуа в Париж, он сообщает: «Сейчас я занят в Музее работой по устройству выставки в домике Петра I на Петербургской стороне. Недавно в нем ликвидировали часовню. Мне поручили привести домик в музейный вид»⁶.

В результате кропотливой научной и экспозиционной работы хранителя впервые дворец Петра I в Летнем саду превратился в музей с подлинной обстановкой первой четверти XVIII века. Но в публикациях о Летнем дворце и Домике Петра I имя создателя музеев долгое время не упоминалось.

При непосредственном участии Н.Е. Лансере в 1920-е годы во дворцах открылись художественные выставки историко-бытового отдела, и там некоторое время существовали музеи дворянского быта. Но изменения, происходившие в жизни музея, определили судьбу Н.Е. Лансере.

Взволнованный событиями, он 14 февраля 1930 написал в Париж А.Н. Бенуа: «...Отняли этот чудесный музей дворянского быта и передали в отдел народ-

³ Лансере Н.Е. Винченцо Бренна / Вступ. ст. В.А. Витязевой и М.А. Модзалевской-Лансере. – СПб.: Коло, 2006.

⁴ Отдел рукописей ГРМ. Ф. 38. Оп. 1. Ед.хр. 28.

⁵ Мантуров М.В. Н.Е. Лансере – хранитель историко-бытового отдела Русского музея. 1922–1931 // Коллекции и коллекционеры. – СПб., 2009.

⁶ ОР ГРМ. Ф. 137. Оп. 2. Д. 647. Л. 7.

ного образования (экскурсионной базе), которая похвасталась, что она сделает (пока еще ничего нет) из него замечательную экскурсию по марксистскому методу. На переустройстве музеев тут помешались и из кожи лезут, чтобы выявить идеологию и служить делу пропаганды и политической обработке масс (такая директива сверху). Но самое печальное, что музеи сокращают и ликвидируют для экспорта. Уже покончили с Елагиным, где Медведев устроил интереснейшую экспозицию ампира. Очередь за Гатчиной, Александровским дворцом, а там Павловск? В Москве варварство с уничтожением Красных ворот, Симонного монастыря...»⁷. Текст написан на открытке с изображением зала музея и экспозиций «Изделий дворянских крепостных фабрик».

Многих сотрудников историко-бытового отдела в те годы коснулись репрессии. Н.Е. Лансере, как сообщают документы, был арестован 2 марта 1931 и осужден за «шпионаж в пользу Франции». Этот трудный жизненный период иллюстрируют графические листы, созданные им как страницы личного дневника, они часто снабжены датами и надписями. Рисунки удивляют художественным мастерством, лаконичным и проникновенным восприятием действительности.

Акварель «Моя первая ночь в ГПУ» с надписью «5 марта 1931» уточняет фактическую дату ареста. Вся композиция повторена в листе меньшего формата, без даты и надписей. Художник изображает себя рядом с двумя конвоирами, сидящими на скамейке в вестибюле здания на Гороховой, 2. Узнаваемое большое пространство лестницы с высокими арочными проемами погружено в синий сумрак ночи. Позы и одежда людей свидетельствует о холоде и тревожной настороженности ожидания. В памяти художника остались даже лежащие на полу тени от окон.

Очевидно, свои рисунки Н.Е. Лансере создавал позднее, в камере. На листе «Стража в комнате ожидания (на площадке лестницы) в ГПУ» выразительны и характерны позы и движения охранников. Рисунок окончен 9 мая 1931. Все четыре композиции с фигурами вооруженных конвоиров снабжены датами вызова на допрос: «1 раз 5 марта, 2 раз 19 марта, 3 раз 21 марта, 4 раз 28 марта».

Около полугода Н.Е. Лансере провел в Доме предварительного заключения, в одиночной камере № 279 1-го корпуса, – он записал ее номер на одном из рисунков, запечатлевших это «жилище». Несколько рисунков и акварелей показывают камеру в разных ракурсах. Художник-архитектор работал в ОКТБ-12 и приносил с собой бумагу и краски. Коробочка акварели видна на листе с надписью «Вечер 27 мая».

Графические наброски и акварели представляют в деталях место заключения, и они были созданы через некоторое время после ареста. Вид камеры в сторону окна написан 3 мая, на следующий день – вид в сторону двери. Две зарисовки выполнены летом, 5 июня 1931. Это автопортреты усталого человека

⁷ Там же. Л. 5.

в пальто, севшего на нары и бессильно припавшего к холодной стене. Рядом надпись: «Так я тянул часы весь март и весь апрель».

Некоторые рисунки представляют эпизоды жизни арестанта. 25 апреля 1931 Н.Е. Лансере несколько раз зарисовал фигурку сизого голубя с надписью: «Мой Стуколка распушился (от холода) и дремлет». Голуби выразительно зарисованы еще несколько раз, и арестант записал: «Стучат и лезут на стекло» и представил даты 11, 12 и 18 мая 1931.

Листы, созданные Н.Е. Лансере в марте, сразу после ареста, передают его драматическое состояние. В холодной камере с асфальтовым полом взгляд художника постоянно останавливался на замерзшем окне.

Рисунок с датой 6 марта 1931 называется «Цветы моего волшебного сада (в ДПЗ)» Художник голубой акварелью воспроизводит морозные узоры на стекле, отмечая дни работы 7 и 8 марта 1931. На полях в левой части листа записаны строки стихов, сочиненных 17 марта 1931.

Мой дивный «сад»,
 покрытый пышными морозными цветами!
 Днем солнце все растопит, рисуя странные фигуры:
 то «Грозный в шапке Мономаха»,
 то «юная плясунья»,
 то «Слава с крыльями»,
 то «стрела»,
 то «изогнулась кошка»...
 А утром снова все расцвело
 Разнообразными цветами.
 Какая красота! Пальмы, кактус и акант...
 Так хладный север здесь создает
 Причудливую флору юга!
 За садом силуэты гор «кавказских»,
 Это щит громадный пред окном,
 железный, в снегу, обледенелый,
 Через который кормил тайком я хлебом голубей.
 Тюремное окно
 С железною решеткой
 Это мой волшебный сад!

Настроение узника передано и в акварели «Голубой узор» с датой 6 мая 1931. Изображены влажные коричневые стены камеры, через приоткрытую фрамугу окна среди облаков над тюремным двором видна небольшая полоска голубоватого весеннего неба. На обратной стороне листа строчки стихов с пометкой: «О. Уайльд, Баллада Редингской тюрьмы»:

Я никогда не думал, что может так пристальным быть взор,
 Вживается он в узкую полоску, в тот голубой узор,
 что, узники, зовем мы небом,
 И в чем наш весь простор.

Стихи являются вольным изложением поэмы Оскара Уайльда. Строки этой баллады, известной в переводе В. Брюсова, отражали, вероятно, внутреннее состояние заключенного:

Да, не знавал я, кто вперял бы
 Так пристально глаза
 В клочок лазури, заменявший
 В тюрьме нам небеса,
 И в облака, что плыли мимо,
 Раскинув волоса.
 <...>
 Рук не ломал он и не плакал,
 Приняв, что суждено,
 Но жадно пил он солнце, словно
 Таит бальзам оно,
 И ртом открытым пил он воздух,
 Как чистое вино.

Окно и видимые через него детали окружающего мира служили постоянной темой для рисунков. На листе от 4 июня дважды показано окно. Слева помещены наброски фигур во дворе и запись: «Сейчас же прогнали с окна».

В заключении Николай Евгеньевич создает множество зарисовок, в которых обращается к воспоминаниям о семье, о совместных путешествиях в Плес на Волге и на Кавказ. На акварели с подписью «Развалины замка под Боржомом. Рисовал в ДПЗ 17 мая 1931» представлен летний горный пейзаж с фигуркой человека. Надпись: «Прогулка с Алешей 19 августа 1928» напоминает ему о пребывании в горах с сыном.

В акварелях этого периода частично отражена и профессиональная деятельность Н.Е. Лансере в ОКТБ-12. Он работал над проектом гаража ОГПУ, обновившегося в здании бывшего Конногвардейского манежа, и участвовал в строительстве «Дома НКВД» на Литейном.

Изображение Манежа в праздничном убранстве датировано 12–15 апреля 1931. Вероятно, Н.Е. Лансере создавал эскиз для оформления здания к майским праздникам. Ко Дню Парижской коммуны им был подготовлен эскиз плаката с несколькими композициями.

В июле 1932 он изображает портик Манежа в лесах, с названием «Строительство гаража». Художник-архитектор запечатлел «Постройку дома НКВД» 29 апреля 1932. Выразительность графической композиции сочетается с документальностью: грандиозное здание в лесах и маленькая деревянная бытовка перед ним. Осенью, 4 сентября 1932, зарисован почти оконченный «Дом НКВД на Литейном». Грандиозный новый высокий фасад здания еще не полностью освобожден от строительных лесов.

Работая в ОКТБ-12, Н.Е. Лансере создает в 1932 ряд характерных портретных рисунков. Эти портреты могут иллюстрировать биографии заключенных. Например, Борис Константинович Рерих⁸ изображен в наушниках. Рядом запись «5 января 32 г. 2 часа ночи. Ловит Краков», справа запись: «Освобожден 2 января 1933 года в 6,5 часов вечера».

Как старший архитектор Н.Е. Лансере составлял отчеты. Сохранился цветной эскиз обложки для оформления полугодового отчета технического отделения Экономического отдела ПП ОГПУ за 1932 год.

Николай Евгеньевич оставался под арестом до 28 июля 1935. Летом он получил разрешение сначала посещать семью, а позднее проживать в своей прежней квартире при Русском музее (Инженерная ул., д. 4, кв. 17). В это время он был привлечен к выполнению новых заказных проектов.

Как сообщает Н.Е. Лансере в письмах к дочери в Иркутск, он работал над оформлением кабинета председателя Совета народных комиссаров (Молотова). Ему было заказано также оформление кают на правительственных яхтах. Тогда же он получил должность архитектора во Всесоюзном институте экспериментальной медицины. Архитектор, лишенный документов, выполнял работы, получая «крошечные деньги» на прожиточный минимум и ожидая «жалования, которого могло бы хватить на жизнь». Деньги выдали 16 августа 1935. Но еще накануне Николаю Евгеньевичу было предложено в пятидневный срок уехать из Ленинграда.

На страницах своих писем Николай Евгеньевич также помещал рисунки. Например, в письме от 30 октября 1935 зарисовка среди текста: «Это я пробовал зарисовать маму на диване, а к ней, конечно, прилез Томка умываться». Отдельно кота, «одноухого Томка» художник изобразил в письме от 7 октября 1935. Такие беглые зарисовки свидетельствуют, что и в сложных жизненных обстоятельствах художник по-прежнему доброжелательно внимателен к окружающей действительности. В июле он сообщает о прогулке в Летнем саду и помещает акварельный набросок садовой скульптуры.

Акварель «Вид обелиска в Гатчинском парке» украшает письмо к дочери от 7 августа 1935. Николай Евгеньевич сообщает, что накануне ему удалось съездить в Гатчину, хотя паспорта у него еще не было. Паспорт он получил 30 сентября 1935 благодаря хлопотам брата в Москве.

⁸ Б.К. Рерих – художник-архитектор, родной брат художника Н.К. Рериха. В ОКТБ-12 он также работал над проектами здания на Литейном и реконструкции Манежа под гараж ОГПУ.

Жизнь Н.Е. Лансере была постоянно наполнена искусством. Рисунки он создавал как ежедневные записи. В одно из писем вложена акварель «Новогодний бал в Мраморном зале Этнографического музея». В тексте письма, не вспоминая о празднике, Н.Е. Лансере сообщает, что вместе с В.В. Макаровым писал программу «История интерьера» для научно-исследовательского института Академии художеств.

В монографии о Н.Е. Лансере дочь архитектора отметила: «Рисование было насущной потребностью его души».

Все графические произведения Н.Е. Лансере могут рассматриваться как мемориальные источники, и в этом качестве они нуждаются в систематизации и последующем издании. Настоящая статья является только заявкой на эту работу, тем не менее она позволяет дополнить биографию архитектора-художника в 1931–1935 годах и более полно представить его личность.

М.Т. Валиев

Изобретатель Николай–Карл Альбертович Бенуа (1881–1938)

Мурат Тимурович ВАЛИЕВ

*Музей истории
школы Карла Мая,
Санкт-Петербург*

Николай-Карл Бенуа родился в Санкт-Петербурге 21 августа 1881¹ в семье акварелиста, будущего академика Академии художеств Альберта Николаевича Бенуа (1852–1936) и Марии Карловны Бенуа (урожд. Кинд, 1878–1953)².

Двумя годами ранее в семье Бенуа появился первенец, старший брат Николая – Альберт Альбертович Бенуа (1879–1930), в будущем талантливый живописец. В большом числе публикаций, посвященных истории рода Бенуа, почти всегда упоминается старший брат и, к сожалению, почти никогда – младший.

Мальчики росли в артистической среде большой семьи Бенуа. Глава семейства пользовался заслуженной репутацией одного из лучших акварелистов России, мать была талантливой пианисткой, неоднократно выступала в симфонических и камерных концертах. Трогательные строки Альберту Николаевичу

---

¹ Все даты до 1918 года приводятся по старому стилю.

² Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 144. Оп. 2. Д. 128. Л. 80.

посвятил его младший брат, Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), в будущем счастливо соединивший свою судьбу с младшей сестрой Марии Карловны, Анной Карловной Кинд (1869–1952). Несколько отрывков из воспоминаний Александра Бенуа³ позволяют хорошо представить царившую в доме Бенуа атмосферу:

«...Особенно я оценил Альберта-музыканта, когда, благодаря ему же, в нашу семью вступила настоящая музыкантша, блестящая пианистка, “лучшая ученица Лешетицкого”⁴ – Мария Карловна Кинд, вскоре затем ставшая Марией Карловной Бенуа, – ибо именно она-то и завоевала сердце Альберта.

...Альбер [так!] был на редкость хлебосольным хозяином, и в этом с ним вполне сходилась его первая жена. Гости у них буквально не переводились, а летом не только завтракали и обедали, но зачастую и ночевали. Бывало, что останется после какого-нибудь праздника человек десять, и тогда они располагались, кто как мог, – одни на диванах, другие на тюфяках, разложенных на полу, третьи в сарае на сеновале. Эти импровизированные ночевки доставляли большие хлопоты прислуге, но у Альбера прислуги было немало, и она не роптала, так как ночевки сопровождались щедрыми “на-чаями”. И какие же тогда бывали весьма забавные “коллективные авантюры”. Сколько тут получалось комических недоразумений, сколько неожиданных сближений, сколько смеха, сколько остроумных шалостей. Не менее многолюдными и веселыми бывали обеды, музыкальные вечеринки и балы у Альбера и Маши в городской их квартире. Особенно памятным остался маскарад, устроенный ими в 1883 г., когда их зала во время недолгого перерыва в танцах была внезапно превращена в ярмарку с лавками, с трельяжами, с гирляндами зажженных фонариков. Альбер был вообще великий мастер на организацию всякого такого “вздора”, и сам более всего при этом веселился (именно в течение этих празднеств он мог с особенным успехом предаваться своему любимому занятию – “флирту”).

...Одно было нехорошо в этом непрерывном расширении круга знакомства-дружбы, в этом накоплении Альбертом Бенуа всевозможных связей. В этом не могло быть настоящего разбора, а отсутствие разбора производило то, что Альберт постепенно обрастал как несомненными паразитами, которые всячески его эксплуатировали, так и просто людьми ненужными, отнимавшими у него бездну времени. Вместе с возрастающей популярностью рос и его официальный успех, увенчанный милостью самого государя. А все это уже содержало в себе большие опасности для его художества. Если бы еще Альберт обладал натурой царедворца, если бы ему действительно нравились почести и слава, вся декоративная сторона успеха, то это погубило бы в нем художника, но, по крайней мере, это дало бы совершенно определенное направление его жизни. По своей же приро-

³ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – С. 88-98.

⁴ Теодор Лешетицкий (1830–1915) – польский пианист, музыкальный педагог и композитор.

де Альберт был далек от тщеславия, и даже приближение к первому лицу в государстве не только не возбуждало в нем какой-либо гордости, а представлялось ему чем-то совершенно естественным и "просто интересным". Альберт оставался насквозь художником, и "только" художником; к сожалению, как раз ему как художнику особенной пользы не получалось оттого, что его как-то расхватавали, что огромная часть его времени уходила на всякую светскую суету».

К сожалению, семейная жизнь талантливых индивидуальностей не являлась идиллией. Мария Карловна не прощала мужу даже мимолетных увлечений, Альберт Николаевич тяготился излишним контролем. Поиски компромисса не увенчались успехом, и семья распалась.

В 1894, когда еще ничего не предвещало семейного разлада, родители определили Николая-Карла в третий класс реального училища Карла Мая⁵. К этому времени здесь уже учился его старший брат Альберт. Отказ от гимназического отделения не был случаен – уже в этом возрасте Николай предпочитал точные науки. В 1899 Николай-Карл окончил полный курс училища, включая седьмой дополнительный класс, что давало ему право поступления в высшие учебные заведения.

К концу XIX – началу XX века школа Карла Мая достигла пика своего развития. Среди бывших учеников школы были члены Государственного Совета, губернаторы, ректоры высших учебных заведений, министры, крупные военачальники, деятели культуры и науки. Достаточно упомянуть такие имена, как губернаторы А.Д. Зиновьев, С.Н. Корф, М.В. Иславин, М.В. Арцимович; министр внутренних дел Д.С. Сипягин; генерал от инфантерии Н.А. Епанчин; контр-адмиралы И.В. Коссович; П.В. и Ф.В. Римские-Корсаковы; генералы флота А.И. Варнек, Н.Ф. Фогель и П.Н. Вагнер; ректор С.-Петербургского университета Д.Д. Гримм; члены объединения «Мир искусства» А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, В.А. Серов, К.А. Сомов, А.Е. Яковлев; академики С.Г. Елисеев, Д.Н. Андреев, М.Р. Фасмер и многие другие. Не меньшей славой пользовались педагоги школы Карла Мая. Учебники физики О.Д. Хвольсона, математики Н.М. Гюнтера, математической географии К.К. Арнгейма, немецкого языка Э.К. Пецольда считались лучшими на всем пространстве Российской империи⁶.

К сожалению, в сохранившемся архиве школы⁷ отсутствуют личные дела учеников, но благодаря мемуарным запискам, семейным архивам бывших учеников и педагогов, фондам высших учебных заведений нам хорошо известна обшая атмосфера школы, ее традиции, значительные события. В 1906 вышел сборник, посвященный 50-летию школы, в 2005 была опубликована монография о

⁵ *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове: Историческая хроника: в 2 ч. – Ч.1. – СПб.: Наука, 2005. – С. 433.

⁶ Там же.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 144.

ее истории⁸. Копилка наших знаний постоянно пополняется благодаря переписке с потомками ее учеников и педагогов. Школа была настолько ярким явлением в жизни ее питомцев, что верность традициям, воспоминания об ушедших временах до сих пор наполняют смысл жизнь внуков и правнуков «майских жуков».

К концу XIX века гимназия Мая, первоначально основанная по инициативе немецкой диаспоры, вышла далеко за провозглашенные национальные рамки и стала интернациональной, всесословной и мультиконфессиональной. В одном классе учились дети аристократических родов князей Гагариных и баронов Корфов, потомки богатых купеческих семейств Елисеевых, Шиттов и Шлиссеров, представители передовой артистической среды Бенуа и Бруни, сыновья высшего армейского и флотского офицерства. За одними партами с ними сидели дети крестьян и синагогальных служек, рабочих и мелких государственных служащих.

Николай-Альберт Бенуа провел в стенах школы К. Мая полные пять лет. Можно предположить, что эти годы сыграли определяющую роль в формировании личности юноши, ведь именно в школе были приобретены первые друзья, здесь он не только получил знания, но и усвоил уроки нравственности, творческой свободы и товарищества.

Для того, чтобы лучше почувствовать атмосферу школы этого времени, посвятим несколько строк товарищам и учителям юного Бенуа.

В одно время с Николаем в школе учились: младший брат Николая Константиновича Рериха⁹, будущий биолог Владимир Константинович Рерих; будущий географ, член знаменитой семьи Семеновых-Тян-Шанских, Михаил Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский; будущий писатель-зоотехник Карл Карлович Саковский; будущий врач Александр Иванович Эберт; сын убитого террористами уфимского губернатора Модест Николаевич Богданович; будущий микробиолог, профессор Оскар Оскарович Гартох; будущий философ Борис Валентинович Яковенко; будущий юрист Бруно Францевич Рейхардт; сыновья композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова – Владимир, Андрей и Михаил.

Нельзя не упомянуть еще одного незаурядного одноклассника Николая Бенуа, видного деятеля революционного движения, «красного барона» Эдуарда Эдуардовича фон Эссена, в советское время возглавившего Академию художеств.

Если говорить о педагогическом коллективе школы, то практически каждый из учителей заслуживает отдельного рассказа.

О качестве преподавания в школе Карла Мая говорит, например, тот факт, что уроки рисования вел академик Академии художеств Карл Богданович Вениг, исторический живописец, участник росписи храма Христа Спасителя в Москве¹⁰.

⁸ *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове: Историческая хроника: в 2 ч. – Ч.1. – СПб., 2005; Ч. 2. – СПб., 2009.

⁹ *Благово Н.В.* Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. – СПб.: Наука, 2006.

¹⁰ См.: *Валиев М.Т.* Портрет двух петербургских художников в интерьере начала XX века // История Петербурга. – 2010. – № 6. – С. 36-40.

С особым теплом ученики гимназии вспоминали учителя русского языка и словесности М.Е. Доброписцева. Его уроки отличались обстоятельностью и отличным знанием материала. Михаил Евграфович вел занятия по собственному оригинальному курсу и прививал своим ученикам способность к самостоятельному мышлению.

Не меньший след в истории школы оставил преподаватель русского языка и словесности В.Н. Кораблев – известный публицист и историк литературы. Василий Николаевич щедро делился с учениками не только своими знаниями, но и беззаветной любовью к русской литературе, занятия его всегда проходили с большим эмоциональным подъемом.

Историк Михаил Александрович Полиевктов являлся широко признанным авторитетом в истории внешней политики России, в частности, по российско-грузинским отношениям, а также автором лучшего исторического жизнеописания императора Николая I.

Химию, математику и физику изучали под руководством доктора химии Московского университета Венедикта Викторовича Курилова.

Сергей Александрович Порецкий, сам выпускник гимназии Карла Мая 1879 года, блестяще преподавал младшему поколению «майских жуков» естественную историю и географию.

Особой и заслуженной любовью учеников пользовался преподаватель математики и космографии Дмитрий Васильевич Ройтман, который умел наполнить свои уроки атмосферой творчества и к детям относился с постоянной теплотой и вниманием.

И, наконец, следует отметить знаменитого преподавателя физики Ореста Даниловича Хвольсона, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук, почетного члена РАН, выпускника гимназии 1869 года. Автор шеститомного курса физики, выдержавшего более сорока изданий, переведенного на немецкий, французский и испанский языки, по общему признанию стал «учителем не только всех советских физиков, но и вообще всех физиков нашего времени»¹¹.

Качество преподавания математики и физики в школе было настолько высоким, что знаний, полученных в школе, оказалось достаточным для изобретательской деятельности Николая Бенуа.

* * *

После окончания средней школы Николай Бенуа некоторое время учился в Женевском университете¹². В 1902 на правах вольноопределяющегося поступил на действительную военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1903 сдал экзамены на офицерский чин в Павловском военном учили-

¹¹ Проф. О.Д. Хвольсон. Некролог // Ленинградская правда. – 1934. – № 111, 12 мая.

¹² Шуляченко Р.И. Николай Альбертович Бенуа // 200 лет семье Бенуа в России: Юбилейный сб. / Сост. В.А. Фролов. – СПб., 1994. – С. 25-27.

ше¹³. Как раз к этому времени относятся его первые шаги в создании замечательного изобретения, прославившего имя героя нашего очерка, – звукометрической аппаратуры для определения местоположения неприятельских артиллерийских батарей по звуку их выстрелов. К сожалению, приоритет Н.А. Бенуа в этой области долгое время замалчивался, и только благодаря работам крупного специалиста в военной звукометрии полковника в отставке Р.И. Шуляченко имя изобретателя было возвращено из забвения в начале 1990-х. Даже в узкоспециальном закрытом учебном пособии для военных училищ Шуляченко посвятил незаслуженно забытому изобретателю отдельную главу «Реабилитация Н.А. Бенуа»¹⁴.

Началось все с того, что поручик Бенуа обратил внимание на то, как легко определяется человеком направление на артиллерийское орудие в момент традиционного полуденного выстрела пушки со стены Петропавловской крепости. Очевидно, что это связано со способностью человеческого уха улавливать микроскопическую разницу во времени прихода звука к левому и правому уху. Главной идеей Николая Альбертовича была уверенность, что точность измерения можно существенно улучшить, если разнести приемники звука на большое расстояние и максимально увеличить их чувствительность. В 1909 он предложил метод и аппаратуру для определения местоположения неприятельских артиллерийских батарей по звуку их выстрелов. В 1913, после перехода на гражданскую службу, Н.А. Бенуа продолжил работу в области военной звукометрии. Первые опытные приборы были изготовлены по частям за пределами России. С первых дней появления информации о новом приборе работа Бенуа стала объектом повышенного внимания иностранных разведок. Вскоре изобретению был присвоен гриф секретности: «Его Императорским Величеством благоугодно было повелеть принять все меры, чтобы прибор остался неизвестным для иностранных армий»¹⁵.

Однако первая утечка информации произошла на самых ранних этапах. Уже в 1909 в газете «Новое время» появилась восторженная статья о результате полигонных испытаний одного из опытных образцов прибора. В заметке говорилось:

«...Прибор представляет собой небольшой изящный ящичек, который легко можно нести одной рукой, с электрической батареей и рядом циферблатов и зубчатых колес. Проводами подключаются восприимчик – металлический кружок с листком бумаги и тоненькие стрелочки. Восприимчики расставляются на

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 30778. Л. 99-100.

¹⁴ Шуляченко Р.И. Звуковая разведка в артиллерии. – М.: Воен. артил. акад. им. М.И. Калинина, 1993. – С. 41-43.

¹⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 422. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 4, 46.

разные расстояния. Выстрел орудия фиксируется с точностью до 1/1000 доли секунды. Отсюда по специальным таблицам определяют угол и получают направление на орудия. Один выстрел определяется за несколько минут расчетов. Повторное испытание на дистанции в 3 версты дал разницу в определении местонахождения орудия всего в несколько футов. Отъехали на 5 верст – точность такая же.

...Чем хуже погода, тем действие их отчетливее и точнее. При всем том результаты опыта получились просто блистательными.

...Возможность по первым выстрелам засечь врага в точку дает огромное преимущество в артиллерийском бою.

Оригинально еще и то, что изобретатель, поручик лейб-гвардии Преображенского полка Бенуа, сын известного художника Л.Н. Бенуа¹⁶, не готовился ранее к военной службе и никогда не служил в артиллерии. С увлечением работая над своей специальной задачей, изобретает после двух лет упорного труда и больших затрат тонкий и остроумный прибор для артиллерийской стрельбы¹⁷.

После начала Первой мировой войны штабс-капитан Н.А. Бенуа вернулся в действующую армию и на свои средства сформировал звукометрический отряд. Успешность применения прибора подтверждалась его использованием в боевых условиях. Впервые прибор был применен в августовских боях 1914 года на Люблинском фронте. Приведем типичный отзыв – выписку из полевой книжки командира лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады полковника Пономаревского-Свидерского:

«Удостоверяю, что в бою при дер. Олексов под Ивангородом 11 Окт[ября] Лейб-гвардии Преображенского полка Штабс-капитан Бенуа находясь со своим прибором – засекателем звуковых волн вблизи моего наблюдательного пункта с достаточной точностью определил местонахождение [неприятельской] батареи у фольварка Градовице и тем способствовал нашим батареям привести ее к молчанию»¹⁸.

В другом рапорте говорилось: «Нормально закрытая цель противника бралась в узкую вилку шестым и седьмым или восьмым и девятым выстрелом, были же случаи получения узкой вилки вторым и третьим выстрелом. Это обстоятельство особенно оттеняет серьезное значение прибора, особенно если учесть что днями и неделями зачастую стоят части безсильныя обнаружить скрытые неприятельские позиции и бесплодно разбрасывая многия сотни снарядов»¹⁹.

Важно отметить, что приблизительно в это же время впервые удалось доказать уникальную возможность использования прибора для корректировки своей стрельбы по звуку своих разрывов.

¹⁶ В газете допущена ошибка, правильно: «сын известного художника А.Н. Бенуа».

¹⁷ Новое время. – 1909. – № 12069. – С. 3.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 949. Оп. 1. Д. 27. Л. 234-237. Орфография и пунктуация оригинала.

¹⁹ Там же.

Николай Альбертович проявил и незаурядные организаторские способности. В тяжелых условиях военного времени им была организована школа по подготовке «звукометрических команд». Одновременно было налажено производство аппаратуры на специально созданном «Товариществе механических заводов и К°», первоначально размещавшемся в доме, принадлежащем отцу изобретателя на улице Глинки, а позднее на Малоохтинском проспекте.

В перспективе предполагалось исследование возможности применения устройства для обнаружения подводных лодок, разработка стационарных установок для морских и сухопутных крепостей. Уместно напомнить также, что в середине 1930-х Н.А. Бенуа вел работы по использованию своего изобретения в геологоразведке, в том числе для сейсмической разведки нефтяных месторождений, – то есть стоял у истоков одного из самых перспективных направлений современной геологической науки.

После 1918 изобретения Н.А. Бенуа были приняты на вооружение в РККА. В 1923 в России был сформирован первый разведывательный артиллерийский дивизион. В феврале 1935 «военспец Бенуа» был даже награжден ценным подарком.

Свою последнюю работу, озаглавленную «На заре звукометрии», Николай Альбертович опубликовал в первом номере «Артиллерийского журнала» за 1935 год²⁰. На нескольких страницах изобретатель рассказал об истории разработки и еще раз подчеркнул приоритет России в этом изобретении. Первые иностранные аналоги появились только в 1915.

Однако успешная изобретательская деятельность не спасла Николая Альбертовича от нарастающего вала репрессий. 19 марта 1935 он был арестован. Бывшего потомственного дворянина, бывшего капитана царской армии, бывшего владельца заводов признали «социально опасным элементом» и вместе с женой и сыновьями на пять лет выслали в город Атбасар Карагандинской области; позднее семью перевели в село Володарское Актюбинской области. Кроме всего прочего, в вину Николаю Альбертовичу вменяли продажу за границу своего изобретения. Следует отметить, что продажа эта состоялась еще до революции с разрешения царского правительства. Скорее всего, на судьбе Николая Альбертовича отрицательно сказался и тот факт, что его отец, брат и сестра к этому времени находились в эмиграции. К тому же его сестра, Камилла Альбертовна (1879–1959), была замужем за одним из лидеров Белого движения, известным генералом Д.Л. Хорватом (1858–1937)²¹.

13 февраля 1938 Н.А. Бенуа был арестован вторично. Тройка УНКВД Алма-Атинской области признала его виновным в «шпионаже» и приговорила к выс-

²⁰ Бенуа Н.А. На заре звукометрии // Артиллерийский журнал. – 1935. – № 1.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1380. Л. 87-92; Д. 1403. Л. 56-57; Д. 1447. Л. 297, 300; Д. 1471. Л. 211-213, 261. О Д.Л. Хорвате см. также: База данных «Жертвы политического террора в СССР». – <http://lists.memo.ru/d4/f169.htm>

шей мере наказания. 27 ноября 1938 приговор был приведен в исполнение. Та же участь постигла и жену Николая Альбертовича, Серафиму Михайловну Бенуа (1895–1938). Дети Николай (1915–?) и Денис (1917–1977) остались сиротами. Денис Николаевич был арестован в 1941, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1949 освобожден из лагеря и выслан. Николай Николаевич до ареста отца успел окончить Музыкальный техникум при Ленинградской консерватории по классу рояля, в марте 1935 вместе с родителями и братом был выслан из Ленинграда, на январь 1936 находился в Актюбинске. Дальнейшая его судьба после гибели родителей нам не известна...

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 о полной реабилитации Н.А. Бенуа явился весьма слабым и запоздалым утешением...

И.А. Гордеева

Пацифист Диверсант: История российского пацифизма позднего советского времени в биографии Юрия Попова (1954–1999)

**Ирина Александровна
ГОРДЕЕВА**

*кандидат исторических наук,
доцент РГГУ, Москва*

В период позднего социализма в странах Восточной Европы возникло низовое, независимое движение за мир, которое стало одним из новых социальных движений, направленных на защиту международного мира и продвижения в обществе ценностей ненасилия¹. В 1982, когда заявили о своем существовании группы «За установление доверия между СССР и США» («Группа Доверия») и «Свободная инициатива», такое движение появилось и в СССР.

История этих групп до последнего времени оставалась малозученой и неизвестной широкой публике по ряду причин культурного, социально-политического и, в случае со «Свободной инициативой», источниковедческого характера. Многочисленные документы по истории «Группы Доверия» можно найти в коллекциях самиздата Института «Открытое общество» в Будапеште (OSA) Центрально-Европейского университета, в библиотеке и архиве Московского «Ме-

---

¹ Подробнее см.: In Search of Civil Society: Independent Peace Movements in the Soviet Bloc / Ed. by V. Tismaneanu. – N.Y., London: Routledge, 1990.

мориала», в архивах зарубежных мирных, пацифистских и правозащитных организаций.

Документы по истории «Свободной инициативы» – напротив, большая редкость. В текстах по истории диссидентского движения, в воспоминаниях о неофициальной культурной жизни позднего советского времени нет никакой информации о «Свободной инициативе» и ее лидерах. Более или менее известны в узких диссидентских кругах и широкой международной общественности были лишь обращение группы «Свободная инициатива» к американской молодежи², декларация Сергея Троянского (1954–2004?)³, манифест группы «Свободная инициатива»⁴, а также немногочисленные материалы советских правозащитников, советских и зарубежных пацифистов и информационных агентств в связи с защитой «узников мира».

Наиболее подробная информация о «Свободной инициативе» обнаруживается в справочниках периода перестройки. Издание «Неформальная Россия» сообщает: «Группа существует с 1982 года. Устав принят в 1987 году. Пацифисты, хиппи-анархисты. Выступают за общедемократические права и свободы, свободу собраний, печати, ассоциаций и организаций, сокращение армии и сроков службы, стирание границ между странами, ликвидацию армий всех государств, тюрем и концлагерей, и т.д. Основная форма деятельности состоит в написании листовок с обращениями, надписей на стенах домов пацифистского содержания... Издают самодельный журнал "Свобода". Выходит 4 раза в год, с 1987 года, 20 страниц, тираж не более 30 экз. Актив 10 человек. Возраст 18–23 года»⁵. Согласно «Справочнику периодического самиздата» А. Суетнова, публицистический и литературно-художественный журнал «Свобода» издавался группой «Свободная инициатива» под редакцией Ю. Попова с начала 1988, выходил ежесезонно и содержал в себе «литературное и художественное творчество московских хиппи»⁶.

Лишь материалы устной истории – бесед с бывшими участниками сообщества советских хиппи и другими представителями контркультуры – позволили более или менее убедительно реконструировать историю этой группы. И первые же интервью выявили три поразительных факта. Оказалось, что:

- хипповым прозвищем лидера пацифистской группы «Свободная инициатива» Юрия Попова было «Диверсант»;
- большинство хиппи, подписи которых стояли под документами «Свободной инициативы», скорее всего, не подписывало этих документов;

² Архив самиздата (АС). № 5326. Группа «Свободная инициатива». Обращение к молодой Америке. (Материалы самиздата. № 3, 1984)

³ АС. № 5325. Троянский С. К 1 июня 1981 года. (Материалы самиздата. № 33, 1984)

⁴ Свободная инициатива. Назад пути нет // День за днем. – 1987. – № 9 (сентябрь). – С. 23-26; То же // Страна и мир. – 1987. – № 6 (42). – С. 142-143.

⁵ Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника). – М., 1990. – С. 324-325.

⁶ Суетнов А.В. Справочник периодического самиздата. – М., 1990. – С. 75.

– почти все, кто числился членом «Свободной инициативы», принимали наркотики и вели асоциальный образ жизни⁷.

В устных интервью и частных беседах позитивными воспоминаниями о Юре поделились Сергей Батоврин (Террейн), Сандр Рига, Георгий Мейтин (Гарик Рижский), Олег Романенко (Пудель), Алексей Еганов (Джузи) и Вероника Волошина (Йоко), О. Пономарева (Тролль), Илья Кестнер, Александр Рубченко (Рулевой), Боб МакГлинн, А. Шиленок (Азазелло). В личном архиве Г. Мейтина нашлись письма Диверсанта и его листовки. Алексей Еганов оказался обладателем пяти номеров «Свободы»⁸, чуть позже отдельные экземпляры были найдены в библиотеке «Мемориала» и архиве Института «Открытое общество». О. Пономарева хранила тетрадки Дивера – записные книжки начала 1990-х годов⁹. В архиве Азазелло хранилось несколько рисунков Юрия Попова¹⁰. Некоторые даже вспомнили, что когда-то получили по почте от Юры членский билет «Свободной инициативы», – Юра печатал их на пишущей машинке и рассылал по почте своим знакомым, и такой билет сохранился у Г. Мейтина.

Диверсант оказался легендарной личностью. Он упоминается во многих рассказах о хиппи 1970-х как примечательный внешне завсегда хипповых тусовок, любитель кайфа, читатель интеллектуальной литературы и даже своего рода активист. В романе А. Ровнера «Калалацы» он был выведен под именем Юры Заложника:

«У Юры Заложника – светлые волосы до подмышек. Высокий, костистый, ходил он в зеленом френче керенского покроя с расстегнутой верхней пуговкой, и на шее крестик.

Он привел меня в “Ивушку”, “Вавилон” и “Русский чай”. Согнувшись, ходил от столика к столику, шептал: “Чувак, у тебя не найдется вытерки¹¹, меня два дня трясет”. Показывал на меня: “Это Костя-пионер”. Ввел меня в сленг: “хомут”, “косяк”, “аскать”, “паренца”, – что означало: милиционер, закрутка марихуаны, спрашивать, родители.

Заложник считался теоретиком, ему приписывали текст: “Вы отняли у нас все – в школах засрала наши мозги, в дурдомах закололи нашу память. Но у нас еще осталась наша жизнь и право выбирать себе способ казни. Мы хозяева своей крови и можем делать с ней все, что хотим, – отравлять ее наркотиками или поливать ею заборы”.

⁷ Юрий Попов погиб на улице при невыясненных обстоятельствах в 1999, а Сергей Троянский пропал без вести в 2004. Почти всю жизнь оба они принимали наркотики, неоднократно помещались в психбольницы, нигде не работали и не могли заботиться о собственных детях. Все то же самое можно сказать почти о всех, кто упоминался в источниках как участник «Свободной инициативы».

⁸ В настоящее время эти экземпляры хранятся в Музее Холодной войны – Wende Museum.

⁹ В настоящее время тетради переданы дочери Диверсанта С. Труевцевой.

¹⁰ В настоящее время архив Азазелло передан в Музей Холодной войны – Wende Museum.

¹¹ По свидетельству А. Еганова (Джузи), «вытерка» – это рецепт (обычно поддельный) на наркотики и приравненные к нему лекарства. (Из личной переписки в фейсбуке.)

Когда он клеил листовки с этим текстом возле югославского посольства, за ним увязались хомуты. Он пустился бежать, а когда увидел, что его все равно поймут, бросился на землю и заорал:

– Леша, отстреливайся!

Хомуты залегли, повытаскивали пистолеты. Его, конечно, поймали и рукояткой пистолета по голове приписали. С этой истории Заложник стал популярной личностью.

О нем гнали телеги: шел он по Красной площади с букетом маков, а за ним шли два милиционера и уговаривали:

– Юра, остановись! Юра, остановись сейчас же! Ты же знаешь, что только ты сойдешь с площади, мы тебя арестуем.

Но Юра дошел до центра площади, положил маки на асфальт и лег на них щекой.

Собралась толпа, милиционеры стали их распахивать, и тогда Юра очень медленно встал и ушел.

В другой раз он-де принес в метро пустую лимонку, доехал до площади Маяковского, дождался, покуда объявили: «Осторожно, двери закрываются», закричал страшным голосом:

– Ложись! – и запустил лимонку под ноги пассажирам. Лимонка закружилась волчком, все попадали, позатыкали уши, – поезд ушел, сам он снаружи остался, – положили в дурдом¹². Именно с этим случаем и связывают происхождение прозвища Диверсанта.

А Дворкин вспоминает о Юре как о колоритном хиппи-одиночке, в комнате которого, выкрашенной в черный цвет от пола до потолка, на стене напротив кровати висел самодельный плакат «Дай работу пулемету». По его словам, Диверсант любил порассуждать о военной истории Третьего рейха. Дворкин также на свой лад рассказывает историю с наклеиванием листовок и последующей погоней¹³.

С. Батоврин, бывший хиппи и организатор советского низового антиядерного движения, в своих воспоминаниях назвал Диверсанта «организатором многолюдных мероприятий контркультуры и завсегдаем психиатрических больниц»¹⁴. По его мнению, Юра был настоящим, искренним и последовательным пацифистом уже в середине 1970-х годов.

В. Видеман, бывший хиппи и участник советского оккультного подполья, вспоминает о Юре как о человеке, которого периодически «накрывала волна политического активизма». Он считает, что Юра был сознательным оппозиционером, интересовался «политикой», общался с диссидентами, в середине

¹² Ровнер А. Калалацы. – М., 1990. – С. 43-44.

¹³ Дворкин А.Л. Моя Америка. – Нижний Новгород, 2013. – С. 93.

¹⁴ Батоврин С. Беспечное путешествие с группой «Волосы» // Невыносимая свобода творчества. Москва, 1975. Дом культуры ВДНХ. – М., 2010. – С. 32.

1970-х годов занимался перепечаткой «Хроники текущих событий»¹⁵. В контексте связи с диссидентами о Юре упоминает и В. Бояринцев¹⁶.

Во всех этих легендах есть реальная составляющая: в отличие от большинства других «советских» хиппи, у Юры всегда был развит интерес к политике, он находился в идеологическом поиске, мечтал превратить тусовку хиппи в настоящее общественное движение.

Бывшие советские хиппи с трудом могли ответить на вопрос, что они знают о «Свободной инициативе». Чаще всего даже самые близкие друзья Диверсанта заявляли, что никогда не слышали о такой организации. Под «Обращением к молодой Америке» стояли 89 подписей. Некоторые из разысканных нами подписантов искренне удивлялись наличию под документом своего имени; были и такие, которые отрицали не только факт подписания «Обращения», но и факт знакомства с текстом документа.

По результатам первых интервью с хиппи получалось, что «Свободная инициатива» никогда не существовала, она была психологической реальностью лишь для нескольких человек, ее можно назвать мистификацией (определение Сандра Риги) или «личной игрой Дивера» (определение А. Тарасова). В условиях политической несвободы не такой уж редкостью были организации, которые олицетвились только в мечтах, стали фактом не истории, а лишь биографий тех, кто мечтал об общественной деятельности¹⁷.

Благодаря материалам устной истории и документам личных архивов, стала возможна реконструкция биографии Диверсанта. Юра Попов родился 26 октября 1954 в Москве. Уже в старших классах школы он отстрил волосы, присоединился к хиппи и стал устраивать акции протеста, из-за которых попал в психушку и получил диагноз. По воспоминаниям сестры Юры, в истории его болезни было упомянуто, что он «ходит босиком и читает Л. Толстого»¹⁸. Будучи инвалидом 2-й группы, Юра нигде не работал, жил на пенсию и был оригинальным художником-любителем.

Насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении документам, «политическая» биография Юры началась с отрицания. Один из первых составленных им манифестов, который он сам датировал 1972 годом¹⁹ и перепечатал позднее в своем журнале «Свобода» в рубрике «Система»²⁰ вчера и сегодня», содержал в себе такие слова:

¹⁵ Благодарю автора за возможность ознакомиться с неопубликованной версией воспоминаний «Неизвестный Союз».

¹⁶ *Бояринцев В.* Мы – хиппи: Сб. рассказов. – М., 2001. – С. 34.

¹⁷ Другой подобный пример, связанный с политической историей советской контркультуры, это псковская «Коммуна-1» Валерия Никольского.

¹⁸ Интервью с Т. Ивановой, 01.03.2014.

¹⁹ По свидетельству очевидцев, эта дата близка к истине, возможно также, что это был 1973 или 1974 год.

²⁰ «Система» – самоназвание сообщества «советских» хиппи.

«Все чего-то хотят: коммунисты хотят мира. Империалисты хотят войны. Все заботятся о судьбах человечества. А нам нужна только Свобода...

Мы требуем для всех без исключения, для всех, кто оказывает сопротивление или как бы то ни было выражает свой протест, – АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ...

Во всех случаях инцидентов с существующей властью мы хотим, чтобы всех, кто только признает свою принадлежность к “Системе хиппи”, немедленно передавали в руки их близких друзей и единомышленников. Никакие изменения внешнего вида задержанных, как то: стрижка, смена одежды и т.д. – невозможны. Иначе мы будем вынуждены прибегнуть в последнем средству собственной защиты – самоубийству».

Под декларацией стояли имена: Вася (Лонг) Б., Ян (Беленький), Вася (Литл) Ю., составил: Юра П. (Диверсант), Казак М. (Красноштанник), Валя (Ринга), Жея (Джагер)²¹.

В данной декларации обращает на себя внимание идейная инфантильность составителей и почти полное отсутствие у них позитивного идеала. «Советские» хиппи – яркий пример сообщества отрицания, построенного на негативных идентичностях. Видеман утверждает, что в этот период Диверсант увлекался идеями С.Г. Нечаева. Именно в этот, «нигилистический», период у Юры появилось его прозвище в значении «ниспровергатель устоев, ведущий подрывную культурную деятельность по отношению к “совку”». Это прозвище закрепилось за ним на всю жизнь, несмотря на то, что в конце 1970-х – 1980-е оно уже диссонировало с теми пацифистскими идеями, которые он поддерживал и распространял.

Примерно в середине 1970-х Диверсант и Троянский предприняли первые попытки создать на основе сообщества хиппи настоящее общественное движение. Илья Кестнер рассказал, что в этот период круг, к которому принадлежал Диверсант, был озабочен идейным поиском: молодые люди искали информацию по истории народничества и анархизма в России, о Белом движении, о западных хиппи и «новых левых», посещали христианские кружки и семинары. «Тогда наши идеалы никак не осуществлялись в реальной жизни, и нам хотелось сделать что-то хорошее и полезное людям», – рассказывал об этом периоде Юра в своем интервью «Экспресс-хронике» в 1988 году²².

В 1982, почти одновременно, неофициальный художник и хиппи С. Батоврин и Диверсант с Троянским создали две разные «низовые» мирные организации. В июне Батоврин со своими единомышленниками организовали антиядерную «Группу Доверия». В декабре Юра и Сергей основали группу «Сво-

²¹ Декларация 1972 г. // Свобода: Журнал Системы. 1988. № 2 (весна). С. 10-11. Большинство из тех, чьи подписи Юра поставил под данной декларацией, уже умерли. В. Бояринцев в личном разговоре сообщил мне, что знал про этот документ, в его составлении не участвовал, но разрешил Юре поставить под ним свою подпись.

²² Интервью учредителя группы «Свободная инициатива» Ю. Попова // Экспресс-хроника. – 1988. – № 5 (26). – С. 6.

бодная инициатива». Эти группы отличались повестками дня, – у «Свободной инициативы» она была гораздо радикальнее и включала в себя протест против войны в Афганистане²³. Существенно различались они и по социальному составу: «Группа Доверия» в это время состояла в основном из интеллигенции, представители контркультуры станут заметным компонентом в ней лишь с 1985, в то время как в «Свободной инициативе» числились всегда только хиппи. По некоторым данным, Батоврин приглашал хиппи в «Группу Доверия», но они не хотели компрометировать ее своим образом жизни²⁴.

Нельзя сказать, что идея создания общественного движения на базе ценностей пацифизма нашла поддержку в широких кругах контркультуры. «Советские» хиппи неоднократно заявляли о своей неприязни к диссидентам, отвращении к «политике», под которой понималась любая попытка выйти за рамки эскапизма, поставить общественные вопросы, транслировать свои ценности и идеи в публичное пространство. «Политической» ангажированности диссидентов они противопоставляли чистый эскапизм, полную невключенность в советскую действительность.

Проект Диверсанта, напротив, носил ярко выраженную общественно-политическую окраску. В наиболее связанном виде идея движения была сформулирована в 1987 в манифесте под названием «Назад пути нет», в котором ставилась цель создания «позитивной» программы для движения «советских» хиппи и говорилось о необходимости практического воплощения идеалов. В конце 1980-х в программу «Свободной инициативы» он вписывал следующие пункты: «немедленный, в трехдневный срок, вывод всех войск из Афганистана», «отмена смертной казни и радикальное изменение пенитенциарного режима в направлении его гуманизации», «прекращение использования принудительного труда заключенных», «всеобщая демобилизация с последующим созданием профессиональной армии», «увеличение доли участия в общественно-политической жизни религиозных организаций и пацифистских групп», «свобода слова, мысли, печати, собраний и ассоциаций», «свободный въезд и выезд из страны», «уничтожение всех ядерных вооружений и запрещение использования ядерной энергии» и т.п.²⁵. Также для группы были характерны антиграницные идеи. («Все люди – братья», – писал Диверсант в своих стихах, которые помещал в самиздатском журнале «Свобода», издававшемся им в 1988–1991 годах.)

Деятельность «Свободной инициативы» в 1980-е – начале 1990-х сводилась к распространению пацифистских листовок, организации 1 июня, в День

²³ Еще в 1981 С. Троянский составил обращение от собственного имени к хиппи под названием «К 1 июня 1981 года» (АС. № 5325). В нем открыто звучала тема протеста против Афганской войны.

²⁴ Личное сообщение А. Шиленка.

²⁵ Группа «Свободная инициатива»: Организационная основа и программа – рабочий вариант // Свобода. 1988. № 4 (осень). С. 24-25; [то же с небольшими разночтениями]: Свобода. 1988. № 1 (зима). С. 26; [то же]: Свобода. 1990. № 1(9) (зима). С. 21; [то же с небольшими разночтениями]: Свобода. 1989. № 2(6). С. 24.

защиты детей, «пацифистских» встреч хиппи в Царицыно, а также декабрьских «антивоенных» митингов памяти Джона Леннона на смотровой площадке на Ленинских горах. В 1983 встреча в Царицыно закончилась разгоном милицией и задержаниями. После нее в парке были найдены листовки, призывающие к отмене смертной казни и, по неподтвержденным данным, к прекращению войны в Афганистане²⁶.

После этих событий Диверсант, обвиненный в хранении наркотиков без цели сбыта, был принудительно госпитализирован в психиатрическую больницу специального типа в Смоленской области («Сычевка»). В 1985 подобная история произошла с Троянским, который по такому же обвинению попал в психиатрическую больницу.

Деятельность «Свободной инициативы» можно охарактеризовать как «наивную политику» – по аналогии с наивным искусством, наивной наукой, наивным письмом²⁷. «Наивная политика» Юры Диверсанта – это пример создания гуманистической этики внутри сообщества отщепенцев, людей, ушедших из большого общества или отвергнутых им. Идеализм, приверженность ценностям ненасилия, необыкновенно острое чувство солидарности, потребность в политическом действии – это составные части «наивной политики» Юры Диверсанта. Контраст между его прозвищем, полученным в начале 1970-х, и теми ценностями, которые он исповедовал во второй половине 1970-х – 1980-е, фиксирует историю такого перехода от нигилизма и отрицания к позитивному гуманистическому идеалу.

Биография Юры Диверсанта подтверждает в очередной раз, что пацифизм в России всегда зарождался в маргинальной среде, в пространстве социального, культурного и религиозного пограничья.

В начале XX века пацифистами чаще всего становились сектанты и разного рода богоискатели. Их протест носил антидисциплинарный характер и был ответом на жесткие дисциплинирующие практики современного государства, «наступающего» на идентичность человека, утверждающего свою власть над телами, душами и средой обитания людей²⁸. Наиболее чуткие представители аристократии, культурной элиты и общественно равнодушной интеллигенции подхватили протест религиозных диссидентов против тотального наступления государства, дополнив его идеями мира и ненасилия. Таким образом поя-

²⁶ Вести из СССР. 1983. Вып. 5, т. 2. С. 205; 1984. Вып. 11, т. 2. С. 415; Материалы самиздата. № 33, 1984 (АС. № 5325, 5326); Материалы самиздата. № 01, 1987 (АС. № 5854).

²⁷ В данном случае я использую это понятие без всякого уничижительного оттенка, как обозначение феномена стремления «простых», обычных людей к изменению того общества, в котором они живут. См. аналогичную попытку исследования «народных», «наивных» письменных практик как попытку бросить вызов представлениям об официальной «норме»: Николаев О. Биография в зеркале бытовых письменных практик // Право на имя: Биография 20 века: Девятое чтения памяти Вениамина Иофе. 20–22 апреля 2011. – СПб., 2012. – С. 46–60. См. также: Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино»: Наивное письмо. Опыт лингвосociологического чтения. – М., 1996.

²⁸ Подробнее см.: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М., 1999.

вилось российское пацифистское движение, которое больше известно как «толстовское».

Пацифистское движение первой трети XX в. было насильственно прервано в 1930-е. Его возрождение началось в 1970-е, и первичным импульсом для него стал также антидисциплинарный протест маргиналов, теперь уже советских социокультурных аутсайдеров, – независимо от идеологической риторики государства, его дисциплинирующая, нормализующая, милитаристская сущность оставалась прежней. Это были люди, выпавшие (сознательно ушедшие или вытолкнутые обстоятельствами) из советской реальности (хиппи, в том числе и хиппи-наркоманы, неофициальные художники и другие представители культурного андеграунда и советской богемы, инвалиды, душевнобольные, сектанты, отказники).

Как показала Е. Здравомыслова, в жизни таких людей решающую роль играли стратегии ухода, самоисключения из большого общества и практики отрицания, негативной свободы, вплоть до самодеструкции²⁹. Однако в то же время в подобных автономных пространствах шел интенсивный духовный поиск: чаще всего он велся в эстетическом или религиозном направлении, но иногда приобретал общественно-политический характер. Именно в этой среде возникли космополитические, антиграницные и пацифистские настроения. Появление пацифистского движения позднего советского периода можно трактовать как возникновение новой, позитивной этики противостояния власти в пространствах «негативной свободы».

«То, чего мы хотим, – это никому не нужно», – эти слова Юры Диверсанта, напечатанные им однажды в «Свободе», наиболее точно отражают маргинальность ценностей ненасилия в России. А маргинальность их носителей – хорошо отражает эпиграф, помещенный им на членский билет «Свободной инициативы»: «...нищие, голодные, преступные, проклятые, обезумевшие и одурманенные, растленные и падшие – обнимем друг друга»³⁰.

²⁹ Здравомыслова Е. Ленинградский «Сайгон» – пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100; см. то же: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1641/1680/index.html>

³⁰ Личный архив Г. Мейтина.

Д.И. Зубарев

Французская лениниана Бориса Пастернака

Дмитрий Исаевич ЗУБАРЕВ

*филолог, историк
НИПЦ «Мемориал»,
Москва*

Весной 1983 года мой друг, филолог и источниковед, эмигрировал из СССР. Перед отъездом он раздавал часть своей библиотеки. Мне, среди других книг, достались из нее несколько первых (изданных в 1920-е годы) «Ленинских сборников». Ввиду присущего мне любопытства я разрезал страницы доставшихся мне книг и обратил внимание на необычный характер одного из помещенных там материалов. В аннотациях иностранных откликов на смерть Ленина упоминалось, что авторы сравнивают покойного вождя не только с великими революционерами прошлого, но и с Нероном, и с Чингисханом! (Подобные сравнения, даже в пересказе сочинений врагов, в советской печати были табуированы, и я удивился, что в 1920-е Главлит их пропустил.) Ни названия материала, ни номера «Ленинского сборника» я не запомнил. В 1991, после создания «Мемориала», я передал в его библиотеку часть своих книг – прежде всего по историко-партийной тематике, в том числе и «Ленинские сборники». В том же году была запрещена КПСС, значение Ленина, как

выразился один из тогдашних начальников, «обнулилось», его сочинения стали в массовом порядке свозить из библиотек в пункты приема макулатуры.

Мой интерес к этим сборникам вновь пробудился на рубеже веков, когда и в многочисленных биографиях Бориса Пастернака, и в его переписке (например, с сестрой Жозефиной, с кузиной Ольгой Фрейденберг, с Осипом Манделштамом) я стал встречать постоянные упоминания о том, что в конце 1924 – начале 1925 года поэт для заработка составлял иностранную библиографию ленинских некрологов. В 1930 Пастернак даже упомянул об этом в печати – во «Вступлении» к роману в стихах «Спекторский»:

...Нашелся друг отзывчивый и рьяный,
 Меня без отлагательств привлекли
 К подбору иностранной ленинианы.

Все биографы поэта (от его сына Евгения Пастернака до Дмитрия Быкова) и комментаторы пастернаковской переписки дружно утверждали, что эта библиография («иностранная лениниана») осталась неизданной. Специально занимавшаяся построчным реальным комментированием романа «Спекторский» исследовательница, обратившись к семейному архиву Пастернаков, нашла там напечатанное на бланке Института Ленина при ЦК РКП(б) отношение-пропуск, подписанное помощником директора этого учреждения Товстухой. Высокий партийный аппаратчик (известно, что одновременно Товстуха был личным секретарем Сталина) просил разрешить Б.Л. Пастернаку работать до 1 марта 1925 в закрытой партийной библиотеке и читальне над книгами, журналами и газетами на трех языках – английском, немецком и французском. Указывалось, что «работа производится для библиографического отдела и “Ленинских сборников” Института»¹. Исследовательница также обнаружила в каталогах бывшего Центрального партийного архива при Институте марксизма-ленинизма² и воспроизвела в своей книге каталожную карточку, составленную, по ее справедливому предположению, Пастернаком: библиографическую запись и аннотацию статьи «Смерть Ленина может помочь России», опубликованной в газете «Лос Анджелес дэйли таймс»³. При всем том, назвав имя упомянутого в «Спекторском» «друга», который привлек поэта к лениниане, – Якова Захаровича Черняка и упомянув о его участии в работах Института Ленина по подготовке иностранной библиографии, она в который раз назвала эту библиографию неизданной⁴. В мемуарном очерке, посвященном Черняку, сын поэта сообщил, что в семейном архиве сохранились и расписки Бориса Леонидо-

¹ «Спекторский» Бориса Пастернака: Замысел и реализация / Б.Л. Пастернак; Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Сергеевой-Клятис. – М.: Совпадение, 2007. – С. 21 (там же современное фото здания, где поэт работал над ленинианой, – ул. Кузнецкий мост, 19).

² Ныне Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

³ «Спекторский» Бориса Пастернака: Замысел и реализация. – С. 17.

⁴ Там же. С. 105.

вича в получении в Институте Ленина гонораров за библиографию ленинских некрологов⁵.

В том же 2007 году, не зная о готовящейся к публикации книге Сергеевой-Клятис и не имея доступа к семейному архиву Пастернаков, я вспомнил о подаренных мне в 1983 сборниках и решил перечитать библиографию, удивившую меня четверть века назад. К сожалению, мой дар – «Ленинские сборники» – оказался в библиотеке «Мемориала» заштабелирован, т.е. недоступен для использования. Пришлось воспользоваться услугами Научной библиотеки Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). И в первый же день поиска искомая библиография (с Нероном и Чингисханом) нашлась! В третьем «Ленинском сборнике», вышедшем в 1925 под редакцией Л.Б. Каменева, тогда одного из вождей партии и государства и первого директора Института Ленина, – целых 23 страницы отведены «Материалам для иностранной библиографии (за 1924 год)»⁶. Имя составителя библиографии не указано, в отличие от имени ее редактора, того самого «отзывчивого и рьяного друга» – Я.З. Черняка. В редакционном предуведомлении сообщается, что данная публикация – лишь начало иностранной библиографии о Ленине и ленинизме за 1924 год. Раздел «А. Германия и Австрия» включает литературу на немецком языке, а раздел «В. Франция» – на французском. Просмотр следующих сборников показал, что обещанного продолжения (которое, очевидно, должно было включать лениниану на английский язык) не последовало. Не попала иностранная библиография и в ежегодные сборники «Лениниана», издававшиеся Институтом Ленина до конца 1920-х годов.

Значимость находки не вызывала сомнений. Из переписки Пастернака следовало, что в 1924–1925 годах он был *единственным* библиографом, работавшим по заказу Я.З. Черняка над иностранной ленинианой, и, следовательно, является основным автором 168 библиографических (частично аннотированных) записей, считавшихся много лет неопубликованными. Степень участия редактора Черняка в подготовке печатного текста этих аннотаций пока неясна (по моему предположению, он в основном сокращал текст Пастернака). Дальнейшая работа в этом направлении требует обращения к фонду Я.З. Черняка в РГАЛИ и к рабочим экземплярам «Ленинских сборников», которыми располагает бывшая библиотека Института марксизма-ленинизма (ныне филиал Российской государственной исторической библиотеки).

Скопировав в научной библиотеке ГАРФа 23 никем дотоле (за 82 года!) не разрезанные страницы, я подготовил доклад «Ленин и Пастернак: неизвестные

⁵ Пастернак Евг. «...Нашелся друг, отзывчивый и рьяный» // Черняк Я.З. Спор об огаревских деньгах. – М.: Захаров, 2004. – С. 226.

⁶ Материалы для иностранной библиографии (за 1924 год) / Под ред. Я.З. Черняка // Ленинский сборник. – [Т.] III. – М.; Л., МСМХХV. – С. 537-559 (далее при отсылках: Материалы, 1925, с указ. страницы).

страницы» и прочитал его в Москве на заседании Мандельштамовского общества 10 ноября 2007. К сожалению, мои попытки републиковать «Материалы» успехом до сих пор не увенчались. В данном сообщении, не повторяя своего выступления восьмилетней давности, я предлагаю обзор второго, французского (как мне представляется, наиболее интересного) раздела этой публикации. За пределами нашего обзора останется библиография французских публикаций текстов Ленина.

Начнем обзор французской ленинианы 1924 года с книг. Их оказалось шесть. И только одна из них создана во Франции – это книга известного левого политика и журналиста Андре Моризе, с 1921 неоднократно посещавшего Советскую Россию, «О Ленине и Троцком», изданная с предисловием последнего. Четыре книги переведены с русского, имена их авторов – Максима Горького, Григория Зиновьева и Иосифа Сталина – не нуждаются в пояснении. Мемуарный очерк Горького «Владимир Ленин», написанный в январе–феврале 1924 в Чехословакии, сразу приобрел статус классического литературного текста и стал переводиться на иностранные языки еще до издания на родине в беспартийном ленинградском журнале «Русский современник» (публикации отрывков из горьковского очерка во французской периодике тоже зафиксированы Пастернаком; см. аннот. № 27 и 28). Председатель Исполкома Коминтерна, ближайший ученик Ленина Г. Зиновьев с 1918 считался его главным биографом, и егоopus (изданный в 1924 в Ленинграде как 15-й том его собрания сочинений) в течение короткого времени (до опалы автора в декабре 1925) считался каноническим в коммунистической ойкумене – как внутри СССР, так и за его пределами. В серии «Библиотечка коммуниста», издававшейся газетой «Юманите», вышли (и зарегистрированы Пастернаком) переводы двух написанных им брошюр «Наш учитель Ленин» и «Ленин». Пастернак зафиксировал также три зиновьевские публикации о Ленине в коммунистической периодике: два некролога и воспоминания «Ленин в 1914–15» (аннот. № 102, 103, 104). Четвертая книга, переведенная с русского, – работа тогда еще малоизвестного во Франции Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина – вышла на французском языке под названием «Теория и практика ленинизма»⁷. Она представляет собой перевод нескольких лекций, прочитанных Сталиным в Москве для партийного актива в апреле 1924 года и изданных в мае того же года к съезду партии под названием «Об основах ленинизма». Французский перевод сталинских лекций стал уникальным. Только из него можно было узнать, что весной 1924 года Сталин решительно утверждал: «добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариата нескольких передовых стран... невозможно». Уже в декабре того же 1924 года, полемизируя с Троцким, генсек назвал подобные утверждения «троцкизмом» и заявил: «Кто отрицает возмож-

⁷ Материалы, 1925. С. 559.

ность построения социализма в одной стране, – тот должен обязательно отрицать и правомерность Октябрьской революции». Из всех последующих изданий работы «Об основах ленинизма» «троцкистская» фраза была удалена, а сама брошюра была в СССР отовсюду изъята и уничтожена⁸. С французским переводом эту процедуру проделать было, к счастью, невозможно.

Шестая книга французской ленинианы 1924 года, зафиксированная Пастернаком, – перевод с английского «нашумевшей книги»⁹ Исаака Дон Левина (1892–1981) «Ленин-человек» (*Lenin the man*). Ее автор, уроженец Одессы, еще до революции эмигрировавший в США, убежденный антикоммунист, стал одним из основателей американской советологии и многие годы оставался ведущим американским экспертом по СССР¹⁰.

Дать столь же подробный обзор 108 статей о Ленине, обнаруженных Пастернаком во французской (точнее, франкоязычной) периодике за январь–апрель 1924 года¹¹, в рамках одного доклада невозможно. Поэтому придется ограничиться только некоторыми общими наблюдениями.

Географические рамки франкоязычной ленинианы, зафиксированной Пастернаком, весьма широки. Помимо Франции и французских колоний, в «Материалах» отмечены статьи, опубликованные в Австрии (там издавался на нескольких языках, в том числе на французском, коминтерновский бюллетень «Международная корреспонденция»), Бельгии, Египте, Канаде, Швейцарии. Помимо Парижа (около половины всех статей), зафиксированы некрологи, появившиеся и в провинциальной прессе, – Байонна, Гренобль, Льеж, Монпелье, Нант, Сен-Клод, Сомюр, Тулуза.

Любопытен спектр сопоставлений Ленина с вождями и пророками иных стран и эпох. Чаще всего (в девяти статьях) его сравнивают со скончавшимся почти одновременно (и в схожей ситуации – парализованным и потерявшим дар речи) бывшим президентом США Вудро Вильсоном (№№ 3, 6, 14, 18, 35, 57, 72, 75, 88). Некоторые из них представляют собой двойные некрологи. Как правило, авторы предпочитают американского президента («созидателя») Ленину-«разрушителю». Редкий пример обратного – статья Виктора Сержа (№ 88), противопоставляющая Вильсону, который «олицетворял демократическую ложь» и «умер от смерти этой лжи», Ленину, утвердителю «революционной правды». Ленина сравнивают с другими революционными вождями:

⁸ Об истории становления в 1924–1925 концепции «построения социализма в одной стране» и острейшей борьбы вокруг нее в руководстве ВКП(б) см.: *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. – Бенсон: Chalidze Publ., 1990. – С. 55–81.

⁹ Материалы, 1925. С. 559.

¹⁰ Заметим, что из шести зарегистрированных в «Материалах» франкоязычных книг только книга Дон Левина имела в лучшем эмигрантском книгохранилище – библиотеке Русского зарубежного исторического архива в Праге. См.: Библиография русской революции и Гражданской войны (1917–1921). Из каталога библиотеки РЗИ Архива. – Прага, 1938. – С. 106–115.

¹¹ Материалы, 1925. С. 548–558.

Кромвелем (№№ 69, 76), Маратом (№ 37) и, конечно же, с Карлом Марксом (№№ 84, 89, 93) и Михаилом Бакуниным (№№ 84, 108)¹². Зафиксировано Пастернаком и сравнение Ленина с Иисусом Христом и Магометом (№ 20). Нашлась и удивившая меня тридцать с лишним лет назад статья (№ 37, ее автором оказался некий Поль Гитон), где покойный вождь мирового пролетариата сравнивался с Нероном и Чингисханом (автор аннотации лаконично назвал статью «враждебной»).

Пастернаком зафиксированы переведенные на французский статьи о Ленине восемнадцати авторов из СССР. Помимо уже упомянутых Горького и Зиновьева, отмечены публикации (главным образом в изданиях Французской компартии – газете «Юманите» и журнале «Бюлетин коммюнист») вдовы покойного вождя Надежды Крупской (№ 47); главы советского государства Михаила Калинина (№ 41); вождей ВКП(б) Бухарина (№ 13), Ярославского (№ 39), Каменева¹³ (№ 42), Преображенского (№ 77), Радека (№ 78), Троцкого (№№ 99, 100); народных комиссаров: торговли – Красина (№ 46), здравоохранения – Семашко (№№ 86, 87) и иностранных дел – Чичерина (№ 96); вождя Профинтерна А. Лозовского (№ 60); партийных журналистов П. Месяцева (№ 66), Л. Сосновского (№ 90) и Ю. Стеклова (№ 94); директора Музея Революции старого большевика С. Мицкевича (№ 67).

Особо отметим статью бывшего анархиста, а в начале 1924 сотрудника Наркоминдела Германа Борисовича Сандомирского (1882–1938) «Ленинизм и бакунизм», опубликованную в «Юманите» 6 марта 1924 и подробно проаннотированную Пастернаком (№ 84). Утверждая, что «ленинизм и бакунизм глубоко родственны между собой», что главная заслуга Ленина в том, что он «бакунизировал Маркса и привез в Россию синтез марксизма и бакунизма», автор невольно инициировал дискуссию, разгоревшуюся на страницах французской анархистской печати. В тот же день (!), 6 марта, анархистский орган «Либертер» поместил перевод отрывка из книги Бакунина «Государственность и анархия», снабженный редакционным предисловием (№ 108). Редакция утверждала, что написанная полвека назад книга основоположника анархизма – лучшее опровержение домьслов Сандомирского. На следующий день, 7 марта, «Либертер» поместил статью знаменитой анархистки Эммы Гольдман (1869–1940) «Владимир Ильич Ульянов-Ленин» (№ 29). Родившаяся в России, пропагандировавшая анархизм в США и депортированная оттуда в 1918, она провела в Советской России около трех лет (1919–1921) и не одобрила советских порядков. В своей статье она, как пишет Пастернак, пытается доказать, что Ленин (с которым она неоднократно беседовала) «уничтожил истинный дух революции, отвратил ее от истинной цели и разрушил ее сущность». Следует отметить,

¹² Подробнее о продолжении полувековой марксистско-анархистской полемики, начавшейся в первые годы жизни Ленина и вновь вспыхнувшей после его смерти, см. далее.

¹³ Напомним, что именно он был редактором сборника, где эти аннотации были опубликованы.

что ни один из 18 советских авторов французской ленинианы не пережил Сталина, большинство из них (10) погибли (расстреляны или убиты в 1936–1952 гг.).

Кроме советских авторов, в библиографии Пастернака нашлись и русские эмигранты (№№ 2, 21, 95). Их «отечественное» происхождение в тексте аннотаций не обозначено (возможно, это умолчание было сознательным, ведь Пастернак получил задание собирать иностранную, а не эмигрантскую лениниану). Первые две аннотации – это воспоминания довольно известных лиц, Татьяны Алексинской и Леонида Галича.

Татьяна Ивановна Алексинская (урожд. Евтихиева, 1886–1968) была женой известного социал-демократа Григория Алексинского, в 1905–1908 – большевика, ближайшего соратника Ленина, а с 1914 – его смертельного политического врага (с июня 1919 вместе с женой находился в эмиграции). Зафиксированная Пастернаком статья – отрывок из ее воспоминаний о русских революционерах в Швейцарии – была опубликована 26 января 1924 в швейцарской газете «Трибюн де Женев».

Автор второй статьи Л. Галич (его настоящее имя Леонид Евгеньевич Габрилович, 1878–1953) – известный русский журналист и литератор¹⁴. В ноябре–декабре 1905 года он заведовал отделом в петербургской газете «Новая жизнь», органе большевиков, фактически редактируемом только что вернувшимся из первой эмиграции Лениным. (После 1905 Галич стал печататься в изданиях кадетской партии, и Ленин назвал его «рenegатом социал-демократии, демонстрирующим отречение от революции».) Найденная Пастернаком его статья с характеристикой Ленина и воспоминаниями о встречах с ним появилась 5 февраля 1924 в египетской газете «Реформ», издававшейся в Александрии.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет третья статья (№ 95), точнее, цикл из пяти «психосоциологических очерков» «Ленин и Россия», опубликованных в феврале–марте 1924 года в ханойской (место издания газеты в записи не указано) газете «Avenir du Tonkin» («Будущее Тонкина»). Подписанные «D.P. Sviatopolk», эти очерки, по нашему мнению, принадлежат перу выдающегося русского ученого и литературного критика князя Дмитрия Петровича Святополка-Мирского (1890–1939) и являются его дебютом как историка и политолога (в дальнейшем он посвятил истории России и биографии Ленина специальные монографии). История поиска этого текста, его французский оригинал, перевод на русский, наш комментарий и обзор ленинианы Мирского вошли в исследование «Князь и вождь», опубликованное в январе 2016 онлайн-журналом «Скепсис»¹⁵.

¹⁴ См. о нем: Русские писатели 1800–1917: Биобиблиографический словарь. – Т. 1. – М., 1989. – С. 517–518.

¹⁵ См.: http://scepsis.net/library/id_3721.html. См. также: *Ферапошкин В.* Был ли Ленин неизбежен? // 30 октября. – 2016. – № 130, февр.– март. – С. 11.

Три аннотации посвящены текстам «иностранцев» (не французов и не «русских»). Все трое – достаточно известные лица. Помимо уже известной нам Эммы Гольдман, это голландская поэтесса и социалистка, участница Циммервальдской конференции Генриетта Роланд-Хольст (1869–1952). В «Материалах» зарегистрирована ее поэма «Ленину», опубликованная в «Юманите» (№ 38, проаннотирована вырезка из газеты). Еще один автор – знаменитый английский математик, философ и общественный деятель Бертран Рассел (1872–1970), посетивший Советскую Россию в мае 1920 и встретившийся с Лениным. Проаннотирован переведенный на французский отрывок из его статьи «Ленин» (№ 82, у Пастернака фамилия автора «Руссель»), содержащий личные воспоминания об этой встрече.

Отдельную группу авторов французской ленинианы представляют так называемые «советские французы» – те немногие из граждан Французской республики, кто поддержал Октябрьский переворот и провел в советской России годы Гражданской войны. Рассмотрим их судьбы подробнее. Первым из них был Анри Гильбо (1885–1938)¹⁶, поэт-авангардист, после начала Мировой войны бежавший в Швейцарию. Там он примкнул к антивоенному социалистическому движению, участвовал в конференциях в Циммервальде и Кинтале, стал восторженным поклонником Ленина. В 1918–1922 Гильбо в советской России, участвовал в первых конгрессах Коминтерна и в литературной жизни Москвы (был знаком с Пастернаком), с 1923 – корреспондент «Юманите» в Германии. Гильбо стал автором первой апологетической биографии Ленина, изданной на Западе (на немецком языке) в 1923. Он прислал ее экземпляр Ленину с дарственной надписью, и незадолго до смерти вождь успел с ней познакомиться и знаками выразить свое удовлетворение. Позднее Гильбо порвал с коммунизмом (и вообще с левыми идеями), описав свою идейную эволюцию в мемуарах¹⁷.

Двое других «советских французов» были членами французской военной миссии в России в годы Мировой войны, офицерами-переводчиками, порвавшими со службой и отказавшимися возвращаться во Францию. Один из них Пьер Паскаль (1890–1983)¹⁸, приехав в Россию в 1916, уже в 1918 порывает с миссией, становится официальным переводчиком Наркоминдела и Коминтерна (в 1922 член советской делегации на конференции в Женеве, перевел собрание сочинений Ленина на французский). После смерти Ленина Паскаль переходит на работу в Институт Ленина (обозначив темой своего исследования поиск русских истоков ленинизма), а в 1933 возвращается во Францию. Там он быстро стал ученым-славистом, крупнейшим специалистом по допетровской Руси

¹⁶ Аннот. №№ 30–32.

¹⁷ *Guilbeaux H.* Du Kremlin au Cherche-Midi. – Paris, 1933.

¹⁸ Аннот. №№ 73 и 74.

и протопопу Аввакуму, профессором Школы восточных языков (1937–1950) и Сорбонны (1950–1960)¹⁹.

Третий из «советских французов» – Жак Садуль (1881–1956)²⁰. Как и Паскаль, в Россию он приехал как офицер (капитан) в составе французской военной миссии в годы Мировой войны, Познакомившись по заданию командования в конце 1917 года с главой советского правительства, тоже увлекся идеями коммунизма и, в отличие от других «советских французов», остался верен им до конца жизни. Много лет Садуль был корреспондентом коммунистической газеты «Юманите» в Москве. (Все трое – Гильбо, Паскаль и Садуль – были объявлены во Франции дезертирами, заочно приговорены к расстрелу, но после установления в 1924 дипломатических отношений между Францией и СССР помилованы.)

К «советским французам» примыкает и Виктор Серж (Виктор Львович Кибальчич, 1890–1947)²¹, родившийся в Бельгии сын русского эмигранта, левый журналист, анархокоммунист. Он жил в Советской России в 1918–1936 (с перерывами), активно печатаясь и пропагандируя русскую революцию во французской леворадикальной печати. Одновременно он участвует в литературно-общественной жизни Петрограда-Ленинграда и Москвы (так, в марте 1921 он, вместе с уже упоминавшейся Эммой Гольдман, выступил на заседании Вольной Философской Ассоциации (знаменитой Вольфилы) в Петрограде, посвященном памяти П.А. Кропоткина). Как и другие «советские французы», он был близко знаком со многими советскими писателями, а с одним даже породнился (Пьер Паскаль, Виктор Кибальчич-Серж и Даниил Ювачев-Хармс были женаты на сестрах Русаковых – дочерях революционера-реэмигранта), что после ареста Сержа в 1933, его трехлетней ссылки и последующей высылки из СССР в 1936 сыграло роковую для этих писателей роль²².

Из многочисленных французов-коммунистов (их статьи составляют около половины французской части «Материалов») следует отметить Бориса Константиновича Суварина (Лифшиц; 1895–1985)²³. Уроженец Одессы, в 1920 он стал одним из основателей (вместе с М. Кашеном) Коммунистической партии Франции. Вскоре после опубликования некролога Ленину он как представитель ФКП приехал в Москву на XIII съезд ВКП(б) и произнес там речь, где – единственным из ораторов съезда – решительно встал во внутривнутрипартийной дискуссии на сторону Троцкого. Вскоре он был исключен из ФКП и стал независимым

¹⁹ См. его статью «По следам протопопы Аввакума в СССР» с предисловием А. Ремизова: Русские записки. – 1939. – № 18.

²⁰ Аннот. № 83.

²¹ Аннот. № 88.

²² О пересечениях биографий «советских французов» с биографиями и судьбами советских литераторов и, прежде всего, Бориса Пастернака, см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в тридцатые годы. – Иерусалим, 1984; *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку. – М.: НЛО, 2006 (по указ.).

²³ Аннот. №№ 91 и 92.

левым публицистом и историком-антисталинистом, одним из первых биографов Сталина. К Ленину он до конца жизни сохранил пиетет, о чем свидетельствует его полемическое выступление против А. Солженицына после публикации книги «Ленин в Цюрихе»²⁴.

Из статей авторов-некоммунистов заслуживают внимания две статьи (№ 68 и 69) влиятельного политика (в 1924 сенатора) Анатоля де Монзи. В одной из них «проводится сопоставление русской и английской революций и их методов, сопоставление Ленина и Кромвеля как личностей», а в другой, охарактеризовав Ленина как революционера, «автор доказывает необходимость возобновления сношений с СССР» (как известно, победившее на выборах 1924 года левое правительство Франции признало СССР де-юре в октябре того же года). Наконец, выдающийся историк французской революции академик Франсуа Олар (1849–1928) в статье «Ленин и права человека» (№ 4) характеризует Ленина как врага идей Французской революции и прав человека. (Вскоре, приехав в СССР по приглашению Академии наук и посетив советские архивы, престарелый ученый признал за большевиками, в части сохранения архивов старого режима, и некоторые плюсы по сравнению с якобинцами.)

* * *

Закончить свой доклад я хочу ответами на два вопроса, которые встали передо мной в начале работы.

1. Почему публикация «Материалов» была возможной в 1925 году, но не получила продолжения? и 2. Почему семья Б. Пастернака не знала о ее существовании?

1. Исследовательница истории и трансформации культа Ленина в СССР Нина Тумаркин установила, что именно в 1924–1925 в СССР допускалась наибольшая свобода (и, соответственно, существовал наименьший контроль) при выборе форм ленинианы. Ей, например, удалось обнаружить в фондах Библиотеки им. Ленина удивительный плакат, тиражированный в 1924 году. Головы покойных великих учителей и пророков человечества – Будды, Христа, Магомета, Льва Толстого, Карла Либкнехта и Ленина – группировались вокруг центральной фигуры живого пророка – Махатмы Ганди!²⁵ Многочисленные примеры подобных «вольных» толков о Ленине в советской печати 1924–1925 годов приводит Лазарь Флейшман²⁶. Но такие вольности продолжались недолго: «К 1926 г. культ был полностью упорядоченным, направлялся и контролировался сверху, простор для полета фантазии был резко ограничен, – и свойственное

²⁴ *Souvarine B. Souvenirs sur Isaac Babel, Panaït Istrati, Pierre Pascal; suivi de Lettre à Alexandre Soljenitsyne.* – Paris: G. Lebovici, 1985.

²⁵ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. – СПб.: Академический проект, 1997. – С. 209.

²⁶ Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку.

прежним годам разнообразие ленинианы больше не допускалось»²⁷. Само содержание многих аннотаций, помещенных в третьем «Ленинском сборнике», их негативный по отношению к покойному вождю характер резко противоречили формировавшемуся в СССР ленинскому культу. Поэтому неудивительно, что в четвертом «Ленинском сборнике», увидевшем свет в том же 1925 году, никакой «Иностранной библиографии» (мы знаем, что там должна была появиться английская ее часть, подготовленная Пастернаком) уже нет.

2. Сам поэт, закончив в феврале 1925 сдельную библиографическую работу и получив за нее гонорар, интерес к ней потерял. Пастернак, увлеченный новыми замыслами – работой над романом в стихах «Спекторский», а затем над поэмой «Девятьсот пятый год», даже не стал получать авторского экземпляра третьего «Ленинского сборника». Он вряд ли помнил содержание своих аннотаций и даже имена авторов просмотренных статей. Так, получив через два года, в 1927, письмо от одного из них – князя Д.П. Святополка-Мирского, он не отождествил его с автором французской статьи, подписанной «D.P. Sviatopolk».

Дружба с Пастернаком (носившая семейный характер) продолжалась до конца жизни Я.З. Черняка (он умер в 1955 году). А когда после смерти самого поэта (в 1960) его сын начал работу над архивом отца, отсутствие там «иностранной ленинианы» навело его на ошибочную мысль, что она вообще не была опубликована. Единственного, кто мог эту ошибку исправить, – «отзывчивого и рьяного друга» уже не было в живых...

---

²⁷ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. – С. 219.

Н.В. Колесник

Политическая биография лидера и коллективная память: особенности воспроизводства¹

**Наталья Владимировна
КОЛЕСНИК**

*старший научный сотрудник
сектора социологии власти
и гражданского общества
Социологического
института РАН,
Санкт-Петербург*

К характеристике источника

Изучение проблематики воспроизводства политической биографии субъектов посредством коллективной памяти важно не только с точки зрения решения методологических и методических задач, стоящих перед исследователем, но и с позиций особенностей конструирования региональной истории. В этой связи изучение политических биографий советских лидеров/руководителей предполагает вовлечение эмпирического материала, который позволяет выявить не только социальные конструкты в региональной истории, но и возможности для многомерного анализа проблематики того, кто воспроизводит эту память, как соотносятся частное и публичное в политической биографии руководителя региона, для чего создаются эти биографии?

Эмпирической иллюстрацией к вышеобозначенным вопросам послужили воспоминания и документальные мате-

---

¹ Доклад был прочитан на Биографических чтениях 2015 года, но по ряду причин не был опубликован в сборнике материалов.

риалы об Иване Павловиче Морозове, который руководил Республикой Коми (РК) более сорока лет (с послевоенного времени до периода перестройки)². Особо следует отметить такой источник информации, как воспоминания, которые оказались в научном поле зрения для прояснения особенностей воспроизводства политической биографии регионального лидера посредством социальной памяти. Авторами текстов о своем руководителе явились прежде всего те, кто входил в ближайшее окружение И.П. Морозова. Таким образом, нам представлен исторический источник, в котором присутствуют не только факты индивидуальной биографии регионального лидера, но и «история некоторой социальной группы – профессиональной или светской»³.

Книга воспоминаний вышла в период руководства республикой Ю.А. Спиридонова, инициатором ее издания был Коми республиканский общественный фонд им. И.П. Морозова⁴. Сборник состоит из нескольких разделов, его основная часть – главы «Бремя лидера» и «Самородок земли Коми». Авторами выступили бывшие первые лица республиканской, городской, сельской власти. Представлены коллективные воспоминания о лидере, при этом есть основания для предположения, что они отражают коллективные интересы группы информантов. При этом важно отметить (вслед за Д. Оликом, который ссылается на работы Я. Ассмана и М. Хальбвакса), что сама по себе коллективная память не едина и существует большое число типов этой памяти, и связано это с тем, «что они производятся в разных полях, а частично с тем, что в разных полях появляются разные версии. Не существует одного единственного типа коллективной памяти, так же как нельзя считать, что один из типов – настоящий, а остальные – лишь имитация или неудачные версии»⁵.

Биография и память

Как справедливо заметил Д. Олик, идея «коллективной памяти наиболее широко применяется в современных социальных исследованиях групповой идентичности, где ее потенциал наиболее ясен. Она используется в работах по идентичности для описания представлений о прошлом и мнемонических практиках, необходимых для солидаризации группы, а также отсылки к неопреде-

² Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах / Ю.А. Спиридонов, М.П. Рощевский, Е.П. Калинин и др.; Редкол.: Н.В. Гусятников, М.Г. Морозова, М.П. Рощевский и др. – Сыктывкар, 1999.

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 217.

⁴ Этот фонд был создан в 1997. В свое время руководству фонда удалось договориться с правительством республики о выплате стипендий имени Морозова лучшим студентам вузов Сыктывкара. Также фонд финансово помогал детскому реабилитационному центру в мест. Лемью, где ранее располагалась государственная дача первого лица республики. В 2007 фонд объявил о приостановке деятельности, в 2010 организация прекратила свое существование.

⁵ Олик Дж. Фигурация памяти: процесс-реляционная методология, иллюстрированная на примере Германии // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11. – № 1. – С. 47.

ленному, но важному культурному феномену – представлению сообществом самого себя»⁶. В этой связи биография руководителя региона отчетливо встраивается в историю республики и отражает историю регионального политического сообщества, которая конструируется посредством воспоминаний. И в этих воспоминаниях «выражается общая установка группы: они не просто воспроизводят ее историю, но и характеризуют ее природу, сильные и слабые стороны»⁷.

Если обратиться к воспоминаниям о региональном лидере Иване Морозове, то заметно, что «наполнение памяти» зависит от многих факторов, в том числе и от позиции агента в том или ином социальном поле. Выражая одну идею и воспроизводя образ политического и регионального лидера, каждый информант определяет и маркирует важное и значительное для него. Основные линии рассоединения в общем официальном нарративе проходят в случае различаемых типов регионального лидера. Перед нами Морозов предстает как «сын Коми земли», «выходец из коми народа», «авторитетный государственный деятель», «творец приоритетов республики», «человек с биографией “от земли”», «руководитель высокого ранга», «лидер эпохи».

М. Хальбвакс в своей работе отмечает: «...общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая и с переменными факторами своего равновесия»⁸. В этом смысле анализируемые воспоминания в основном не содержат «конфликтных/различающих» линий. Информанты говорят чаще всего о том, что их объединяет и сближает. На этом солидарном фоне контрастом выступают воспоминания П.А. Безносова. Фокусируясь на «индивидуальном важном», он обращается к началу 1980-х, когда, после двадцати двух лет руководства Советом министров РК, он был отправлен в отставку. Объективируя ситуацию, Безносов пишет, что «обида нет, поскольку все мы “у времени в плену”», но все же «освобожден я был как-то не по-товарищески»⁹. Основная ошибка Морозова, по мнению Безносова, состояла в его пренебрежительном отношении (в бытность руководителем республики) к Совету министров РСФСР и ставкой на партийные структуры (ЦК КПСС) как главный центр власти.

В производстве политической биографии лидера сталкиваются разные нарративы, и можно предположить, что в воспоминаниях близких ему людей (жены, родственников, друзей) воспроизводится иной образ Морозова, нежели в официальном нарративе. Но и в тех текстах, где Морозов выступает как супруг, брат или друг, мы встречаемся с теми же линиями рассуждений, которые представляют его как государственного человека. Только способ выражения

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 191.

⁸ Там же. С. 337.

⁹ Безносов П.А. Сорок лет вместе // Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах. С. 52.

иной и примеры другие, помещенные чаще всего в частное пространство, но по своей сути говорящие о том же, что и официальный нарратив.

Так, если обратиться к воспоминаниям супруги И.П. Морозова, Марии Морозовой, то весь ее нарратив выстраивается динамическим рядом, в котором определяются основные карьерные этапы в жизни регионального лидера. Более того, рамки частной сферы жизни оказываются размытыми и нечеткими. Напрашивается вывод, что эти частные воспоминания имеют смысл только потому, что они сопряжены с публичной сферой и закон подчинения у них один. Частное в этом случае не просто детерминировано публичным, а посредством частного и личного разрешается ролевая оппозиция «супруг-региональный лидер».

Памятные моменты семейной жизни рассматриваются М.Г. Морозовой через призму советской истории: знакомство с будущим супругом во вторую послевоенную весну в Сысольском райкоме комсомола, рождение ребенка в период освоения советского Севера, переезд семьи Морозовых в заполярную Воркуту, назначение мужа партийным секретарем в шахтерской Инте и личная радость от того, что горнякам был перевыполнен производственный план. М.Г. Морозова отмечает в воспоминаниях: «мне ближе всего то, что непосредственно касалось семьи». При этом практически во всех местах, где она пишет о личном и семейном, просматривается общественное, публичное. В воспоминаниях жены сделана попытка вернуть образ супруга в личную сферу, но получилось ли это?

Почему же такими похожими по содержанию оказываются воспоминания тех, кто входил в ближайшее окружение регионального лидера, и тех, кто был связан с ним узами родства, даже его супруги? Одно из первостепенных объяснений состоит в том, что перед нами воспоминания людей, социализация которых происходила в советское время, когда границы между общественным и личным были слабо дифференцированными. Что же касается практик памяти о республиканском лидере, то детерминирующей в нарративах оказалась общественная, партийная, государственная логика, подчиняющая себе все другое, что еще могло быть в человеке. Кроме того, немаловажное значение тут имеет и сам жанр передачи памяти (воспоминания о руководителе республики представителями властного сообщества), в котором репрезентируется только ожидаемое и конкретное, в большинстве известное и лишь иногда замещающее официальный дискурс.

В анализируемых нарративах прошлое проецируется на будущее, когда история региона представляется как коллективный путь великих достижений. Так, в воспоминаниях Ю.А. Спиридонова имя Морозова ассоциируется с «целой эпохой в новой истории Коми края, период бурного экономического и культурного роста», когда «среди тайги и тундры выросли гиганты, как Сыктывкарский ЛПК, нефтяные и газовые промыслы Усинска и Вуктыла, Удорское советско-болгарское лесозаготовительное предприятие, крупнейшая в Пе-

чорском угольном бассейне шахта "Воргашорская", Печорская ГРЭС, домостроительные комбинаты в городах республики и сотни других жизненно важных объектов»¹⁰.

В теории социального воспроизводства П. Бурдые вводит понятие «метаполе» и различает структуры доминирования и зависимостей одного поля от другого. Кроме того, социолог различает иерархичность и темпоральность структур, представляющих различные поля. Если проецировать эту идею на анализируемые нарративы, то отчетливо выстраивается структура не только внутри поля политики, но и между такими полями, как образование, наука, культура. Эмпирически не трудно определить, что в период руководства национальной республикой Морозовым доминирующим оказывается поле политики, и иллюстрацией тому служат описание информантов. Однако при этом в каждом из этих полей определяется своя логика действий и формируются «зоны свободы» и ситуативные структуры.

Академик М.П. Роцевский вспоминает эпизод с выбором кандидатуры руководителя Коми филиала АН СССР, когда партийный лидер Морозов в итоге лично вынес вердикт: «Нет, его директором в академии ставить нельзя»¹¹. Не только кадровые вопросы в сфере науки находились в поле внимания партийного руководства, но и чисто профессиональные, которые решались в советские годы с согласия Политбюро, обкома КПСС. В книге воспоминаний приводится история с реализацией проекта по переброске стока северных рек, противниками которого в республике выступали и ученые, и политики. Этот период в истории СССР отличался практически тотальным партийным контролем над всеми сферами жизни общества, и наука не была исключением. В книге воспоминаний о Морозове читаем, что партийный лидер республики «был как бы своим в нашей академической среде» и проводил с учеными время «от звонка до звонка»¹².

В сфере образования также происходили подобные процессы. По воспоминаниям бывшего ректора Сыктывкарского университета В.А. Витязевой, ее деятельность в качестве ректора началась и закончилась с одобрения Морозова: «Помогало это мне и в том, чтобы решать проблемы развития университета на основе партийных постановлений»¹³. Витязева вспоминает, что Иван Павлович часто беседовал с ней, прежде всего по вопросам подбора преподавателей

¹⁰ Спиридонов Ю.А. Его будут помнить поколения // Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах. С. 9.

¹¹ Роцевский М.П. Воспоминания // Там же. С. 23. Речь шла о профессоре В. Берестове, который в то время работал в Карельском филиале АН СССР. Его кандидатуру на пост руководителя Коми филиала АН СССР Морозов отверг из-за того, что ученый неверно указал цифру надоя молока на одну корову в Карелии и ошибся существенно. Но больше всего, по словам Роцевского, Морозова возмутил факт того, что Берестов назвал цифру «как отрезал», то есть без всякого сомнения.

¹² Калинин Е.П. И.П. Морозов // Там же. С. 193.

¹³ Витязева В.А. Воспоминание об И.П. Морозове // Там же. С. 204.

и руководителей кафедр и факультетов. О студентах, пишет она, Морозов говорил так: «Подбирай самых талантливых, независимо от их национальности»¹⁴. В воспоминаниях ректора различается несколько линий рассуждений, которые позволяют дифференцировать социальные роли руководителя университета: ректор-ученый (исследователь производительных сил Европейского Севера и Республики Коми), ректор-общественник (трижды избиралась депутатом Верховного Совета РК), ректор как авторитетная личность, ректор-партиец (член областного комитета партии). Поэтому и репрезентации в нарративе о Морозове выстраиваются в зависимости от того, о какой роли ректора идет речь.

Воспоминания в социальных исследованиях определяются как один из многих типов передачи в контексте исторических репрезентаций. Для политических деятелей в репертуаре способов представлений и солидаризации своей общности, помимо воспоминаний, важными оказываются исторические музеи, официальные и неофициальные тексты¹⁵. П. Райхель, исследуя политику памяти, различает четыре типа передачи памяти: 1) политические фестивали и официальные юбилеи, которые используют эмоции для производства идентичности и интеграции (аффективные способы передачи); 2) места памяти, включая руины, монументы, музеи, а также автобиографии, письма, рисунки, фотографии; 3) историография, документы и исследования, которые анализируются с точки зрения истинности вклада в знание, объяснения и смыслы; 4) наказание, амнистия, репарации и т. д.¹⁶

В этой связи анализ действий в практике меморизации И.П. Морозова, осуществленных в Республике Коми за последние двадцать пять лет, показывает, что историческая политика в регионе активно воспроизводится представителями старой власти (при очевидной поддержке новой власти). Речь идет не только о создании в 1997 Фонда имени Морозова, но и присвоении его имени улицам и учреждениям, созданию реабилитационного центра в поселке Лемью, установке мемориальных досок, учреждении премии для учащихся, проведении ежегодных научных Морозовских чтений.

Представители «старой» и «новой» региональной власти РК от практики мнемонических способов передачи памяти обращаются к созданию мест памяти в виде исторических музеев, выставок, проводят театральные проекты, посвящая их бывшим первым лицам региона. Республиканский ландшафт памяти регионального лидера И.П. Морозова воссоздан не только в его родном селе Межадор. Последней акцией региональных властей стало появление в 2004 в центре Сыктывкара Дома-музея И.П. Морозова¹⁷. В этой связи имеются осно-

¹⁴ Там же. С. 202.

¹⁵ Олик Дж. Фигурация памяти. С. 53.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ На сайте Национального музея Республики Коми о Доме-музее сказано следующее: «Является реконструкцией родового дома семьи Морозовых в с. Межадор Сысольского района. Дом-музей

вания сделать вывод, что коммеморационные практики относительно регионального лидера РК носят временный характер и приурочены, как правило, к юбилейным датам. «Политическим лидерам трудно промолчать или хотя бы привлечь внимание к своему молчанию по поводу юбилеев некоторых исторических событий. Временная рамка коммеморации – важная часть ее диалогической траектории»¹⁸.

И.П. Морозова – практически единственный российский музей, созданный в XXI в., который посвящен известному политическому деятелю России, бывшему первому секретарю областного комитета коммунистической партии. С именем Ивана Павловича Морозова (1924–1987 гг.) связана целая эпоха в истории республики. Под его руководством Коми АССР стала одним из самых интенсивно развивающихся регионов Советского Союза в 1960–1980-е гг. и, фактически, достигла пика экономического и социального развития». – <http://museumkomi.ru>.

¹⁸ Олик Дж. Фигурация памяти. С. 59.

Е.С. Котова

Баллада о «Захаре»: доминанта в историко- культурном пространстве советского города

**Екатерина Сергеевна
КОТОВА**

*кафедра международных
отношений, истории
и политологии
гуманитарного факультета
СПбГЭУ,
Санкт-Петербург*

В связи с масштабной реконструкцией промышленных районов и высокими темпами строительства зданий по типовым проектам в послевоенные десятилетия, к концу 1970-х во многих городах СССР появились пространства, лишённые сколь либо значимых историко-культурных объектов. Одним из механизмов преодоления эстетического вакуума в урбанистическом ландшафте стал генезис новых монументов. Многие из них так и не были включены в официальные перечни памятников, однако благодаря общественному интересу продолжают определять облик современных городов и являются ценными источниками для изучения моделей концептуализации городского пространства в советский период.

Наиболее ёмкая группа объектов, отражающих официальную идеологию и допущенных к установке в 1970–1980-е, но не включенных в реестр памятников (а значит, не подлежащих государственной охране), – это памятники науки и техники. В этой группе особняком стоят монументы, посвященные победе в Великой Отечественной войне: сохранность воен-

ных машин-памятников зачастую лучше, чем сохранность мемориальных объектов, официально признанных памятниками истории и культуры. К примеру, один из омских памятников В.И. Ленину, возведенный в 1935 по проекту И.Д. Шадра перед обкомом КПСС (с 2001 площадь перед зданием Законодательного собрания Омской области), был включен в 1980 в Перечень памятников, подлежащих государственной охране как памятники местного значения¹, этот статус подтверждает и современный Перечень памятников, подлежащих охране². Однако монумент был демонтирован в 2007 году³ (как и два десятка других памятников вождю пролетариата, возведенных с 1924 по 1967 и демонтированных в разное время) под предлогом износа, для реставрации. Реставрация скульптуры действительно подолгу не проводилась. Но в Омске проводилась регулярная реставрация монумента, не включенного ни в один из реестров памятников этого города: машины ЗИС-5 на аллее перед зданием Автодорожной академии.

Сибирский автодорожный институт (СибАДИ) в Омске появился в 1930, а в 1962 вуз получил новое здание – в Советском районе, который динамично развивался со второй половины 1950-х благодаря созданию там нефтехимического комплекса. Вскоре по соседству с СибАДИ в городке нефтяников были построены корпуса Омского политехнического института и Омского государственного университета.

В 1977 в СибАДИ начала свою работу специальная комиссия, задачей которой была подготовка к празднованию 50-летия института. В Советском районе практически отсутствовали объекты культурно-исторического наследия, и было решено создать монумент, обращенный к проспекту Мира. По итогам четырехмесячного конкурса победил проект архитектора Ю.Б. Борусевича, выпускника дорожно-строительного факультета СибАДИ и главного инженера архитектурно-планировочного управления Омска. Проект был посвящен подвигу сибадийцев в войне: 32 человека из ушедших на фронт студентов и преподавателей автодора не вернулись. По проекту, на пьедестал предстояло поставить легендарную «трехтонку» – грузовик ЗИС-5, выпускавшийся с 1933 почти три десятилетия (в разных модификациях), вошедший в историю победы в Великой Отечественной войне. В послевоенные десятилетия эта идея нередко посещала архитекторов: памятники автомобилю ЗИС-5 были поставлены в Самаре, Твери, Казани, Москве, Севастополе и во многих других советских городах.

¹ Решение исполнительного комитета Омского областного совета народных депутатов от 26.06.1980 № 239/10 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области // Сайт «Законодательство России». – <http://russia.bestpravo.ru/omsk/data09/tex27687.htm>

² Список объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся на территории Омской области // Сайт Министерства культуры Омской области. – http://www.sibmincult.ru/news_2008/bilds.php/

³ См.: Вечерний Омск. – 2007. – 15 сентября.

В Омской области не смогли найти подходящий грузовик, и после некоторых поисков работающий на внутренних перевозках ЗИС-5 был найден в Алтайском крае. За машиной отправили двоих сотрудников кафедры «Эксплуатация и ремонт автомобилей» – И.Д. Шинковского и Б.Е. Потрясова⁴.

Воспоминания исполнителей проекта легли в основу большей части статей о постановке грузовика на пьедестал. Однако воспоминания И.Д. Шинковского⁵, полученные нами в ходе личного интервью в 2016 году, не только дополняют официальную картину, но иногда расходятся с сюжетом, который транслировали журналисты в многочисленных публикациях.

Иван Дмитриевич Шинковский пояснил нам, что идея проекта появилась случайно. Директор Алтайского краевого автомобильного управления В.Н. Кондрацкий был знакомым ректора СибАДИ Е.В. Гнатыюка, и однажды Кондрацкий сообщил Гнатыюку о том, что в его автохозяйстве находится легендарная военная машина ЗИС-5, которую ветераны ласково называли «Захаром», причем она на ходу. Гнатыюк рассказал об этом на очередном партсобрании, и именно так зародилась идея создания памятника. Миссию по доставке машины возложили на ректора, он обратился к заведующим кафедрами, а те выбрали подходящего исполнителя.

Иван Дмитриевич был особым сотрудником, – прежде чем стать преподавателем, он 16 лет проработал водителем, в том числе с 1944 по 1951 служил шофером в тяжелых условиях Чукотского полуострова, где ездил в том числе на ЗИС-5. В июне 1978 Шинковский вызвал заведующей кафедрой «Эксплуатация и ремонт автомобилей» Б. Барсуков, который попросил его подготовиться к командировке на Алтай и найти себе напарника. Иван Дмитриевич выбрал преподавателя со своей кафедры, Бориса Евгеньевича Потрясова: он был его другом, к тому же отличался физической крепостью.

Потрясов и Шинковский приехали в Барнаул к управляющему Алтайским краевым автомобильным управлением, и тот направил их в Поспелихинскую авторемонтную мастерскую. Директор А.И. Чернов показал им машину и сообщил, что ЗИС-5 готовят к отправке на платформе, железной дорогой. Однако в институте омичам велели пригнать машину своим ходом, и они стали готовить грузовик к дальней дороге. Как вспоминает Шинковский, мотор заводился со стартера, больших проблем в подготовке машины не было. Закончив подготовку, Шинковский и Потрясов сделали несколько фотоснимков у автомастерской Поспелихи и отправились в путь.

⁴ Миронов М.С. Памятник в честь автомобилистов // Вечерний Омск. – 1980. – 1 ноября.; Романов В. Подвигу автомобилистов посвящается // Омская правда. – 1980. – 2 ноября; Барахтянская Л. Путь на пьедестал // Вечерний Омск. – 1981. – № 10; Кондратович-Сидорова В. Баллада о грузовике: памятнику автомобилиста посвящается // Автодорожник. – 1983. – 4 мая; Послание в 2030-й год // Автодорожник. – 2000. – № 2; Шинковский И.Д. Последний рейс «Захара»: Воспоминания // Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия: 75 лет СибАДИ. – Омск, 2005. – С. 37-38.

⁵ Информатор – И.Д. Шинковский (1927 г. р.), кандидат технических наук, доцент кафедры «Эксплуатация и ремонт автомобилей» СибАДИ, автор учебного пособия: Шинковский И.Д. Проектирование цехов и участков авторемонтных предприятий. – Омск, 2003. – 185 с.

Этот путь длиной в два дня Иван Дмитриевич помнит в мельчайших деталях, в его воспоминаниях он насыщен героическими моментами. Первый случился уже через пару километров от мастерской: шофер пассажирского автобуса не мог завести свой ЛАЗ и обратился за помощью. Шинковский согласился помочь, и хотя Борис Евгеньевич выразил сомнение, они зацепили автобус, и ЗИС («Захар, наш старичок!» – так с улыбкой назвал машину информатор в момент повествования) дернул его; автобус завели и поехали дальше.

Во время остановки у магазина, где омичи решили «на всякий случай»купить ведро, к ним подошел «пожилой дядька». «Как увидал машину, так воскликнул: “Ребята! Да вы где его (вместо местоимения «она» – машина, рассказчик употреблял местоимение «он», т.е. «Захар») взяли!? Да я же на нем всю войну прошел, доехал аж до Берлина!”». Со слезами на глазах бывший фронтник гладил «Захара» по капоту и вспоминал, как под огнем вражеской артиллерии доставлял на огневые позиции снаряды и именно благодаря надежности «Захарушки» остался жив.

Перед Рубцовском у машины обнаружилось подтекание тормозного цилиндра. Пришлось заехать в автохозяйство, где произошел очередной эпизод, укладываемый в концепцию машины-героя. Было воскресенье, выходной. Но как только они рассказали о машине в автобусном парке, механик-фронтник принес со склада нужную жидкость, а рабочий раздобыл подходящий тормозной цилиндр, и вскоре можно было ехать.

Больше неприятностей по дороге не случалось, тем не менее путешественникам еще не раз предлагали помощь другие водители и местные жители: угощали молоком, советовали зацепиться на буксир. Шинковский и Потрясов ехали без спешки, даже собирали грибы по дороге. В Семипалатинске путешественники остановились у столовой. Там снова машину окружили люди. Пожилые люди вспоминали, как воевали, а молодежь слушала разговоры омичей и фронтников. Где бы они ни останавливались, эта ситуация повторялась, везде интересовались воспоминаниями о войне. Сотрудники ГАИ не задерживали омичей, а на заправках не спрашивали ни талонов на бензин, ни денег, – из уважения к раритетной машине.

К Омску ЗИС подъезжал со стороны танкодрома, соревнуясь по скорости с современными боевыми машинами, и на этом закончился его героический путь. Машину поставили в гараж, где она простояла до ноября 1980 года, пока готовили постамент, чтобы открыть памятник к 50-летию института. Иван Дмитриевич утверждает, что открытия не помнит, поскольку его даже не пригласили: «не догадались, наверно». Кстати, из его воспоминаний следует, что архитектор Ю.Б. Боруевич и инженер постамента Е.В. Сиппле не сами придумали образовать на пьедестале цепь городов: «Берлин – Ленинград – Москва – Киев – Курск – Сталинград – Челябинск – Омск», а скопировали с надписи, которую Потрясов сделал на кузове автомобиля.

Вслед за Шинковским и Потрясовым, журналисты, которые многократно обращались к данной истории, расставляли такие же акценты: и у них «Захар» так же «упорно шел вперед», «обгонял». Героические сюжеты из истории последней поездки «Захара» описывали и в фильме, снятом к 75-летию кафедры АТ СибАДИ⁶, и даже в телепередаче «Действующие лица», показанной по телеканалу «Домашний» в 2006 году. Сюжет о «Захаре» для передачи о ретро-машинах был снят при участии И.Д. Шинковского. В нем говорилось о бесплатной заправке во время путешествия (наиболее популярная современная иллюстрация степени уважения к военной машине); о постаменте, который со временем сделали в два раза выше, чтобы молодежь не устраивала в машине свиданий; о торжественном параде, в котором машина якобы принимала участие в 1995 году⁷. Журналисты с готовностью подхватывали утверждения Шинковского, что если сменить смазку и подрегулировать «Захара», то можно будет на нем ехать: фактически это было создание мифа об удивительной, бессмертной природе легендарной машины.

Мифы и реальность переплелись и в статье Л. Барахтянской, которая написала, что в постамент памятника было замуровано письмо в XXI век⁸ и что это письмо «писали и те, кто имел честь доставить автомобиль на это почетное место – И.Д. Шинковский и Б.Е. Потрясов, выпускники Сибирского ордена Трудового Красного Знамени автомобильно-дорожного института»⁹.

Конструкция памяти о появлении неофициального монумента включала в себя миф о том, как ценен рядовой гражданин для всей страны. Правда, И.Д. Шинковский в своем рассказе сообщил совершенно противоположное: «А письмо я не писал. У нас все могут сделать. Ну, может, и подписали мое имя, так и хорошо, – когда придет время, достанут, вспомнят, что был такой человек...».

Современная характеристика памятника ЗИС-5 в Омске не может быть однозначной. Его можно причислить к локальным памятникам, поскольку он имеет большое символическое значение для выпускников, которые фотографируются на его фоне и после выпуска встречаются рядом с ним («Захар» – символ Автодорожного института). В то же время памятник имеет определенную общегосударственную функцию, поскольку он посвящен тем студентам и преподавателям СибАДИ, которых призвали на фронт и которые не вернулись. В память об этих сибадийцах, а в равной степени и в память о других погибших в Вели-

⁶ 5 лет факультету АТ. Хроно: 18 мин. 41 сек. (часть «Памяти погибших сибадийцев...», 5:18 – 6:30). – Видеоресурс из личной коллекции автора.

⁷ О машинах-памятниках [телепередача «Действующие лица»]. – Телеканал «Домашний». 06.05.2006.

⁸ Точнее – капсула со списком студентов первого курса юбилейного 1980 года и текст послания коллективу СибАДИ 2030 года. См.: Памятник автомобилистам (Памятники на территории учебных заведений) // Сайт Омской гос. областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина. – <http://old.omsklib.ru/pamyatniki/avtomobil.htm>

⁹ *Барахтянская Л.* Путь на пьедестал // Вечерний Омск. – 1981. – 13 января.

кой Отечественной войне возлагают цветы к мемориальной табличке с именами, закрепленной на постаменте. В то же время он представляет собой памятник науки и техники, поскольку ЗИС-5 является важной вехой в развитии отечественного машиностроения. В связи с этим большое значение придается документальной сохранности машины. Заботиться о содержании подобных объектов должен владелец, т. е. заказчик – институт, и ежегодно ко Дню Победы «Захара» и его постамент приводят в порядок. Вариант присвоения машинам статуса памятника не исключен, но для паспортизации необходимо множество документов, в том числе целостная история создания объекта, его фотографии. В связи с этим исследование истории создания неофициальных памятников имеет практический смысл.

Персонификация истории и изучение значимых событий сквозь призму личных воспоминаний как нельзя лучше позволяет понять значение исторической памяти в современном обществе. «Право на имя» в такой истории получают не только заказчики и идеологи, но и исполнители, такие как И.Д. Шинковский и Б.Е. Потрясов. Как отмечал В.Ф. Лурье, «общество постоянно рефлектирует на тему поставленных, свергаемых, гипотетических или готовящихся к установке памятников», в контексте чего изучение механизмов формирования пространственных доминант выглядит актуальным¹⁰. Долголетие «Захара», как это видится из анализа официальных и неофициальных свидетельств, обусловлено органичным сочетанием всех типов дискурса памятного объекта – исходного, репродуцированного, имплицитивного¹¹: авторское изложение мировоззренческих концепций, положенных в основу создаваемого памятника, не вступает в противоречие с интерпретацией замысла и реакцией реципиента на взаимодействие с памятником (во многом благодаря поэтизации образов в советских и современных нам средствах массовой информации).

---

¹⁰ Лурье В.Ф. Памятник в городе: ритуально-мифологический контекст // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 420-421.

¹¹ См.: Батов В.И. Проблема и содержание мемориального проектирования // Памятниковедение: теория, методология, практика: Сб. науч. трудов. – М., 1986. – С. 41-42.

И.А. Крайнева

Персональный архив ученого – проявление его исторической идентичности в поле науки

**Ирина Александровна
КРАЙНЕВА**

*научный сотрудник
Института систем
информатики
им. А.П. Ершова СО РАН,
Новосибирск*

В числе научных направлений деятельности коллектива ИСИ СО РАН в последние 15 лет – создание распределенных открытых источникориентированных информационных систем (ИС). Наиболее крупными коллекциями, представленными в ИС, являются персональные архивы ученых. Именно это обстоятельство – работа с несколькими архивными собраниями личного происхождения для размещения их в открытых архивах – породило закономерные вопросы по интерпретации этих материалов как сущностного, так и содержательного характера. Были исследованы социальные механизмы и психологические интенции создания и реализации потенциала персональных архивов ученых как проявления идентичности и историчности, как способа ориентации человека в мире, попытке придать смысл своему существованию. Создание архивов классифицировано как потребность социально-культурной и профессиональной идентификации, обусловленной желанием их создателей подчеркнуть индивидуальность за счет рас-

ширения идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах. Поскольку историческая индивидуальность субъектов может быть отображена с помощью историй, эти истории рассказываются ими самими или их биографами на основе обращения к артефактам, собранным в архиве. Анализ использования архивов в исследовательской практике позволил проследить процесс «замещения» индивида артефактами его архива, когда происходит конструирование нарративного субъекта методом биографического исследования.

Помимо того, что создатели архивов явно рассчитывали на то, что документы будут сохранены и изучены, они вкладывали в них определенные смыслы, придавали им значения, которые мы должны понять и транслитерировать. Это электронные архивы математика и программиста академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988)¹, математика и кибернетика члена-корреспондента Алексея Андреевича Ляпунова (1911–1973) и физика-теоретика доктора физико-математических наук Юрия Борисовича Румера (1901–1985)², созданные силами сотрудников Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН (Новосибирск).

Интерпретация механизмов, задействованных в процессе создания архивов, может быть осуществлена в терминах идентичности/идентификации и историзма, в личностном обретении историчности через идентификацию особого рода – формирование коллекции артефактов, архива. Ученый реализует себя в науке через публикации, общение с коллегами и учениками, институции. Но ему требуется и другая форма идентификации, подтверждения своей причастности не только научному сообществу, но и тем общественно или личностно значимым событиям, свидетелем или участником которых он являлся. Допускаем, что на первых порах формирования архива работают другие императивы: фиксация событий, комплектование рабочего материала, переписки рукописей для использования в повседневной рутинной практике. И лишь со временем приходит понимание значения этого корпуса документов, придания ему ценностной коннотации – исторического архива. На определенном этапе деятельности индивид осознает себя творцом новой реальности, эксплицитно связанной с его личностью, происходит формирование исторической идентичности.

Вся предыдущая история изучения феномена идентичности в социальных науках демонстрирует нацеленность на нее как преимущественно на интериорную сущность, которая реализуется через поведенческие практики в коммуникативных пространствах. Различают идентичность коллективную (территориальную, политическую, национальную, конфессиональную, профессиональную, гендерную, гражданскую и т.д.) и индивидуальную, личностную.

---

¹ <http://ershov.iis.nsk.su>

² <http://odasib.ru>

Понятие идентичности связывают со становлением понятия «индивидуальное» в различных дисциплинарных контекстах, а также с конституированием в европейской традиции дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности» и «Другого»³. Поначалу различные дисциплинарные понимания идентичности в неклассической логике, в постнеклассической философии и в социогуманитарном знании (социология, антропология, психология) с конца 1960-х практически объединились в постструктуралистско-постмодернистской практике в единое универсальное понятие⁴. Однако и роль предметного мира в формировании идентичностей исследована директором Лондонского музея дизайна Деяном Суджичем через дизайн: банкнот и одежды – как отражения национальной идентичности, архитектуры церквей – религиозной, униформы – социально-профессиональной и так далее⁵.

Немецкий философ Герман Люббе, говоря о природе индивидуальности, полагал, что «историческую индивидуальность можно обозначить как “идентичность” (Identity)», что «смысл определения историй как процессов индивидуализации систем можно заострить и усилить путем различения числовой и исторической индивидуальности»⁶. Числовой индивидуальностью, по Люббе, обладают объекты технических серий, их различают с помощью символов, имен или номеров. По мнению Люббе, «именно истории позволяют идентифицировать любые системы» (технические, биологические, социальные), установить их историческую индивидуальность. «Истории» могут быть закреплены в артефактах: царапинах на автомобиле, наградах, сувенирах и документах.

Процесс обретения исторической индивидуальности (идентичности) Люббе рассмотрел через артефактуальную деятельность. Он отметил небывалый всплеск историзма в современном мире, который выражен в беспрецедентной по размаху и интенсивности культуре историографического изображения собственной и чужой идентичности, в музейной деятельности. Историзм современного общества связан, по его мнению, с реакцией на динамичный рост знания, рост «реликтов цивилизации», когда под грузом новизны возникает дискомфорт восприятия действительности. Общество, как и отдельный человек, реагирует на ускорение прогресса своеобразным отторжением нового, консервативно. Эту тенденцию С.Н. Плотников видит в расцвете архивно-музейной культуры, охраны памятников старины, что символизирует поиск компенсации цивилизационной динамике: «С помощью культивирования музейных ценностей люди стремятся сохранить свою идентичность, генетически прослеживая связь

³ Абушенко В.Л. Идентичность // Всемирная энциклопедия. Философия / Гл. ред. А.А. Грицанов. – М.; Мн., 2001. – С. 382.

⁴ Абушенко В.Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 128-146.

⁵ Суджич Д. *Язык вещей*. М.: Strelka Press, 2013. – С. 2, 95, 98.

⁶ Люббе Г. Историческая идентичность (1977) // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 108-109.

истока с современностью. Таким образом, историческое сознание реально компенсирует издержки и нагрузки прогресса...»⁷. Этот феномен ностальгической рефлексии по прошлому отражен в современном коммуникативном пространстве в виде сайтов и мини-архивов, один из которых, например, так и называется: «Страница ностальгии по БЭСМ»⁸.

В то же время очевидно, что историческую идентичность нельзя объяснить только компенсаторными механизмами адаптации к цивилизационной динамике: индивид является актором своей истории, ее творцом. И он находит выход в идентификации своей личности в истории через определенный набор артефактов, которые надеется передать будущему в качестве исторических источников. Он стремится «попасть в историю», выполняет определенную миссию, связанную с осознанием непреходящей ценности его исторической индивидуальности. Биографические нарративы, истории как «замещение» ушедших идентичностей возникают на реальных артефактах, аккумулированных в различных хранилищах, в том числе в архивах.

Но индивиды стремятся обнародовать свои истории не просто рассказывая их (мемуарная практика), а подтверждая отсылкой к артефактам, архивным документам, памятным сувенирам, фотографиям, видео и аудиозаписям. Поскольку действующий субъект (в нашем случае ученый) историчен, опирается в подтверждении идентичности на весь свой прошлый опыт, он путем архивации подтверждающих дескрипций пытается сохранить связь между прошлым и будущим. Сохраняя артефакты, пригодные для будущего рассказа, нарративной истории, он формирует и поддерживает культуру будущего историографического описания не только собственной, но и коллективной идентичности, той референтной группы, с которой он профессионально и психологически себя связывал, которая влияла на формирование его социальных установок и ценностных ориентаций.

Поскольку осмыслению в качестве идентифицирующих сущностей подвергаются архивы ученых, рассмотрим их назначение как составляющей инфраструктуры этой профессиональной референтной группы, части наследия ее интеллектуальной культуры. Теория референтной группы, по отношению к которой происходит самоидентификация индивида, наиболее полно разработана Р.К. Мертонем⁹. Именно в референтной группе проявляется определенный конформизм индивида, формируются модели референтно-группового поведения. Поскольку правила поведения в референтной группе предписывают

⁷ Плотников С.Н. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // Там же. – С. 90.

⁸ http://www.mailcom.com/besm6/index_ru.shtml

⁹ Мертон Роберт К. К теории референтно-группового поведения / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура / Под ред. С.А. Белановского. – М.: Институт молодежи, 1991. – С. 3-105.

определенные нормы профессиональной рефлексии, индивид воспринимает их, чтобы реализовать свой потенциал в конкретном интересубъективном пространстве. Научный персональный архив в таком случае является и результатом профессиональной рефлексии интеллектуалов, отражением их истории, выраженной в материальном режиме. И хотя, как правило, фондообразователь конкретизирован, известно его имя, архив по своему содержанию часто выходит за рамки персональной идентичности. Архив репрезентует вмещающее сообщество настолько полно, насколько это позволяют документы.

Ориентация индивида на ценности и нормы референтной группы может быть артикулирована и как адаптационный механизм, посредством которого индивид входит в конкретное социально-культурное пространство. В этом случае реализуется стратегия использования всех средств социально-культурного окружения для более комфортного существования индивида. По мнению А.Я. Флиера, «человек нуждается в групповой форме жизнедеятельности как более надежной, в самоидентификации с данной группой – ощущении себя неотъемлемой частью коллектива, номинальным совладельцем коллективной собственности, а главным, существом, социально востребованным и одобряемым этим коллективом»¹⁰. Адаптационные возможности идентификации позволяют сохранить индивидуальность в социуме за счет накопления и использования эмпирического опыта, переходящего в рациональное действие. В определенных обстоятельствах формируются устойчивые социально-профессиональные формы рационального действия и достижения результатов, например, научные школы, которые могут играть роль адаптационных инкубаторов для вновь инкорпорированных индивидов, а также оказывать им помощь в противостоянии функциональным двойникам¹¹. Рассматривая роль научных школ в истории отечественной физики, историки науки утверждают, что «наука – это система не только по производству научного знания (научных идей), но и творящих его людей»¹².

Попутно заметим, что социальный статус (положение человека в обществе) не только формируется под влиянием уровня культуры индивида (достижимый статус), но он и определяет социальную роль – поведение человека под воздействием его статуса¹³, накладывая на индивида определенные обязательства. Если говорить о соотношении категорий «социальный статус», «со-

¹⁰ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – С. 201.

¹¹ Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. V. – С. 170-192; Шукин Д.А. Историческая идентичность как опыт негативной индивидуализации систем: интроспекция и ретроспекция // Дискурсы этики. – 2013. – №1. – С. 70-78.

¹² Визгин В.П., Кессених А.В. Научно-школьный подход к истории отечественной физики // История науки и техники. – 2016. – №1. – С. 3.

¹³ Букин А.С. Фактор социального статуса при формировании некооперативного диалога // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6(36). – Ч.1. – С. 40.

циальная роль» и «историческая идентичность», то последняя категория, помимо идентифицирующей интенции, содержит и ценностную коннотацию, а также вбирает в себя две предыдущие, т.е. является интегрирующим понятием по отношению к другим социальным атрибутам личности. Ценностная коннотация определяет уровень ответственности индивида перед своей референтной группой, в которой сформирован его социальный статус, и соответствие ожиданиям, которые наложены принадлежностью к данной референтной группе.

Идентификация актуализируется как процесс приобретения и смены идентичности, как способ социального бытия. Что же происходит в процессе идентификации ученого в нашем случае, посредством формирования его архива? Происходит постепенное «замещение» субъекта (или вмещающего его коллектива) артефактом. Следом запускается механизм перехода к историческому нарративу, который может быть порожден в отсутствии субъекта-фондообразователя. Это делает возможным возникновение исторической дисциплины – биографии, если мы задались целью написать биографию, или шире – историю науки, если архив принадлежит ученому. Собственно, реализуется та программа, которая была «запущена» с момента формирования архива, программа его нарративации. Наиболее полно эта программа воплощена в архиве А.П. Ершова. Этот архив – яркое свидетельство того, что его создатель понимал смысл своей архивной деятельности, видел назначение корпуса документов, который он сформировал, в фиксации изменений культурного опыта, происходящего под влиянием технологических изменений, а существовавшая система хранения научного наследия ученых в Академии наук убеждала его в том, что архив будет использован¹⁴.

Формирование архивов, которые мы рассматриваем как экстериторный феномен, происходит преимущественно в рамках профессиональной деятельности, хотя они могут содержать документы, отражающие не только деловые и научные, но семейные, культурные, экономические связи фондообразователя. Но именно реализация интеллектуального потенциала индивида важна для него, она является смыслом жизни и его активности в социуме. Об этом есть важное свидетельство, например, в архиве А.А. Ляпунова, математика, в годы Великой Отечественной войны мобилизованного в пехоту. Он стремился быть полезным в армии и стал таким, только когда перешел в артиллерию. Ю.Б. Румер в «шарашке» (1938–1948) читал лекции по теоретической физике молодым людям, которые были арестованы студентами. Тем самым он пытался сохранить свои профессиональные навыки привычным для него средством,

¹⁴ Согласно традиции, сложившейся в АН СССР, после кончины ведущих ученых создавалась комиссия по сохранению их научного наследия. В работе такой комиссии по сохранению научного наследия своего учителя А.А. Ляпунова в 1973 принимал участие А.П. Ершов.

передать свой опыт тем, кто мог его воспринять и сохранить уже без Румера¹⁵. Тем самым ученик становился живым идентификатором его исторического бытия. Данные наблюдения приводят к выводу, что профессиональная деятельность играет решающую роль в формировании исторической идентичности.

Аналогии артефактуальной деятельности индивида по созданию «ценозов артефактов» находим в рассуждениях А. Ваганова о феномене коллекционирования. Он отмечает, в частности, что коллекционирование играет важную роль в жизни людей, реализуя, по И.П. Павлову, «рефлекс цели», стремление к обладанию определенным раздражающим предметом¹⁶. Но усилия коллекционера направлены на соби́рание артефактов, созданных Другим, и в этом отличие коллекции от архива. В случае научного социума архив может быть дополнен т. н. исследовательской коллекцией, как у А.А. Ляпунова, который собрал внушительную минералогическую коллекцию, что отражало его интерес к «землеведению», как он определял предмет естественнонаучного профиля, созданный им в Физико-математической школе НГУ¹⁷. Кроме того, внушительное представительство демонстрируют библиотеки этих ученых, которые содержали не только профильную литературу, но и книги из других областей знания и культуры.

Более тесная связь феноменов архива и коллекции в мотивах, которые руководят их создателями. Можно выделить два типа мотивации. Мотивация открытая, о которой сказано выше: расширение идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах (артефактах), что позволяет личности обрести историчность, причастность знаковым событиям, рассказать свою историю в случае создания архива. Материализация в коллекции рефлекса обладания у коллекционера – феномен также из ряда открытой мотивации. Но выявлена и мотивация другого рода, скрытая, которая состоит в извечной попытке обмануть Хронос (игра со смертью, обретение символического бессмертия): вещи живут дольше людей. В мировоззренческом аспекте эти рассуждения приближают нас к индивидуальному решению философской и духовной проблемы мыслящего индивида о смысле жизни.

Итак, архивы ученых как феномен интеллектуального сообщества, поля науки представляют собой дискурсивный канал между индивидом и его исторической идентичностью. Архивы позволяют особенно четко понять смысл процессов индивидуализации, поскольку именно они закладывают возможность увидеть уникальность исторической индивидуальности в совокупности иденти-

¹⁵ Крайнева И.А. Электронная историческая фактография: от создания архива к его научной интерпретации (на основе архива Ю.Б. Румера). – Новосибирск, 2015. – 84 с. – (Препринт ИСИ СО РАН, № 177.)

¹⁶ Ваганов А.Г. Коллекционирование как форма проявления исследовательского инстинкта ученого // Социология науки и технологий. – 2015. – № 3. – Т. 6. – С. 91-104.

¹⁷ http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_14923

фицирующих дескрипций. Тем не менее, нарративы, созданные на основе этих архивов разными исследователями, будут отличаться друг от друга. Значит ли это, что мы получим несколько идентичностей? На это ли рассчитывал фондообразователь, тщательно укладывая документы в папку? Несмотря на физическую уникальность фондообразователя, артефакты, тем не менее, полны скрытых смыслов, видимых одними и не замеченных другими биографами, поскольку даже при жизни у каждого индивида есть несколько «версий» самого себя. Поэтому при создании биографии, конструировании нарративного субъекта, различие будет касаться акцентов, расставленных при прочтении смыслов, которые индивид придавал артефактам. Личностная идентичность, базирующаяся на единстве имени и персональной истории, отложенной в артефактах, послужит основанием для создания нарративного субъекта.

Экстерналистский подход к идентичности позволяет экстраполяцию к исторической идентичности индивида как нарративной субстанции, у которой имеются идентифицирующие дескрипции (я рассматривается со стороны) и с помощью которых референция осуществляется к конкретному человеку¹⁸ через тождество свойств некоторой пространственно-временной сущности (телесной непрерывности). Историческое повествование помещено в поле междисциплинарности гуманитарных наук: социологии, психологии, культуры.

Архив как проявление идентичности существует в историческом времени на материальных носителях. В последнее время все большую актуальность приобретают т. н. скрытые архивы – архивы, хранящиеся на электронных носителях, в чем есть риск их полной утраты после ухода индивида-фондообразователя (виртуализация деятельности). Последний, как будто, уже не заботится о своей истории и своем «нарративном бытии». Необходимо задуматься, имеем ли мы дело с атрофией идентичности или переходом ее в иное состояние, нами пока не осознанное? Имеем ли мы дело с реакцией на динамику цивилизации, когда индивид не успевает задуматься о вечном, находясь в плену скоростей? Приведет ли это к новым типам идентичности, как в экзистенциальном, так и в материальном режимах?

Обращение к интериорному феномену идентичности в его проявлениях экзистенциальной и социально-дисциплинарной природы – личностном и профессиональном, прослеженный через экстериорный феномен персональных архивов ученых, выводит исследование на уровень соотношения материального и экзистенциального. Если верна идея формирования архива как собраний идентифицирующих дескрипций, то можно предположить, что будет верна и обратная процедура: на основе понимания смыслов, которые индивид придавал артефактам, осуществить поиск выхода в историческую ретроспективу. Это, в свою очередь, приводит к реализации исследовательской практики

¹⁸ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Под науч. ред. Л.Б. Макеевой. – М.: Идея-Пресс, 2003. – С. 258.

«возрождения» индивида через артефакты его архива. Архива, соотносительно с реальной социокультурной практикой уже не аутентичного, а нарративного субъекта, конструирование которого является задачей исторической биографии. Тем самым мы показываем, что понимаем мотивы создателей архивов.

Анализируя пространство, в котором осуществляется рефлексия референтной группы ученых – носителей исторической идентичности, – логично перейти к исследованиям Пьера Бурдьё о социальном пространстве, поле науки и действующих в них силах¹⁹. Социальное пространство по Бурдьё – это форма отношений, «структура социальных позиций»²⁰ действующих в нем агентов, обладающих социальным капиталом особого рода, «который обеспечивает власть над конституирующими механизмами поля и который может быть конвертирован в другие виды капитала»: престиж, признание, известность, выгоду, прибыль²¹. Бурдьё характеризует социальное пространство (поле) как «место аккумулированной социальной энергии»²². Научное поле «как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть <...>, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально закрепленная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномерно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки»²³.

Теория социального пространства и поля науки П. Бурдьё нашла свою конкретизацию и развитие в работе историка отечественной физики Геннадия Ефимовича Горелика, который провел анализ поведенческих практик (идентичностей) в среде московских физиков (субполе науки по Бурдьё)²⁴. В разделе «К теории сильного социального поля» своей статьи он сделал акцент на особенности общественной жизни в СССР в период сталинизма, выполнив этимологический анализ понятия «репрессии», что он полагал аналогичным другому понятию: «давление», социальное и идеологическое. Для более точного описания истории советской физики Горелик предложил применить физический же термин «поле тяжести» или «гравитация». Горелик формирует понятие социально-гравитационного поля и анализирует его воздействие (давление) на науку. Если

¹⁹ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с. – (Серия Gallicinium).

²⁰ Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё / Бурдьё П. Социальное пространство... С. 557.

²¹ Бурдьё П. Социальное пространство... С. 486-489.

²² Там же. С. 183-184.

²³ Там же. С. 474.

²⁴ Горелик Г.Е. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // Знание – сила. – 1993. – № 6. – С. 54-63.

в теории Бурдые мы встречаем понятие «сила» – наличие научного капитала и меры власти, которыми обладает агент поля науки, то в теории Горелика введено понятие «напряжение», что подчеркивает возможность изменения соотношения «сил» в поле науки, позволяет проследить взаимодействие агентов друг с другом и поля науки с другими полями, в частности с полем власти, которое явно подразумевает Горелик. Напряжение может колебаться: усиливаться или ослабляться, что подчеркивает динамическую сущность поля науки и динамичность же его отношений с внешним агентом. Напряжение, по Горелику, порождено взаимоотношением поля науки и поля власти, конкретнее – намерениями власти подчинить науку государственному влиянию. Этот фактор влияния может оказывать деформирующее воздействие на поле науки, примеры чему приведены в работе Горелика. Научное сообщество, его отдельные индивиды по-разному реагируют на проявления напряжения поля: привыканием, встраиванием, отторжением (которое могло проявиться в попытке покинуть зону давления). Горелик показал, как формируются исторические идентичности и как взаимодействуют их носители в специфических полях науки: «...некоторые даже находили преимущества в условиях неестественной гравитации и неплохо устраивались, оказавшись в социалистически-неземном поле. Остальным же требовались большие усилия и мужество, чтобы совершать нормальные, естественные человеческие поступки»²⁵.

Это обстоятельство – сильное социально-гравитационное поле, – взаимодействуя с внутренними свойствами личности, могло привести и приводило в итоге к поляризации научной жизни внутри отдельного субполя науки. Горелик рассмотрел некоторые конкретные реалии жизни физического сообщества (субполя науки) 1940-х–1950-х годов, которая определялась противостоянием группировки физиков из МГУ и физиков Академии наук. Следуя за П. Бурдые, необходимо принять тот факт, что «анализ, который пытается выделить исключительно “политическое” измерение в конфликтах за доминирование в научном поле, будет принципиально неверен, как и противоположная – более частая – тенденция рассматривать научные конфликты в “чистых”, сугубо интеллектуальных категориях»²⁶.

Здесь и далее под политическим измерением Бурдые понимает доминирование некоей научной группы внутри поля или субполя науки. Поле науки не примиряет, но сочетает эти факторы. Горелик раскрывает другой механизм – механизм отношений поля науки и поля власти, основанный не только на политико-идеологическом доминировании последнего, но и на функции власти как распорядителя кредитов. Отсюда и использование риторики, навязанной извне, теми членами сообщества, которые принимают «правила игры»,

²⁵ Там же. С. 63.

²⁶ Бурдые П. Социальное пространство... С. 476.

исходящие от поля власти, о чем достаточно убедительно написал в свое время С. Герович²⁷.

Расхождение физиков по разным полюсам Горелик, ссылаясь на высказывания неких очевидцев, объясняет разным уровнем интеллигентности, что подтверждается примерами проявления свойств исторической личности в соответствующих социально-научных границах, проявлением их исторической идентичности. «Положение этих границ, – пишет Горелик, – определяется интеллектуальным ресурсом личности, глубиной научной и общечеловеческой культуры, способностью к самооценке. Обычно в понятие “настоящий ученый” включают высокий этический стандарт, а значит – и уравновешенное отношение к собственным достижениям. Но время двадцатых – сороковых годов всеми силами девальвировало не только научную этику, но и все десять заповедей. Поэтому удержаться на достойном этическом уровне удавалось далеко не всем. И цель для многих оправдывала средства. Размыванию научной этики, помимо причин, общих для всех сфер общественной жизни в СССР, способствовали еще и специфические обстоятельства. Быстрый рост советской физики, приток в науку сразу большого числа новых людей ослабили преемственность поколений, ослабили действие живых эталонов научной этики. А сложившаяся в СССР к концу тридцатых годов жестко централизованная организация науки необычайно усилила роль административных авторитетов в ущерб научным и моральным»²⁸. Анализ, выполненный Гореликом, дает более глубокое представление о том, как работает механизм поля науки на личностном уровне, тогда как Бурдые сосредоточен скорее на коллективном, хотя и он вскользь заметил, что «протестные и даже революционные диспозиции, вносимые в поле некоторыми исследователями <...>, могут также приводить к подчинению внешним давлениям и предписаниям, среди которых самыми очевидными являются политические лозунги»²⁹. Он демонстрирует полярную дифференциацию личностных установок поведения агентов поля науки: «конформистские установки, заставляющие принимать мир таким, каков он есть, и установки упрямства и непокорности, ведущие к неприятию внутренних и особенно внешних социальных принуждений и к разрыву с очевидными представлениями, разделяемыми всеми в поле и вне него»³⁰. Дифференциация эта может быть обусловлена как позициями, занимаемыми агентами в поле, так и траекториями, которые их к этим позициям привели, что, собственно, более подробно и рассмотрел Горелик.

Факторы, выявленные Гореликом при анализе субполя физики, имели далеко идущие следствия общенаучного значения, поскольку имели место в дру-

²⁷ Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. – MIT Press, 2002.

²⁸ Горелик Г.Е. Физика университетская и академическая... С. 62.

²⁹ Бурдые П. Социальное пространство... С. 533.

³⁰ Там же. С. 535.

гих субполях науки: застой, усиление администрирования науки, отказ от демократических принципов ее организации в угоду внешнему благополучию, «отделение науки от образования, научных институтов друг от друга, отечественной науки от мировой, отделение науки от жизни. <...>. Не случайно столь настойчивы и столь безуспешны стали призывы внедрять науку в жизнь»³¹. Таковы отечественные реалии социального поля науки, которые в данном случае выявлены с помощью исследования субполя физики, но черты этого феномена мы встретим и в других субполях отечественной же науки. Таким образом, сравнение двух подходов к анализу поля науки показывает, что напряжение поля науки зависит не только от внутренних императивов его функционирования, но и подвергается прямому воздействию таких полей, как поле власти. Социально-гравитационное напряжение поля науки формируется не только под воздействием научной рефлексии и конкурентных практик агентов, но и под влиянием извне. Носители исторической идентичности являются акторами, испытывающими внутреннее (личностное и корпоративное) и внешнее напряжение (другие социальные поля), о чем говорит Г. Горелик. П. Бурдьё вводит понятие экономического мотива в поле науки, но не акцентирует внимание на компоненте власти как источнике социально-гравитационного напряжения с отрицательной коннотацией. В целом оба подхода раскрывают механизмы функционирования исторической личности в поле науки, дополняют наше представление о формировании исторической идентичности под влиянием различных факторов.

---

³¹ Горелик Г.Е. Физика университетская и академическая... С. 63.

Н.С. Крук

ОКТБ-12: О тех, кто проектировал и строил «Большой дом»

Наталья Семеновна КРУК

*НИЦ «Мемориал»,
Санкт-Петербург*

К концу 20-х годов XX века органы госбезопасности СССР стали принимать участие в решении экономических задач, в том числе по строительству важнейших промышленных и других объектов с участием заключенных. В документах Центрального исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.) эта деятельность ОГПУ нашла подтверждение¹.

К примеру: «В процессе использования арестованных специалистов начато целый ряд как производством, так и проектировкой работ, разрешающих в различных отраслях ленинградской промышленности ряд актуальных задач производства, его рационализации, а также проблем современной техники. В интересах означенных работ для ленинградской промышленности в ее решающих участках необходимо закрепление за Ленинградом нижеследующих арестованных специалистов. В списке 167 человек»².

---

¹ [Списки арестованных специалистов, используемых в технических бюро ПП ОГПУ в ЛВО]. – ЦГИА СПб. Ф. 2279 (Ленинградский областной Совет народного хозяйства). Оп. 10. Д. 318 (18 января – 23 ноября 1931).

² Там же. Л. 33.

В архиве Научно-информационного центра «Мемориал» имеются данные на 18 человек из этого списка. Находясь в заключении, эти специалисты работали в ОКТБ-12 в первой половине 1930-х.

Назначенный в январе 1930 полномочным представителем ОГПУ в Ленинградском военном округе Ф.Д. Медведь при поддержке партийного главы города С.М. Кирова поставил вопрос о строительстве нового административного здания для ПП ОГПУ. В апреле 1931 Медведь доложил свои предложения по возведению этого здания на месте сожженного в дни Февральской революции 1917 года здания Окружного суда. Он представил Кирову подготовленную в Особом конструкторском технологическом бюро (ОКТБ-12) при ПП ОГПУ пояснительную записку к проекту³.

Формально ОКТБ-12 при управлении строительством ПП ОГПУ было организовано в июне 1931⁴. Оно располагалось в здании Внутренней тюрьмы Ленинградского управления ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ (бывший Дом предварительного заключения на улице Шпалерной, построенный в 1871–1875). На начало работы в бюро числилось 25 человек.

У нас есть основания предполагать, что в июне 1931 произошло всего лишь официальное закрепление существования этой организации. Во-первых, к апрелю 1931 ОКТБ-12 уже выполнило проект. Во-вторых, к ноябрю 1932 новое здание ПП ОГПУ – главный объект деятельности ОКТБ-12 – было уже построено. И если считать, что в июне 1931 Особое бюро было только что организовано, а уже через год с небольшим здание спроектировано и построено, то возникает вопрос: могло ли так быть?

Дополнительный фактор в подтверждение нашего вывода – это то, что в списке лиц, используемых в технических бюро ПП ОГПУ в ЛВО⁵, указано, что 18 человек уже находились в ОКТБ-12 до момента его официальной организации.

Кроме здания Полномочного представительства ОГПУ, ОКТБ-12 разрабатывало другие эскизные проекты: Дворец физкультуры, здание гаража ОГПУ, деревянные эллинги, ладожский водопровод и многое другое. Сотрудники ОКТБ-12 выполняли и другие виды работ. Например, проводили экспертизы и консультации в связи с проектированием и строительством различных объектов. Как значится в документе, эти консультации и экспертизы проводились «отдельными кредиторами»⁶.

³ См.: Большой дом без грифа «секретно»: 80 лет административному зданию Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (1932–2012) / Под общ. ред. С.В. Чернова. – М.: Русь, 2002. – 93 с., ил. (гл. «Пояснительная записка к проекту административного здания»).

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 10. Д. 318.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Главное детище ОКТБ-12 это, конечно, новое здание ПП ОГПУ, его проектирование и строительство. (В Ленинграде оно вскоре получило неофициальное название «Большой дом».)

Относительно авторства проекта существует версия, что первым проектантом здания был Николай Евгеньевич Лансере (1879–1942)⁷. Н.Е. Лансере много и успешно поработал до революции как архитектор и историк архитектуры, акварелист, рисовальщик и иллюстратор. При советской власти он автор исследований по истории русской архитектуры, реставратор, музейный работник, профессор Академии художеств. Впервые Н.Е. Лансере был краткосрочно арестован в октябре 1920 в Ростове на Дону, но вскоре освобожден. В марте 1931 он был арестован по обвинению в «шпионаже в пользу Франции» и приговорен к высшей мере наказания⁸. Расстрел был заменен десятилетним заключением. Лансере находился во Внутренней тюрьме ОГПУ (ул. Воинова, бывшая Шпалерная, 25) и работал в Особом конструкторско-техническом бюро.

Одновременно с Николаем Евгеньевичем в марте 1931 были арестованы его жена Елена Казимировна Лансере (1885–1974, урод. Подсендовская) и дочь Наталья Николаевна Лансере (1910–1998), студентка Института коммунального хозяйства. Обе они обвинялись по ст. 58-6 УК («шпионаж»). 6 июня 1931 постановлением ОО ПП ОГПУ в ЛВО «за недоказанностью обвинения» они были из-под стражи освобождены. Н.Н. Лансере до 1935 работала вольнонаемной чертежницей в ОКТБ-12, там же, где и ее отец, и выносила «на волю» его письма и рисунки⁹.

По легенде, именно Н.Е. Лансере было поручено проектировать здание ПП ОГПУ. Проект был выполнен, но заказчики сомневались в добросовестности специалиста-«вредителя». А вдруг вентиляция соединена с канализацией? Или лестницы ведут куда-то не туда? Пригласили экспертов – известных архитекторов А.И. Гегелло, А.А. Оля и Н.А. Троцкого. Последние проект раскритиковали. Заказчики приняли соломоново решение: проект будет выполнен коллегиально. Один рисует фасады, другой планы, третий разрезы. Ничего выдающегося при таком подходе получиться не могло. И все-таки основным автором проекта принято считать Ноя Абрамовича Троцкого. Основным, но не единственным. В проектировании и строительстве здания ПП ОГПУ принимали участие также и другие архитекторы, работавшие в ОКТБ-12, – это Л.П. Шишко, И.Ф. Беспалов. Б.К. Рерих и др.

Лансере же в итоге выполнял проекты фасадов и делал зарисовки здания в ходе его строительства в 1931–1932 годах.

⁷ Подробнее о нем см. предисловие В.А. Витязевой и М.А. Модзалевской-Лансере к кн.: *Лансере Н.Е.* Винченцо Бренна. – СПб.: Коло, 2006.

⁸ Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

⁹ Эти рисунки хранились в семейном архиве, а в 1993 были переданы Н.Н. Лансере в музей НИЦ «Мемориал». Хочу отметить, что я лично участвовала в передаче этих рисунков, – несколько раз ходила к Наталье Николаевне домой и договаривалась с ней о возможности такой передачи.

Кроме того, в ОКТБ-12 Н.Е. Лансере в период с июля 1931 по 28 июня 1935 года участвовал в проектировании отделки кабинетов наркома внутренних дел и зала заседаний в Кремле, реконструкции Конногвардейского манежа под гараж ОГПУ, проектировании внутренней отделки правительственной дачи на Каменном острове, алюминиевого завода в Волховстрое, дома отдыха ГПУ в Хосте, жилых домов для сотрудников ГПУ на Пироговской набережной в Москве и на улице Воинова и проспекте Чернышевского в Ленинграде, а также в проектировании отделки интерьеров парохода «Севастополь», яхты и катера серии «Г-4» верфи НКВД по заказу Компартии Абхазии и т.д.

О пересмотре дела и освобождении Н.Е. Лансере ходатайствовали видные деятели культуры – художник И.И. Бродский, профессор А.Т. Матвеев, архитекторы А.В. Щусев, И.А. Фомин, В.А. Щуко и другие.

Николай Евгеньевич Лансере был досрочно освобожден 2 августа 1935 от делом УСО УГБ. Ему был выдан следующий документ:

«Справка дана гр-ну Лансере Николаю Евгеньевичу, 1879 г.р., ур. гор. Ленинграда. Осужденный б. Коллегией ОГПУ 9.01.1932 по ст. 58-6 и 58-11 к ВМН с заменой в концлагерь, на основании постановления Особого Совещания при НКВД от 28.07.1935 досрочно освобожден. Видом на жительство служить не может. При утере не возобновляется. Начальник УСО – уполномоченный г. Ломоносова Егоров»¹⁰.

В 1935 Н.Е. Лансере возглавил архитектурную мастерскую, которая занималась проектированием комплекса Ленинградского филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Но и после освобождения он продолжал оставаться под пристальным вниманием НКВД: регулярные ночные обыски в поисках в квартире оружия, разорение библиотеки и архива, временные задержания без предъявления обвинения и тому подобное.

В 1938¹¹ Н.Е. Лансере был повторно арестован и вновь обвинен в «шпионаже». Сведения, которые он якобы успел передать иностранным разведкам, касались, разумеется, «секретных объектов», в том числе и ВИЭМ. Не выдержав пыток на допросах, он подписался под всеми предъявленными ему обвинениями, после чего был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Котлас Архангельской области, где находился этапно-пересыльный пункт ГУЛАГа.

Из всех ходатайств в защиту Н.Е. Лансере ответа из Главной военной прокуратуры удостоилось только прошение его брата, академика Е.Е. Лансере. Оно датировано 21 августа 1939: «Дело Вашего брата пересматриваться не будет, т.к. он осужден правильно. Военный прокурор Главной военной прокуратуры Колосова».

¹⁰ Цит. по предисловию В.А. Витязевой и М.А. Модзалевской-Лансере к кн.: Лансере Н.Е. Винченцо Бренна. – СПб.: Коло, 2006.

¹¹ По одним данным, 22 мая 1938, по другим – 11.06.1938.

В семейном архиве Лансере сохранилась переписка того времени. В одном из писем Николай Евгеньевич просил сообщить, как получить краски для фресковой живописи. Выяснилось, что из-за болезни сердца использовать его на общих работах было невозможно, и Лансере поставили на роспись стен в старом храме, приспособленном под клуб. С началом войны заключенных северных лагерей перемещали в глубь России. В мае 1942, после больших пеших переходов, Н.Е. Лансере скончался в тюремном госпитале в Саратове. Он был похоронен в Саратове на тюремном кладбище.

В ОКТБ-12 также работал архитектор-художник Борис Константинович Рерих, младший брат знаменитого художника Николая Константиновича Рериха. Борис Рерих родился 28 мая 1880 в Петербурге. Получил архитектурно-художественное образование. Работал художником, архитектором, принимал участие в подготовке Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. 27 февраля 1929 дома у Б.К. Рериха был проведен обыск «на предмет обнаружения материалов, изобличающих его в шпионской деятельности». Арестован же Борис Константинович был 23 мая 1931 по обвинению в передаче ряда «ценных вещей и картин для нелегального вывоза и продажи за границу». Приговорен постановлением Коллегии ОГПУ от 23 августа 1931 к трем годам лишения свободы. В заключении работал в ОКТБ-12. Участвовал в проектировании «Большого дома», в реконструкции Конногвардейского манежа под гараж ОГПУ. Он был условно-досрочно освобожден 2 января 1933 с правом свободного проживания в СССР. Умер в Москве 4 мая 1945 года¹².

У нас имеются также данные и о других заключенных сотрудниках ОКТБ-12.

Алексей Константинович Зворыкин (1880–1969), инженер-судостроитель. До 1922 работал на заводах «Руссуд» и «Тремсуд». С 1922 – главный инженер завода им. Андре Марти в Ленинграде. В 1925–1927 главный корабельный инженер Северной верфи. После 1927 работал в ЦБ морского судостроения Главморпрома. Арестован в 1928 «за вредительскую деятельность на Северной верфи», обвинен в «злонамеренной бесхозяйственности» и приговорен по ст. 58-7 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Соловках, затем в ОКТБ-12. В 1932 освобожден досрочно и работал начальником ОКБ верфи Морпогранохраны. Занимался разработкой катеров типа ГК, КМ-2, МО. Вновь арестован в 1935 и приговорен к трем годам лагерей. Срок отбывал в Ухто-Печерском ИТЛ. Освобожден в 1938. Работал инженером-конструктором в «Узбекэнерго», в КБ Главдормаша в Минске. Реабилитирован 16 декабря 1964 постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР. Умер 21 августа 1969¹³.

¹² См. о нем также: *Моргачева Т.В.* К биографии Бориса Константиновича Рериха // Вестник «Мемориала». – 2001. – № 6.

¹³ Подробнее о нем см.: *Баскаков И.Я., Крук Н.С.* ОКБ-5 // Право на имя: Биографика XX века: Тринадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2015. – СПб., 2016. – С. 11, 12, 15.

Инженер Виктор Иванович Крутиков (1888 – ?), уроженец села Мужилово Крестецкого уезда Новгородской губернии. Перед арестом заведующий строительным отделом комбината «Березникхимстрой» в Пермской области. Арестован 6 ноября (по другим данным, 30 октября) 1930. Приговорен 13 (по др. данным, 23) апреля 1931 тройкой при ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе по статье 58-7 (58-7, 11) УК РСФСР к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. В заключении работал в ОКТБ-12. Реабилитирован 11 октября 1989 Прокуратурой Мурманской области¹⁴.

Инженер Борис Федорович Кондратьев (1881 – ?). Перед арестом заведующий технико-производственным отделом Ленинградского Судотреста. Арестован 10 ноября 1930 по делу о «контрреволюционной, вредительско-диверсионной и шпионской группы в Ленинградской судостроительной промышленности». Приговорен 30 апреля 1931 Коллегией ОГПУ к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет¹⁵. Постановлением КОГПУ от 2 января 1932 заключение заменено условным осуждением. Реабилитирован 16 октября 1964 Военной коллегией Верховного суда СССР¹⁶.

Инженер Бушкович Валерий Осипович (1874 – ?). Родился в Рыбинске. Получил высшее образование, инженер-сантехник. Перед арестом работал инженером в Ленинградском облотделе коммунального хозяйства. Арестован 15 ноября 1930 по групповому делу. Приговорен 23 июля 1931 к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей. Оставлен в Ленинграде и направлен в ОКТБ-12. Принимал участие в проектировании здания ПП ОГПУ. С 1 апреля 1933 старший инженер проектного отдела строительства Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) в Ленинграде. Проводил работы по изысканию воды и устройству водопровода на биостанции ВИЭМ в Колтушах. В августе 1936 Управлением НКВД направлен в Новосибирск на оставшийся срок. В результате ходатайств руководства строительства ВИЭМ и академика И.П. Павлова оставлен в Ленинграде. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1937 срок был сокращен до 8 лет. Реабилитирован 18 сентября 1989.¹⁷

Согласно спискам из ЦГИА СПб., сотрудниками ОКТБ-12 являлись следующие специалисты, биографическими сведениями о которых мы в настоящее время не располагаем:

Готгельф Исаак Моисеевич – инженер-механик, заведующий отделом Гостреста промвентиляции.

¹⁴ Книга памяти: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области // Сайт «Возвращенные имена». – <http://vizs.nlr.ru/person/book/murm/0/2710>

¹⁵ Сведения приводятся по кн.: *Козырь В.В.* Материалы по репрессиям в судостроении. – СПб., 2015.

¹⁶ База данных «Жертвы политического террора в СССР». – <http://lists.memo.ru/d17/f170.htm>

¹⁷ О Бушковиче В.О – *Пешковой Е.П.* [письма 1935 года, со ссылкой на ГАРФ. Ф. 8409] // Сайт «Заклейменные властью» / Международный «Мемориал»; Государственный архив РФ. – http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000543.pdf

Ковров Константин Павлович – инженер-сантехник, главный инженер по водоснабжению Откомхоза Ленинграда.

Коварский Ефим Осипович – инженер-технолог, главный инженер по реконструкции цементного завода им. Воровского.

Лебедев Николай Николаевич – инженер-технолог, текстильщик, профессор Технологического института.

Чеботарев Василий Васильевич – специалист по постройке мостов и набережных.

Шахт Константин Христианович – инженер-сантехник по канализации, водопроводу и отоплению.

Старостин Василий Васильевич – инженер-проектировщик¹⁸.

Светлов Николай Николаевич – специалист по водоснабжению.

Николаев Георгий Николаевич – техник-строитель.

Лаханин Павел Николаевич – инженер-мостостроитель, сотрудник Управления канализацией и мостами Ленинграда.

Спилва Яков Яковлевич – инженер-сантехник, начальник Управления канализации, главный инженер.

Кац-Капелинский Максим Юльевич – инженер по промышленному строительству, перед арестом главный инженер Кожтреста¹⁹.

Павловский Владимир Александрович – инженер по аэро- и гидродромному строительству, главный инженер по строительству авиагородка Института инженеров гражданского воздушного флота.

* * *

ОКТБ-12, скорее всего, было расформировано в 1935. В уже упоминавшемся архивном документе сказано: «За период деятельности ОКТБ-12 из его состава выделились отдельные группы инженерно-технических работников для организации самостоятельных ОКТБ непосредственно на предприятиях»²⁰.

¹⁸ Предположительно имеется в виду Василий Васильевич Старостин (1875–1960) – архитектор, специалист по строительным материалам. Окончил Институт гражданских инженеров (ИГИ, 1902). Профессор (с 1920-х), проректор ИГИ в 1924–1926. В 1931 был арестован и в 1932 приговорен к десяти годам концлагеря. См. о нем: *Чернавин В.В. Записки «вредителя»*. – СПб., 1999; см. то же: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8993>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/rw/wiki/833673>

¹⁹ Предположительно имеется в виду Максим Юрьевич Кац-Капелинский (1874 – ?), гражданский инженер и архитектор. Выпускник Института гражданских инженеров (1896), автор около 20 построек в Петербурге. Совладелец кожевенного завода «Аринштейн и Капелинский» (1910). См. о нем: Историческая справка // СПб. ГБОУ ДОД «Санкт-Петербургская детская школа искусств имени С.В.Рахманинова». – <http://rahmaninovschool.spb.ru/index.php/using-joomla/extensions/components/content-component/article-categories/83-school>; см. также: Сайт СПб ГАСУ. – http://www.spbgasu.ru/Vypusnikam/Stud_Vip_Prep/KAPELINSKIY_Kac-Kapelinskiy_Maksim_Yurevich/

²⁰ ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.10. Д. 318. Л. 40.

М.В. Михайлова
К. Рампаццо

Частные письма Г.И. Чулкова как источник биографических сведений¹

**Мария Викторовна
МИХАЙЛОВА**

*доктор филологических наук,
профессор Московского
государственного университета
им. Ломоносова*

Кьяра РАМПАЦЦО

*Университет города Падуя,
Италия*

Вопрос о положении науки, описывающей жизнь отдельной личности, продолжает волновать многих теоретиков литературы. В русском литературоведении статьи и научные работы на эту тему писали видные ученые – Г. Винокур, Ю. Тынянов, Б. Томашевский, М. Бахтин, Ю. Лотман.

Жизнь человека, воспринимаемая как совокупность «представлений и воспоминаний, удовольствий и страданий, намерений и движений»², осмыслиется как центральный сюжет биографии. Ее «биографическая ценность», по определению М. Бахтина, заключается именно в том, что «важно не кто он, а что он прожил и что он сделал. <...> Это жизнь в ценностном центре видения»³. И именно это положение имеет прямое отношение

---

¹ Письма Г.И. Чулкова к жене проанализированы К. Рампаццо. Письма писателя к возлюбленной Л.М. Лебедевой и письма Н.Г. Чулковой охарактеризованы М.В. Михайловой.

² Винокур Г.О. Биография и культура. – М.: ЛКИ, 2007. – С. 29.

³ Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 192-193.

к героям данного исследования – Георгию Ивановичу Чулкову (1879–1939), яркому представителю литературной жизни первой трети XX века, и его жене Надежде Григорьевне Чулковой (1874–1961; урожденная Петрова, в первом браке Степанова), переводчице, исследовательнице некрополя Оптиной пустыни, сподвижнице супруга во всех его начинаниях.

Основной проблемой, возникающей на пути биографа, является труднодоступность биографических материалов и дальнейшая работа с ними. К первоисточникам, определяющим документальную базу для написания биографии, относятся мемуары, дневники, автобиографии и собрания писем. Изучение эпистолярных текстов в последние десятилетия стало весьма распространенным исследовательским направлением, что свидетельствует об особой роли писем как источника биографических сведений. Эпистолярное наследие рассматривается не только как важная составляющая для построения научных биографий, но изучаются и его социально-антропологические аспекты, что раскрывает и бытовую историю стран, в которых находились участники переписки. Восстановление жизненного пути, истории взаимоотношений, творческой индивидуальности приобретает особую значимость, если субъект жизнеописания является человеком, чей облик не был исследован с достаточной полнотой.

Непрерывность жизненной эволюции, череда событий, эмоций, чувств, переживаний и страданий, испытанных героем, находит яркое отражение в эпистолярных источниках. Однако письма (впрочем, как и остальные разновидности художественной авторефлексии) обладают некой колеблющейся характеристикой, связанной со степенью доверия к их автору. Это особенно верно для писем, адресованных их автором разным лицам, в которых он может играть разные роли. Для получения более объективной картины житейского, социального, духовного, творческого развития личности автора важно провести анализ его переписки с одним лицом, в сопоставлении с ответными письмами, а также с письмами того же адресанта другим лицам.

В случае Г.И. Чулкова особо значимой следует признать переписку писателя с двумя женщинами, сыгравшими в его жизни важнейшую роль, – женой Надеждой Григорьевной и возлюбленной Людмилой Михайловной Лебедевой. Эти письма написаны в первые три десятилетия прошлого столетия и до сих пор остаются неисследованными и неопубликованными⁴. Этот эпистолярный корпус может служить важной основой для детализации биографии Чулкова. Одновременно данная переписка предоставляет уникальную возможность составить более полное представление об исторической эпохе, так как часть писем была написана двум разным адресатам в одно и то же время. Кроме того, она

⁴ Переписка Г.И. Чулкова с женой хранится в РГАЛИ (Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 480-484 и 399-401). Письма Чулкова к Л.М. Лебедевой находятся в НИОР РГБ (Ф. 371. К. 8. Ед. хр. 8-16; К. 9. Ед. хр. 1-3). Все цитаты из писем в статье приводятся по этим материалам. Тексты приведены к современной орфографии и пунктуации.

позволяет представить личность самого Чулкова как человека, питавшего особую страсть к эпистолярному жанру. Эпистолярная культура вообще была чрезвычайно развита среди представителей Серебряного века. Она была тесно связана с принципом «жизнетворчества» в среде символистов, да и не только их. Это был своего рода некий «виртуальный» холст, на котором можно было сформировать «художественно-жизнестроительный текст»⁵. И Чулков здесь выступает в своем роде неутомимым «жизнеписцем» (*Life Writer*).

Переписка его с женой состоит из более чем шестисот посланий. Чуть больше 220 писем адресовано Лебедевой. Их подробный анализ позволяет уточнить детали биографии писателя, определить его взгляд на события и факты, увидеть отражение культурных, языковых и стилистических веяний того времени, более точно представить место Чулкова в культурном пространстве эпохи. Наряду с другими биографическими источниками, эти письма могут служить дополнительным материалом для понимания судьбы их автора.

«Пристрастный летописец эпохи» – так М.В. Михайловой была охарактеризована личность Чулкова в заглавии вступительной статьи к переизданию книги мемуаров писателя⁶. Георгий Чулков – писатель, прозаик, поэт, драматург, журналист, литературный критик, биограф, мемуарист – был человеком одаренным, творческим, инициативным. Он был заметной фигурой в панораме культуры Серебряного века. К тому же за его плечами было революционное прошлое и ссылка в Сибирь.

Переписка его с будущей женой начала 1900-х особенно ценна деталями: характеристикой заключенных и их поведения, условиями содержания и степенью свободы. Это ярко характеризует такой фрагмент:

«...мы потребовали объявления нам мест нашего поселения. У смотрителя тюрьмы сведений не оказалось. По телеграфу из Иркутска нам дали неопределенный ответ. Тогда мы удалили из помещения политических надзирателей, заперли ворота, устроили баррикады и выбросили красные знамена. Решено было готовиться к вооруженному столкновению. Все это имело смысл, пока вокруг нашей крепости стояли солдаты с заряженными ружьями. Но вскоре, по приезде губернатора, прокурора и начальника жандармов, стало ясно, что начальство идет на уступки и не желает кровопролития. Тогда все приняло комический характер – все эти наши забавные стояния на часах по ночам и тому подобное. Особенно смешно было, когда мы вели с губернатором переговоры через дырку, проделанную в стене. И этому почтенному старику пришлось сидеть на корточках!».

⁵ См.: Полонский В., Глухова Е. Переписка В. Розанова с литераторами «круга Мережковских»: предварительные итоги изучения и перспективы научного издания // Текстологический временник. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 573-581.

⁶ Чулков Г.И. Годы странствий / Вступ. ст., сост., подг. текста, коммент. М.В. Михайловой. – М.: Эллис Лак, 1999.

Весьма подробно описано, какие мытарства пришлось преодолеть невесте, когда она решила разделить ссылку с осужденным на поселение женихом. Чулков убежден, что «совершить такое путешествие одной женщине – подвиг». Тут же узнаем, что по профессии она была медицинской сестрой, и это оказалось очень востребованным. Многие из описанного характеризует Надежду Григорьевну как бесконечно преданного и готового к любым испытаниям человека.

В письмах первого десятилетия их отношений много говорится о чувствах, о размолвках, о проблемах взаимопонимания. Так, неожиданными для биографа Чулкова стали сведения о длительной размолвке супругов, начавшейся в 1909 и чуть не приведшей их к разрыву в 1910. Причем Чулков явно чувствует за собой вину, которую пытается загладить: «Никогда еще не бывало у меня такой тоски по тебе, как в эти дни, в эти мучительные вечера и кошмарные бессонные ночи. Мне худо. Очень худо. Я люблю тебя без надежды, что ты поверишь в мою любовь. Я чувствую, как ты враждебна ко мне».

Что послужило причиной разлада, можно только догадываться, но насколько это было серьезно, становится ясно из письма Надежды Григорьевны:

«Где жить, мне все равно, только бы не так, как мы жили до сих пор. При одной мысли о том кошмаре, в котором мы жили, меня ужас берет. Как устроить, чтобы было лучше, я не знаю. Может, ты что-нибудь придумаешь. В Москве я не так одинока, как в Петербурге, где у тебя столько друзей.

Я тебя не оттолкну, но, подумай, стоит ли продолжать эту тяжелую жизнь.

Я очень тебя люблю, но, как видишь, себя забыть не могу».

Возможно, что причиной тут была другая женщина, и в жизни Чулкова это был не единственный случай. (Как мы увидим ниже, в конце жизни у писателя появилась молодая возлюбленная.) Отсюда и долгие колебания супругов в выборе места жительства – Москва или Петербург. Остановились на Москве, а затем последовала поездка в Париж, где какое-то время они жили вместе.

Благодаря данному корпусу писем стало возможным подробнее узнать о деятельности Чулкова в 1920-е и 1930-е годы, о чем ранее было известно совсем немного. Его архив (тщательно разобранный Надеждой Григорьевной) богат разнообразными материалами: сохранились автографы произведений, машинописные рукописи, списки прочитанных и написанных книг. Сохранились и письма к коллегам по перу – участникам литературного процесса, с кем у Чулкова возникали точки духовного соприкосновения или, напротив, серьезные идейные расхождения.

Также из этих писем становится понятно, как бытовые и материальные проблемы влияют на творческий процесс и вынуждают писателя создавать художественные произведения в спешке, а затем мучительно пытаться пристроить их в печать. Сообщениями о нехватке средств пестрят письма и к жене, и к возлюбленной. Унизительность такого положения для человека, ответственно-го за судьбы близких, каким являлся Чулков, ощущалась им остро. Особенно

катастрофичной представляется ситуация времен революции и Гражданской войны, когда денег не хватало на самое необходимое (в самом конце 1915 у супругов родился поздний ребенок, умерший четыре с половиной года спустя). Нестабильность доходов мешала плодотворной работе, впоследствии отсутствие средств не позволяло видеться с любимой женщиной.

В письмах к жене значительное место отводится теме здоровья, которое было подорвано еще во время ссылки. Болезнь легких (эмфизема) преследовала Чулкова всю жизнь. Также встречаются жалобы на нестабильное психическое состояние.

Важное место занимает и описание внешних обстоятельств, оказывающих на Чулкова существенное влияние, порой изменяющих его мирозерцание. В первую очередь это исторические события, определившие развитие России в XX веке. Революция 1905 года аккумулировала его природную склонность к бунтарству и мистичности восприятия, приведя к мистико-анархической системе мышления, сменившейся впоследствии национально-мистической трактовкой истории. Во время Первой мировой войны Чулков служил в медицинском отряде, где приобрел бесценный опыт в соприкосновении с опасностью и смертью, при этом он был оторван от семьи на долгие три года и утратил возможность участвовать в воспитании сына. Немаловажную роль играли и столкновения с коллегами по литературному цеху. Все это влияло на духовное развитие писателя, приводило к переакцентировке социальных и нравственных ориентиров.

Письма Чулкова позволяют нам проникнуть и в его творческую лабораторию. Он подробно делится с женой своими творческими планами (кстати, это позволяет установить хронологию написания многих его произведений). На страницах писем находят место замыслы о написании путевых заметок (в связи с путешествиями по России и за рубежом), пьес, говорится о театральных постановках собственных драм, впечатлениях от увиденного, издании рассказов и стихотворений, изредка встречаются стихотворения, посвященные жене. В письмах к Лебедевой конкретики значительно меньше, они посвящены эмоциональному состоянию их автора, охваченного чувством любви.

Культурная жизнь страны также обрисована на страницах писем; встречаются имена, места, события, связанные с самыми крупными явлениями эпохи модернизма. Чулков общался с людьми, творившими модернистскую эстетику. И его письма передают дух эпохи, стиль жизни ее обитателей, пафос и напряженность литературного общения.

Но ключевое место в этом документальном своде все-таки занимает душевное и духовное состояние писателя. Переломным моментом в жизни супругов стала смерть их сына в сентябре 1920 года. Вслед за этим трагическим событием в их жизни происходит обращение к историческому христианству. Инициатором, скорее всего, явилась Надежда Григорьевна, более, чем ее супруг,

потрясенная потерей долгожданного ребенка. В этот период письма супругов наполняются цитатами из священных текстов, ритм их жизни подчиняется православными канонам, в доме собираются люди, близкие к церковным кругам (В.А. Тернавцев, о. Сергей⁷). Меняется и тональность писем, – они становятся более почтительными. Взаимоотношения мужа и жены постепенно приобретает черты духовного единения, совмещения любви и веры. Любовь приводит супругов к Церкви, к исповеданию христианских заветов.

Показательно, что, даже испытывая новое любовное чувство, Чулков, почти не кривя душой, пишет жене в 1923: «А как я жил духовно? Все так же, как и в Москве, – все еще не свободный от земных пристрастий и земного хмеля, несмотря на всю мою усталость, острую боль в сердце и явную близость смерти. Каждый день думаю о тебе и молюсь за тебя. И замечательно, что моя темная, недостойная молитва светлеет как будто, когда я произношу сердцем твое Имя». Он не боится даже признаться: «...ухаживаю за какую-нибудь дамою, чаще всего за балериною (цыганскою)».

Но если в письмах к жене превалирует духовное содержание, то в посланиях к Лебедевой тема страсти выходит на первый план.

Надежда Григорьевна хорошо знает, кто такая «цыганка» (под таким прозвищем Людмила Михайловна Лебедева фигурировала в семейном кругу Чулковых), и даже ведет переписку с нею. Не вполне понятно, известна ли ей роль, которую молодая женщина играет в жизни Георгия Ивановича. Фраза из ее письма: «Воображаю, как волнуется цыганка, если ты написал ей о своем заболевании», – говорит о том, что она догадывается о теплых чувствах, которые питает Лебедева к Чулкову. Однако можно предположить, что их связь ею интерпретируется как восторженное отношение поклонницы к мэтру. По крайней мере, так можно трактовать следующий фрагмент из письма Чулкова: «Я не писал ей откровенно о своем недуге, а то она могла бы прискакать в Ялту. Она и то в феврале собирается сделать глупость и приехать в Ялту на неделю. Копит деньги. Я писал ей, чтобы она этого не делала, но если она все-таки будет упряма, то я просил позвонить тебе по телефону и спросить тебя, не дашь ли ей каких поручений». Из этого следует, что в переписке с женой Чулков прибегает к снисходительно-покровительственному тону по отношению к «цыганочке».

В его письмах к Лебедевой бросается в глаза некоторая игривость тона, за которой Чулков прячет свои чувства. Часто встречается и призыв соблюдать осторожность, не выдавать своих чувств. При этом Чулков нередко просто ставит Людмилу Михайловну в известность, что в данный момент у него нет возможности с нею увидеться. Свое влечение к ней он стремится «оформить» философски, следуя платону-соловьевской концепции любви и пытаясь соединить Эрос с отцовским чувством, рождающим глубокую нежность. В наши дни

⁷ В миру Иван Николаевич Страгородский, с 1943 Патриарх Московский и Всея Руси.

можно усмотреть даже нечто порочное в таком его признании: «Мы, седые и старые, видим в женщине одновременно и Афродиту, и ребенка. <...> В этом опыте, одновременно и чувственном, и духовном, есть безграничная нежность. Такое движение сердца и сладострастно до головокружения, и целомудренно до какой-то небесной голубизны». И хотя Чулков характеризует свои переживания как нечто «кошунственное», он воспринимает их встречу как чудо: «Нельзя быть одновременно ребенком и Афродитой, но в Вас совершилось это чудо». Он обращает к юной возлюбленной цикл стихов, в которых выводит ее в образах прекрасной танцовщицы и прелестной инфанты⁸.

Именно отцовские чувства заставляют Чулкова постоянно выражать беспокойство о здоровье возлюбленной. О своей болезни он упоминает лишь тогда, когда это может помешать свиданию. За полгода до смерти он с некоторым вызовом пишет: «Твой друг сошел с ума: будучи настоящим романтиком, задыхающимся и каждое мгновение ожидающим смерть, вздумал путешествовать». Несмотря на то, что эти отношения продолжают уже 16 лет, в письмах, пусть и в шутивной форме, возникает тема ревности: «Твой [имя нрзб.] тебя избаловал своей лестью и потворством всех твоих фокусов. Он вредитель. Я его расстреляю, как только вернусь в Москву».

Чулков ценил талант Лебедевой и был серьезно обеспокоен ее трудоустройством. В 1920-е она была танцовщицей «Драмбалета», и это подвигло Чулкова вступить в контакт с руководителями студии, для которой он собирался писать либретто на основе произведений Пушкина⁹. Наиболее подробно в письмах освещена история постановки в Ленинграде пьесы Чулкова «Дон Кихот». Значимость момента подчеркивается изменением в подписи под письмами, возникает церемонное «Любящий Вас драматург».

Что касается поездок, то во многих из них Чулкова сопровождала жена, поэтому некоторые события фиксируются только в письмах к Лебедевой. Из них можно узнать, например, о пребывании писателя на нефтяных промыслах в Баку, – в контексте приобщения этого теоретика символизма к востребованной в советской литературе производственной тематике.

Еще одна цитата из письма Чулкова Лебедевой ярко характеризует литературную обстановку в преддверии пушкинского юбилея: «В Москве получил неожиданно резкое письмо от Вересаева, который почему-то оскорблялся за мои строки (очень мягкие) о нем. Если он оскорблялся, что же будет с Мирским, Цейтлинным, Эфросом, Благим! Я еще сам не видал в печати этой статьи в “Красной нови”»¹⁰.

⁸ Часть из них опубликована: Чулков Г. Тайная свобода: Стихотворения из неизданных книг (1920–1938) / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. М.В. Михайловой. – М., 2003. – 64 с.

⁹ Подробнее см.: Михайлова М.В. «...Ничего, кроме Пушкина, в ум нейдет» (Пушкиниана Г.И. Чулкова) // Филологические науки. – 1997. – № 3.

¹⁰ Имеется в виду статья Чулкова «Ревнители пушкинской славы», опубликованная в 1935 в литературном журнале «Красная новь».

Ценность настоящего эпистолярного корпуса заключается в том, что он дает дополнительные данные об истории культуры страны за почти четыре десятилетия. Но самое важное, что в этой «тройственной» переписке ярко представлены такие незаурядные личности, как Георгий Иванович Чулков и его жена Надежда Григорьевна. Что касается попавшей в орбиту их притяжения Людмилы Михайловны Лебедевой, то сведения о ней очень скудны, а письма ее не сохранились (вероятнее всего, Чулков их уничтожил), и о душевном складе этой женщины мы можем судить только с его слов. Но «право на имя», несомненно, заслужил каждый из участников проанализированной переписки.

И.С. Слепцова (Кызласова)

Крестьянские дневники как источник для реконструкции «коллективной биографии» сельского социума

**Ирина Семеновна
СЛЕПЦОВА**

*старший научный сотрудник
Института этнологии
и антропологии РАН,
Москва*

Крестьянские дневники и мемуары – явление хотя и редкое, но не уникальное. Их публикация началась еще в XVIII–XIX вв.¹, однако отношение историков к этому явлению было скорее как к любопытному казусу и не сопровождалось серьезным научным анализом. Только в последние десятилетия XX века этим документам стали уделять пристальное внимание, что было связано с изменением исследовательской парадигмы, появлением новых направлений в гуманитарных науках, в частности истории повседневности, микроистории, отказа от формационной истории. Антропоцентрический подход, характерный для новых направлений, требовал и расширения источниковой базы. Поэтому в этот период была опубликована основная масса документов личного происхождения (эго-документов – в современной термино-

---

¹ Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России. – Новгород, 1911–1912; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотир. указатель книг и публ. в журн. / Науч. рук., ред. и введение проф. П.А. Зайончковского. – Т. 1-5. – М., 1976–1989.

логии), созданная крестьянами², эта работа продолжается и в настоящее время³. Большую их часть составляют мемуары, дневники же встречаются значительно реже, что и понятно, поскольку их ведение требует и большей организованности, и совершенного иного отношения к своему «я» и собственной жизни. Особенно это верно по отношению к записям, которые велись на протяжении многих лет.

Понятие «коллективная биография» является теоретическим конструктом, в котором отражается представление о существовании типичного жизненного пути и общего культурно-исторического опыта, присущего каждому поколению. Она обычно создается на основе изучения индивидуальных биографий и представляет обобщенный облик той или иной социальной, гендерной, профессиональной, локальной или какой-либо другой группы. Другими словами, объект изучения предстает в виде множества единиц, объединенных по признаку принадлежности к тому или иному сообществу. Однако не менее продуктивным представляется обращение к биографии одного человека с целью увидеть в ней типичные черты того социума, членом которого он является, и реконструировать на этой основе «коллективную биографию». Результаты такого рода исследования соответствуют принципам просопографии: изучая биографию одного человека, создавать коллективный портрет сельской общины.

Эго-документы, и в частности дневники, являющиеся результатом деятельности определенного индивида и отражающие индивидуальное сознание, могут послужить материалом для изучения не только самого автора дневника и его персональной истории, но и, благодаря описанию им конкретных ситуаций социального взаимодействия, также и его референтной группы. Личный взгляд автора дневника на те или иные события представляет картину массовых настроений в социуме, показывает, как мировоззренческие и идеологические установки преломляются в обыденном сознании, а также какие обстоятельства приводят к их трансформации. Анализ описаний различных жизненных ситуаций на протяжении длительного периода позволяет проследить возникновение новых ценностных и этических установок, поведенческих стереотипов, а также причин их формирования.

О собрании П.В. Бугрова. Описываемые дневники принадлежат крестьянину деревни Ворокса Боровской волости Даниловского уезда Ярославской

² Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннотир. библиограф. указатель книг, публ. в сборниках и журн. / Науч. ред. проф. В. Дробжищева. – Т. 1. – М., 1987; Т. 2. – М., 1990; Т. 3. – М., 1994; Т. 4. – М., 2001.

³ См., например, как печатные издания, так и тематические электронные ресурсы: «Музей биографий. Русская провинция. XX век» (рук. И.С. Веселова, 2002); «Открытый музей биографий». – <http://folk.ru/BiogrMuseum/index.php?rubr=museum-project>; Божков О., Дивисенко К. Электронная база данных Биографического фонда: краткий анализ материалов // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007. – № 3. – С. 60-62; История от первого лица: Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей / Сост. В.Н. Матонин. – Архангельск; М., 2011.

губернии Павлу Васильевичу Бугрову (1869–1934). Они охватывают период с 1897 по 1934 год (дневники за первые три года не сохранились), то есть практически всю его взрослую жизнь. Дневники хранятся в Фонде личного происхождения Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Все собрание П.В. Бугрова насчитывает 327 единиц хранения и состоит из его записных книжек, официальных бумаг (паспорта, свидетельства о выполнении воинской повинности, судебных документов и др.), его писем к сыну, родственникам и знакомым, ответных писем, почтовых и подписных квитанций, лотерейных билетов, расчетных книжек, царских и советских денежных знаков и т.п. Он скрупулезно собирал самые, казалось бы, незначительные «бумажки», но это обстоятельство дает возможность исследователю в подробностях реконструировать историю жизни крестьянина.

Уже сам зафиксированный в дневниках период делает записки П.В. Бугрова ценнейшим историческим источником, позволяющим глазами крестьянина увидеть происходившие в стране важнейшие события, такие как Первая мировая война, революция, Гражданская война и связанные с ними изменения в социально-экономической жизни. Наряду с этим дневники могут стать для исследователей весьма информативным этнографическим и диалектологическим источником, благодаря подробному описанию занятий, быта, праздников, взаимоотношений жителей деревни и т.п. В силу того, что П.В. Бугров был малограмотным (учился всего одну зиму), его записи хорошо отражают особенности местного говора.

Структура и характер дневников. Стержнем и, вероятно, главной целью дневниковых записей с 1900 по начало 1920-х годов является фиксация доходов и расходов, стремление свести концы с концами. Они структурированы по приходно-расходному принципу: записывались заработок Бугрова и его жены, а впоследствии и их детей, покупка товаров, страховка, налоги и прочие расходы. Записи носят не регулярный (поденный, понедельный) характер, а структурированы по темам, которые образуют различные разделы. Сведения вносились в разлинованные от руки таблицы, в которых первый столбец – дата записи, второй – сведения о работе или расходовании денег (покупки, страховка, оплата услуг и т.п.), третья и четвертая – рубли и копейки. Причем для каждой позиции делалась своя таблица: например, записи о покупке продуктов заносились в рубрики «хлеб ржаной», «хлеб пшеничный», «крупа», «крендели», «масло коровье», «масло постное», «масло божье», «мясо», «чай», «сахар», «соль», «огурцы и картофель» или «овощи», «вино» и т.д. Выделялись рубрики «одежда разная», «обувь», «в дом», «железо» (то есть металлические изделия), «спички», «керосин», «посуда», «табак», «мыло», «проиграл в карты», «иконы и попам», «няньке» и др. Кроме того, существовала рубрика «зря», куда вносились напрасно, по мнению автора дневника, потраченные деньги

(пропил, крендели, селедка, яйца, семечки, табак и бумага, в чайной и проч.), что позволяет выстроить шкалу потребностей – от необходимых предметов и услуг до «роскоши». Таким образом, событие одного дня (скажем, поездка на ярмарку или в город) расписывалось по нескольким разделам: стоимость проезда, посещение чайной, номенклатура приобретенных продуктов питания, одежды, посуды, различных бытовых предметов и т.п. Так же подробно фиксировались виды работ и размер их оплаты. Например, мы узнаем, что основной доход Бугров получал летом на разгрузке-погрузке барж на Волге, а поденные работы у односельчан (возка сена, помощь в строительстве, рытье картофеля, рубка дров и подобное) оплачивались весьма скудно. Данная схема подразумевала постоянное обращение к одним и тем же страницам на протяжении всего года, прочтение предыдущих записей и, вероятно, анализ цен и целесообразности произведенных расходов.

Поскольку первоначально записки П.В. Бугрова представляли собой приходно-расходные книги и велись исключительно для себя, с целью контроля за семейным бюджетом, это позволяет говорить об их высокой достоверности. Попутно отметим, что и далее, когда в дневниках появляется все больше сведений, не относящихся собственно к хозяйству, можно полагаться на точность его описаний, так как автор всегда отмечает, является ли он очевидцем происшедших событий или фиксирует слухи. В последнем случае в дальнейших записях обычно присутствует их опровержение или подтверждение и уточнение.

Принятый способ ведения записей еще трудно считать «дневником» в полном смысле слова, в нем не присутствуют ни описания происходивших событий, ни их оценка, ни рефлексия. Сам автор называл свои заметки «записными или памятными книжками», и только с 1908 появляется наименование «дневник». Однако уже в первой из сохранившихся записных книжек, наряду с хозяйственными заметками, Бугров описывает историю покупки «кельи» (маленького домика) после несчастного случая, случившегося с ее владелицей. Это было знаковым событием в жизни Бугрова, который относился к беднейшему, безземельному крестьянству, не имел своего жилья и был вынужден скитаться по родственникам: «Вот я как обрадовался, ну-тко, я буду хозяин дому, никто меня не притеснит»⁴. Со временем описания различных событий, рассуждения по их поводу, воспоминания о детстве и фиксация своего эмоционального состояния занимают в дневниках все больше места.

После 4–5 лет ведения памятных книжек в них появляются рубрики «Газеты и разные книги и календари», «Разные события», куда заносилась информация о различных происшествиях, выписанных газетах, журналах и книгах, о болезнях и лечении людей и домашней скотины, способы изготовления и починки

⁴ Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее ЯМЗ). Фонд личного происхождения. Папка 1. [Все дневники не имеют пагинации.] ЯМЗ-18152/1. Здесь и далее цитаты приводятся в современной орфографии.

тех или иных вещей и т.д. Приводилось содержание отосланных писем разным людям и ответов на них, что значительно увеличивает информативность записок. С началом Первой мировой войны добавились рубрики: «Жертва на войну или на раненых», «Сколько взято человек на войну», «Сколько убито и ранено людей», «Набор лошадей на войну» и т.д. В период Гражданской войны и последующей разрухи появилась новая графа «Товарообмен», в которую записывались сделки по обмену (например, паточки на хлеб, картофеля на одежду в Костроме, картофеля и паточки, из которой Бугров сам варил ландрин, на солому, сено, мыло и на «разный товар»).

С 1922 принцип записей был изменен на погодный, то есть каждый день отмечалось состояние погоды (ясно, пасмурно, дождь, гроза и т.д.) и направление ветра и попутно приводились какие-либо сведения, которые Павел Васильевич посчитал наиболее важными (о праздниках, ссорах с женой, покупке скотины или ее болезни и др.). Погодные записи вначале были довольно фрагментарны, но со временем сложился алгоритм, согласно которому происходила их фиксация. Больше всего внимания посвящено описанию экстраординарных явлений природы: шаровая молния, сильное наводнение на Волге, ураган и т.п. Параллельно велись и заметки о хозяйстве, хотя, может быть, и не столь подробные, как в предыдущий период.

Очень много ценной информации для «коллективной биографии» содержит раздел «Умершие в деревне Вороксе», который Бугров вел на протяжении почти двадцати лет. Практически все записи содержат характеристики, иногда очень подробные, с указанием продолжительности жизни, болезни, причин смерти, описанием истории жизни и личных качеств покойного.

Каждый дневник заканчивается записью долгов Бугрова, анализ которых также может быть полезен. Определяется круг постоянных заемщиков, людей более состоятельных, размер займа и иногда его назначение. Материалы двух последних рубрик позволяют выявить личные связи Бугрова, проследить, как они работают в различных ситуациях, оказывают ли влияние на повседневную коммуникацию, а также наметить в составе сельского общества отдельные микрогруппы.

Характерной чертой дневников является сочетание записей, отражающих текущий момент и написанных по горячим следам (например, о ссорах с женой и сыном, драках, случае самосуда и др.), с мемуаратами о детстве, женитьбе, покупке «кельи» и др. Нередко автор возвращался к описанию прошедших событий, давая им оценку. Тем самым в данном документе сосуществуют черты как собственно дневника, так и автобиографии.

О личности автора. Обращаясь к записным книжкам П.В. Бугрова как к историческому источнику, необходимо учитывать личностные характеристики их автора, его моральные и этические установки, аксиологическую шкалу,

а также характер мировоззрения в целом, поскольку от этого зависит как отбор описываемых событий, так и их оценка. Субъективность восприятия и отражения реальности в дневниках в данном случае нельзя рассматривать как недостаток. Автор принадлежал к определенной социальной группе (беднейшему безземельному крестьянству), выражал присущие ей нормы, ценности, взгляды и с этой позиции представлял комплекс массовых настроений в своем сообществе. Записки Бугрова позволяют дать не только психологический портрет автора, раскрыть его индивидуальность и проследить развитие личности, но и охарактеризовать сельский социум с присущими ему ментальными установками.

Мировоззрение П.В. Бугрова, как и любого крестьянина в ту эпоху, определялось православием. Оно формировало морально-нравственные установки, систему ценностей и влияло на хозяйственную, социальную, семейную и другие стороны жизни человека. Трудно сказать, насколько хорошо он был знаком и понимал догматы православия, скорее всего, его религиозность укладывалась в рамки так называемого «народного» или «обрядового» православия. Во всех без исключения дневниках присутствуют записи о посещении церкви, приёме икон в доме, молебнах и т.п., но нет упоминания о покупке и чтении православной литературы или рассуждений о смысле тех или иных религиозных церемоний, обрядов или праздников. О характере религиозности и связанной с ней иерархии ценностей Бугрова дает представление принятый им обет на Великий пост 1905 года:

Закай на Великий пост с 28 февраля.

1. Не курить табак.
2. Первую неделю не пить чай.
3. Не ругаться по-матёрны.
4. Не творить греха с женой.
5. Каждый день читать.
6. Никого не осуждать.
7. Исповедоваться.
8. Не бить жену и детей.
9. Не есть с маслом первую неделю.
10. И последнюю неделю не пить чай.

А всего главное – не курить табак.

Дай Бог терпение. В том и подписуюсь.

Павел В. Бугров.⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее важным он считает отказ от курения, а такие значимые для каждого верующего вещи, как исповедь

⁵ ЯМЗ-18152/8.

и следование проповедуемым церковью нормам поведения («никого не осуждать»), занимают гораздо более скромное место. Таким образом, духовный смысл поста имеет для него второстепенное значение.

Многие записи Бугрова, относящиеся к 1910-м годам, свидетельствуют о кризисе религиозности в социуме. Он отмечает существование в деревне людей, которые, по его мнению, демонстрируют отход от православия. Так, в 1911 он записывает: «Все люди в нашей деревне Вороксе стали ненавидеть друг друга. С соседями ругаются, друг у друга воруют. Ни в ком не стало справедливости, все врут. Никто не стал ходить в церковь. Не стали подавать милостыню. Одним словом, совсем отступились от православной веры»⁶.

Это явление только усилилось после Первой мировой войны. В дневнике 1917 года он отмечает: «Сильный упадок веры православной. Никто не понимает священного писания. Никто не ходит в церковь. Только норовят как бы обмануть друг друга. Господи, да пройдет ли все это, жить стало невозможно»⁷.

Гендерные установки и политические взгляды Бугрова тесно связаны с его религиозностью. Дневники очень хорошо отражают патриархатный характер гендерных отношений, которые преобладали в сельском социуме в тот период. Описания конфликтов с женой и детьми, как правило, сопровождаются обвинениями их в непослушании, самовольстве и грубости. И хотя записки самого Бугрова демонстрируют его деспотичность и даже агрессивность по отношению к родным, он не замечает этого, считая свое поведение нормой. Можно утверждать, что в семье он неосознанно придерживается принципов «Домостроя».

Политические взгляды П.В. Бугрова можно отнести к консервативным. Многие его записи написаны в русле официальной риторики. Например, когда во время Первой мировой войны начались перебои с доставкой периодики, он ставит это в вину соседям – «ярим противникам правды», которые специально не передают ему полученные на почте газеты, так как «газеты эти считают черносотенными, т.е. газеты эти не верующие люди и не знающие правды на земле, говорят, что это всё врут, нас обманывают. <...> Господи, помоги народу этому дать просвещение с высоты верующих в Бога и просвещенных людей страны нашей России. И вот газету "Сельский вестник" нельзя почитать на улице при народе. А то скажут, уйди-ка ты с ней»⁸. Далее он приводит список из шести фамилий «ярких противников правды», отмечая, что есть и многие другие, «но не так хитрые». Данный факт свидетельствует о существовании различных политических пристрастий в среде крестьянства.

Со временем политические взгляды Бугрова претерпевают некоторые изменения, связанные с чтением определенной литературы. В 1916 он записывает:

⁶ ЯМЗ-18152/15.

⁷ ЯМЗ-18152/23.

⁸ ЯМЗ-18152/20, 1915 г.

«Сколько померло людей, не дожили эти люди, чем кончится эта великая и небывалая европейская война всех народов. Судя по писанию прежних газет и книг, так это подготавливалось уже давно. А все-таки ученые люди хотели устроить жизнь на земле как подобает жить человеку. Всем труженикам за угнетенный народ – доброе здоровье, а умершим за народ – царство небесное. Но устроить все сразу невозможно, даже следы старого правительства видно и на мне. Через пьянство наших отцов и дедушек я разбит параличом от испугу пьяного отца. Это сказывала моя мать»⁹.

В его записках нередко встречаются слова о предопределенности и зависимости судьбы человека от Бога («Все будущее в руках Всевышнего», «власть Всевышнего Бога», «Бог привел представить», «Бог милостив» и т.п.), но наряду с этим в повседневной жизни П.В. Бугров демонстрирует рациональный подход и активные жизненные стратегии. Так, он проводит эксперименты и наблюдения за домашними животными и растениями, фиксирует зависимость урожая от количества вносимых на разных участках удобрений, а также влияние качества корма и условий содержания на здоровье скотины. В течение многих лет ведет метеорологические заметки, чтобы проверить, насколько правильно распространное мнение о зависимости летней погоды от зимней, а весенней от осенней. Кроме того, он выписывает «Предсказанье погоды ученого астронома господина Н.А. Демьинского из февральской газеты Русское Чтение за 1914 г.» и проверяет, соответствует ли оно действительности, отмечая позже, что «в нашем месте сошлось только в конце марта, и Волга прошла позже»¹⁰. Так же он относится и к народным приметам.

Нередко записи о тех или иных заинтересовавших его явлениях сопровождаются заметками «все проверю», а описание результатов экспериментов – «вперед наука». Это хорошо отражает общий принцип крестьянского мышления, построенного на обобщении множества эмпирических фактов, наблюдаемых в окружающей действительности и представляемых в виде системы традиционных знаний, как в бесписьменной, так и в письменной форме.

Рациональность П.В. Бугрова проявляется и в выборе им периодики и книг, среди которых преобладают издания практического назначения: пособия по мыловарению, плетению корзин из ивовых прутьев, книги о постройке глинобитных и цементных домов, руководство по разведению кроликов, домашний лечебник и т.п. К журналам, содержащим советы по ведению хозяйства, он составляет указатели. Например, в журнале «Дружеские речи» (1906) его интересовали:

Состав для заливки резиновых калош и др. – № 47.

Вязанье кистей и др. – № 1.

⁹ ЯМЗ-18152/23.

¹⁰ ЯМЗ-18152/19.

Как резать стекло и др. – № 46.

Способ наварить железо без кузнеца и кузницы самому и др. – № 46.

Как делать ткань непромокаемой и иную вещь – № 45.

Деревенские чернила и др. – № 45.

И т.д.¹¹

Вообще же П.В. Бугров демонстрирует очень широкий круг интересов. Так, когда его приемному сыну Григорию пришлось служить на Каспийском флоте и жить в Баку, то Бугрова очень интересовала местная жизнь. «Послано письмо Гриньке в город Баку. <...> Просьба Гриньке о климате, и птицах и севе. Долга ли зима в Баку и рано ли сеют хлеба»¹². Полученные ответы он заносил в дневник, хотя никакой реальной пользы получаемые сведения для него не составляли. «11 февраля получено письмо от Гриньки из Баку. Писано в письме о жителях. Пашут на буйволах и верблюдах деревянными плугами некультурно. 21 февраля получено письмо от Гриньки из Баку. <...> Писано из жизни Кавказа, о ишаках и рисе как сеют. 2 марта получено два письма от Гриньки из Баку. Писано о порядках в Персии и климате и зверях и птицах и лесах и о нефти в Баку и как ее достают»¹³.

Еще одной темой, которая присутствует практически во всех дневниках, является представление интеллектуальных интересов. П.В. Бугров характеризует себя как «страшного любителя древностей». Он покупал каталоги старинных денег и марок, а также сами старинные монеты. Кроме того, он проводил своего рода «исторические исследования», расспрашивая стариков о прошлом. Например, его интересовало, когда появился в Вороксе первый самовар, когда построили старую часовню, какие фамилии были в Вороксе раньше, о происхождении прозвищ, о наименовании родственников раньше и теперь, о своем деде Никите и т.д.

Большое внимание в дневниковых записках уделено сюжетам, которые прямо не связаны с крестьянским хозяйством (например, описание археологических находок и связи с Ярославским историческим музеем). При разработке песчаного карьера был найден каменный молоток, который П.В. Бугров зарисовал в своем дневнике и о котором сообщил в Ярославский музей. Через некоторое время он получил благодарность от музея, о чем с гордостью записал в дневнике. «1930 сентября 9 дня нового стиля <...> письмо получено из Ярославля от государственного исторического музея из краеведческого отдела. Письмо печатано машинкой Павлу Васильевичу Бугрову. Благодарят меня за доставленные мною два каменных топора “каменного века” в 1928 году. <...> И бесплатный вход в Ярославский исторический музей краеведческий отдел»¹⁴.

¹¹ ЯМЗ-18152/6.

¹² ЯМЗ-18152/29, 7 января 1921 г.

¹³ ЯМЗ-18152/29, 1921 г.

¹⁴ ЯМЗ-18152/41, 1929–1930 г.

Дневники П.В. Бугрова являются ценным историческим источником, позволяющим получить достоверную информацию о самых разных сторонах крестьянской жизни, что допускает реконструировать «коллективную биографию» сельской локальной группы. Анализ содержащихся в дневниках сведений дает возможность охарактеризовать экономические, демографические и социокультурные процессы, происходившие в ярославской деревне в один из наиболее сложных переломных периодов русской истории. Данные материалы, благодаря их непрерывной фиксации на протяжении более тридцати лет, позволяют увидеть трансформации процессов, особенно в экономической и социокультурной сферах.

Е.Н. Струкова

«Большой террор» в судьбах сотрудников главной библиотеки партии

Елена Николаевна СТРУКОВА

*кандидат исторических наук,
заведующая Центром
социально-политической
истории
ГПИБ России, Москва*

В 2014 был создан Центр социально-политической истории (ЦСПИ) – филиал ГПИБ России. Это произошло в результате реорганизации двух библиотек: Государственной публичной исторической и Государственной обществено-политической (ранее – библиотеки Института марксизма-ленинизма). Перед сотрудниками ЦСПИ остро встал вопрос об изучении структуры и принципов работы библиотеки Института марксизма-ленинизма. И когда мы приступили к изучению «библиотечной кухни» – всевозможных планов и отчетов, то увидели, что профессиональная деятельность многих из тех, кто стоял у истоков создания этой библиотеки, обрывается в годы «Большого террора».

Среди жертв политических репрессий директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ) Д.Б. Рязанов, заведующий кабинетом политэкономии ИМЭ И.И. Рубин, заведующий кабинетом Плеханова ИМЭ В.А. Тер-Ваганян, первый директор Института В.И. Ленина Л.Б. Каменев. Печальной участи не избежали и рядовые сотрудники, в том числе библиотекари.

В 1937–1938 годах состав руководства библиотеки фактически сменился. В результате арестов и партийных «чисток» в библиотеке не осталось никого из тех, кто создавал главную библиотеку партии.

История партийной библиотеки в 1921–1938 годы включает в себя несколько важных этапов:

- создание в 1921 Института К. Маркса и Ф. Энгельса
- создание в 1923 Института В.И. Ленина
- присоединение в 1928 Истпарта к Институту В.И. Ленина
- создание в 1931 объединенного Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ).

Центральным звеном, вокруг которого собирались учреждения, архивные фонды и библиотеки, стал Институт В.И. Ленина. И именно система организации фондов, принятая в этом институте, на долгое время стал основной для объединенной библиотеки. Фактически все, кто начинал объединение этих библиотек и организовывал главную партийную библиотеку, были репрессированы.

В своем небольшом очерке я расскажу о судьбах нескольких библиотекарей.

Генриетта Карловна Дерман (1882–1954)

Идейный вдохновитель и руководитель Московского библиотечного института. Стояла у истоков создания библиотеки Комкадемии. Принимала активное участие в создании библиотеки Института В.И. Ленина. Г.К. Дерман так описывает свою деятельность по созданию библиотеки Института Ленина: «Так как я состояла директором библиотеки Ком. академии, где я начала применять свой многолетний опыт в области библиотековедения и библиографии, приобретенный в Америке и Западной Европе, я начатую работу выбросить не могла и поэтому всецело перейти на службу в Институт Ленина отказалась. Но так как сделанное предложение исходило из Института Ленина, я решила посвящать все свободное время и вечерние часы и воскресный отдых, чтобы организовать библиотеку Института Ленина, которая должна была стать самым крупным книгохранилищем по истории революционного движения и ленинизма»¹.

В 1928 Дерман уходит из библиотеки, чтобы всецело посвятить себя новому детищу – Московскому библиотечному институту. Ее деятельность прервал «Большой террор». Г.К. Дерман была арестована 8 января 1938 и приговорена 8 мая 1939 к 15 годам ИТЛ. Срок отбыла полностью. Умерла она через несколько дней после освобождения².

¹ Цит. по: История уникальной библиотеки в документах и свидетельствах: К 90-летию Государственной общественно-политической библиотеки. – Ч.1: Предшественники. 1921–1991 / Сост. В.Г. Мосолов, М.Д. Дворкина; отв. ред. И.Б. Цветкова. – М.: Межрегиональный библиотечный коллектор, 2011. – С. 71.

² Подробнее о ее жизни и деятельности см.: Г.К. Дерман – первый директор Московского библиотечного института: [Материалы научной конференции к 110-летию со дня рождения: Статьи и воспоминания]. – М.: МГИК, 1994. – 151 с.

Василий Александрович Штейн (1893–1938)

После ухода Г.К. Дерман из Института Ленина на должность заместителя заведующего библиотекой был назначен ее коллега Василий Александрович Штейн, автор работ по теории библиотечного дела и библиотечной статистике. В 1920-е он написал статью «Библиотечные преступники», в которой были представлены типы недобросовестных читателей, которые портили книги, и меры, применяемые библиотекарями для борьбы с ними; эта статья дала название сборнику, опубликованному в 1924³.

Много внимания В.А. Штейн он уделял тому, какой должна быть научная библиотека. Структура Библиотеки ИМЛ и в последующие годы фактически повторяла структуру, изложенную в его трудах. Должность помощника заведующего библиотекой Штейн предположительно занимал вплоть до своего ареста.

Из списка жертв политических репрессий узнаем, что Василий Александрович Штейн родился в Киеве, происходил из дворян и был беспартийным. На момент ареста, который произошел 4 марта 1938, он проживал по адресу: Москва, ул. Пушкинская, д. 24, кв. 2, работал в должности помощника директора Московского библиотечного института. 15 сентября 1938 Военная коллегия Верховного суда СССР предъявила ему обвинение в участии в «террористической организации», и он был приговорен к высшей мере наказания. 17 сентября 1938 В.А. Штейн был расстрелян на Коммунарке⁴.

«Товарищ Цируль» (Эльза Яновна Цируль, 1881–?)

В книгах, посвященных истории Института марксизма-ленинизма, упоминается заведующая библиотекой Цируль. Однако долгое время даже ее имя оставалось загадкой для исследователей библиотечного дела. Ключ к разгадке был обнаружен в письме заместителя директора ИМЭЛ Сорина⁵ в НКВД от 28 июня 1937: «Зав библиотекой Цируль сообщила, что 24 мая на даче Ру-ка⁶ были произведены аресты. Среди арестованных ее сын. Сама Цируль, по ее словам, была на даче у Ру-ка накануне»⁷.

Благодаря этому письму, сыгравшему драматическую роль в судьбе заведующей библиотекой, удалось установить ее личность. Библиотекой с 1928

³ Библиотечные преступники: Сб. статей / В. Штейн, А. Белецкий, М. Алексеев. – Харьков, 1924.

⁴ База данных «Жертвы политического террора в СССР» / Международный «Мемориал». – <http://lists.memo.ru/d37/f319.htm>.

⁵ Владимир Гордеевич Сорин (1893–1944), заместитель директора ИМЭЛ в 1931–1937. Арестован в 1939. Умер в лагере.

⁶ Имеется в виду Я.Э. Рудзук (1887–1938).

⁷ История уникальной библиотеки... С. 108.

по 1937 заведовала Эльза Яновна Цируль, вдова Фрица Яновича Цируля⁸ – начальника Управления московской рабоче-крестьянской милиции и друга Я.Э. Рудзутака.

У нас не так много свидетельств о деятельности Э.Я. Цируль. Известно, что в Институте Ленина она заведовала читальным залом. Заведующей библиотекой она становится предположительно в 1928. Из документов, которыми мы располагаем, вырисовывается образ Эльзы Яновны как крепкого администратора. Планы и отчеты подготовлены аккуратно, в дирекцию библиотеки методично посылаются записки о необходимости повышения зарплаты сотрудникам⁹. О судьбе Эльзы Яновны после ареста сведений нет. Известно, что она была исключена из партии и уволена из института до 22 декабря 1937 года¹⁰.

Упомянувший в письме Сорина сын Э.Я. Цируль выжил в ГУЛАГе. Свидетельство о его пребывании в Ухтпечлаге мы находим в воспоминаниях В.Ю. Лисянского:

«В геологическом отделе также работал картографом Лаймон Фрицевич Цируль, выходец из Прибалтики. Отец Цируля во время революции и Гражданской войны был активным сподвижником многих выдающихся в то время политических деятелей, и когда с целью провокации в 1924 году немецкий агент застрелил его, то Лаймона взял на воспитание латыш Ян Эрнестович Рудзутак, проживающий в Кремле. Рудзутак (партийная кличка – Либих) видный деятель КП и Советского государства, кажется, не был женат, поэтому взял на воспитание Лаймона, а затем такого же возраста девочку после гибели ее родителей. В 1937 году арестован, а в 1938 году расстрелян как „враг народа“, после чего Лаймона и эту девочку как детей „врага народа“ также осудили по статье 58»¹¹.

После освобождения Лаймон Цируль работал геологом. Умер в 1991 году. Похоронен на Новодевичьем кладбище рядом с отцом.

Надежда Натановна Крицман (1898–1987)

Сильный удар по интеллектуальному потенциалу института нанесли не только аресты, но и так называемые «чистки» от неблагонадежных сотрудников.

Из письма от 14 июня 1938 заместителя директора Сорина в ЦК партии: «С 1 января 1936 г. по 1 июня 1938 года органами НКВД арестованы на рабочем месте 4 сотрудника ИМЭЛ <...>. За этот период дирекция освободила от работы в ИМЭЛ 95 человек „в порядке очистки аппарата от политически ненадежных, не внушающих доверия, сомнительных элементов“. Впоследствии из них были разоблачены как враги народа и арестованы НКВД 30 человек»¹².

⁸ Ф.Я. Цируль погиб в 1925.

⁹ См., напр.: История уникальной библиотеки... С. 102-103.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Лисянский В.Ю. Воспоминания. – Калуга, 2003. – С. 207.

¹² История уникальной библиотеки... С. 110.

В другом письме, от 15 августа 1938, говорится следующее: «По разным причинам Институту пришлось освободить от работы в библиотеке ИМЭЛ ряд квалифицированных работников. В настоящее время такие участки работы, как комплектование библиотеки книгами, обработка вновь поступающих книг и старых фондов библиотеки, совершенно оголены»¹³.

Одной из уволенных из института в этот период была Надежда Натановна Крицман, заведующая отделом обработки библиотеки (каталогизации). О ее судьбе известно больше в силу того, что после ухода из библиотеки ИМЭЛ она перешла на работу во вновь созданную Государственную публичную историческую библиотеку. Коллеги по ГПИБ отмечали высокий профессионализм Надежды Натановны, готовность делиться знаниями с молодежью. Н.Н. Крицман работала в библиотеке с ее первого дня – 1 декабря 1938 и вышла на пенсию в 1970. Умерла она 23 февраля 1987 года¹⁴.

О жизни Н.Н. Крицман до «Исторички» мало известно. Она родилась в Одессе в семье революционеров (ее братья с малых лет участвовали в революционном движении), окончила филологический факультет Одесского университета, работала в Одессе в библиотеке Главполитпросвета. В 1920 переехала в Москву, работала в библиотеке Коминтерна, закончила библиотечные курсы и с 1925 работала в Институте Ленина. Переход в Историческую библиотеку из главной партийной библиотеки был для нее явным понижением.

В результате увольнений и арестов сотрудников ситуация в библиотеке ИМЭЛ стала критической. 30 декабря 1938 директор института В.В. Адоратский пишет в ЦК партии: «Библиотека в настоящее время по причине вредительства, проводившегося в ней врагами народа в течение ряда лет, находится в очень тяжелом состоянии; работа по комплектованию, обработке, разборке и хранению фондов страшно запущена...»¹⁵. Временно исполняющая обязанности заведующей библиотекой Вейберг на собрании актива 7 января 1939 говорила: «С момента организации библиотеки, то есть с 1926 года, библиотекой руководили лица, которые потом оказались врагами народа»¹⁶. Чистки персонального состава и аресты привели к тому, что библиотека перестала нормально работать.

Изучая историю библиотеки, я столкнулась с тем, что история репрессий в библиотеке и судьбы ее сотрудников, пострадавших в годы «Большого террора», оказались замалчиваемой темой. Но история главной партийной библиотеки – библиотеки Института марксизма-ленинизма неотделима от трагической судьбы тех людей, которые ее создавали.

---

¹³ Там же. С. 111.

¹⁴ См.: Счастливый характер. 19.08.2014 // Сайт «ГПИБ России (Историческая библиотека)». – <http://gpib.livejournal.com/46469.html>

¹⁵ История уникальной библиотеки... С. 111.

¹⁶ Там же. С. 112.

С.И. Фокин

Вагнеры. История трех поколений

Сергей Иванович ФОКИН

*Университет Пизы,
Италия
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Россия*

Вагнеры, о которых пойдет речь в этой статье, происходили, по-видимому, из саксонского рода, основание российской ветви которого положил Иоганн Вагнер (1758–1818), перешедший в русскую службу при Екатерине Второй¹. В конце ее царствования он с семьей переселился в Российскую империю, в Волынскую губернию, и обосновался в городке Пинск, где принял российское подданство (1811). Там И. Вагнер стал владельцем «вольной аптеки»². Его сын – Петр Иоганн (Иванович) Вагнер вначале пошел по стопам отца, но уже полу-

---

¹ Данные были получены от В.Н. Вагнер (1927–2008). Дворянство предков, о котором говорила Вера Николаевна, документально не подтверждено. Литературовед С.Ю. Дудаков был уверен (также не приводя ссылок на документы), что род Вагнеров происходил от крещеных евреев елизаветинского времени, получивших потомственное дворянство уже в 1745 (Дудаков С.Ю. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. – М.: Наука, 1993. – С. 242).

² Эта часть истории рода Вагнеров в России имеет документальное подтверждение и опровергает версию Дудакова. См.: *Валиев М.Т., Заднепровская А.Ю.* Вагнеры – от аптечной стойки до генерала флота // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. – Вып. 9. – СПб., 2015. – С. 193–211; см. то же: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-284-5/

чив высшее медицинское образование в России: Дерптский (1819–1820) и Виленский (1820–1826) университеты. Далее, будучи врачом на казенном Богословском заводе (Пермская губерния, Урал), он заинтересовался камнями и, в результате протекции М.Н. Мусина-Пушкина – попечителя Казанского учебного округа³, стал профессором минералогии Казанского университета (1840–1865). Его дети от О.А. Грубер (1818–1885)⁴ – Николай и Михаил⁵ получили потомственное российское дворянство⁶. Собственно, в данной публикации я предполагаю рассмотреть судьбу именно Николая Петровича Вагнера (1829–1907) и его потомков и сделать это с акцентом на то, как у потомков проявлялись некоторые свойства (задатки) натуры отца – многосторонне одаренной личности. Реализации такого подхода способствует тот факт, что Николай Петрович, женившись на Екатерине Александровне Худяковой (1840 – после 1917), имел шестерых детей, для троих из которых – мальчиков (а также для большей части их прямых потомков) удалось собрать сравнительно полный набор биографических данных.

Чем же был примечателен профессор зоологии Императорских Казанского (1860–1871), а затем Санкт-Петербургского (1871–1894) университетов Н.П. Вагнер и какой комплекс врожденных задатков (комбинаций генов) могли от него унаследовать сыновья?⁷

После переезда семьи с Урала в Казань (1840) Николай Петрович воспитывался в пансионе М.Н. Львова, а среднее образование получил (с пятого класса) во второй Казанской гимназии, которую окончил в 1845⁸. После окончания с золотой медалью Казанского университета (1849)⁹, где он занимался преимущественно энтомологией, Вагнер получил должность старшего преподавателя естественной истории и сельского хозяйства в Нижегородском дворянском

³ Очевидно, в честь Мусина-Пушкина Вагнером был назван открытый им «новый» минерал пушкинит – на самом деле прозрачная бутылочно-зеленая разновидность эпидота (сложного силиката кальция).

⁴ В некоторых документах фамилия пишется Груббер.

⁵ Младший брат Н.П. Вагнера – Михаил Петрович (1834–1887?), в отличие от Николая Петровича, не имел заметных способностей и служил до выхода на пенсию по болезни (1883) в администрации Императорского Санкт-Петербургского университета помощником инспектора. Так как он вышел в отставку как «одержимый тяжелой неизлечимой болезнью» и далее не упоминался в семейной переписке, можно думать, что вскоре он скончался.

⁶ В семье Вагнеров было еще, по крайней мере, две общих дочери и две дочери О.А. Грубер от первого брака с проф. П.С. Кондыревым.

⁷ Судьба дочерей, по известным причинам, труднее просматривается, однако о потомках старшей дочери Н.П. Вагнера – Екатерины (1860 – после 1936) у нас есть некоторые любопытные данные.

⁸ В возрасте одного года Н.П. Вагнер был перевезен в Екатеринбург, где жил десять лет и получил начальное образование в уездном училище. Для написания этой части статьи использованы автобиографические записки ученого из его фонда, хранящегося в архиве Музея национальной письменности в Праге, Чехия (АМНП), впервые вводимые в научный оборот. Документы фонда до сих пор не систематизированы, поэтому цитаты из них не имеют полноценных архивных ссылок.

⁹ Медаль была получена за конкурсное сочинение «О лучших характеристических признаках для классификации насекомых».

институте и уже в 1851 защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию «О чернотелках (*Melasomata*), водящихся в России». В 1852–1858 ученый состоял в должности адъюнкта при физико-математическом факультете Казанского университета¹⁰. В 1854, выдержав специальный экзамен, он защитил при Московском университете диссертацию на степень доктора естественных наук «Общий взгляд на паукообразных и частное описание одной из форм (*Androctonus occitans*) к ним принадлежащих». Таким образом, уже в 25 лет он стал доктором зоологии¹¹ и мог бы занять университетскую кафедру. Дело было, однако, в том, что Вагнер страстно хотел работать в одной из столиц. Тем не менее, до 1860, несмотря на активные поиски места в Петербурге и Москве, это ему не удавалось¹². В результате с 1860 он снова был назначен адъюнктом по кафедре сравнительной анатомии и физиологии Казанского университета и в том же году избран там экстраординарным, а в 1862 – ординарным профессором зоологии. Помимо зоологических лекций, Николай Петрович читал даже курс ботаники (1866) и три года (1861–1864) был редактором «Ученых записок Казанского университета».

За работу «Самопроизвольное размножение гусениц насекомых», где впервые было описано явление педогенеза (девственного размножения) у личинок двукрылых насекомых, профессор Вагнер был удостоен Демидовской премии Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1862). Это открытие принесло ему европейскую известность.

Н.П. Вагнер работал в разных областях зоологии беспозвоночных, энтомологии, физиологии и эмбриологии. Одним из первых ученый начал в 1864 экспериментальные исследования в энтомологии. Вагнер доказал, что в крыльях бабочек существуют свободные электрические токи, идущие от основания крыла к его концу. Под влиянием этих токов откладываются пигменты, определяющие окраску и рисунок крыльев насекомого. Для проверки этого предположения автор произвел более 1000 опытов над гусеницами и куколками бабочки-крапивницы. К концу своего казанского профессорства (1869) Николай Петрович вынашивал планы всестороннего (экологического) исследования местного озера Кабан, оставшиеся, впрочем, нереализованными.

¹⁰ В автобиографии Вагнер пишет о «камеральном и медицинском факультете» университета. Физико-математическое отделение философского факультета было основано в Казанском университете уже в 1835, а отдельный физико-математический факультет появился по уставу 1863.

¹¹ Тогда количество докторов зоологии в России было весьма незначительно (особенно столь молодых!), и они, конечно, были первыми кандидатами на занятие соответствующих университетских кафедр.

¹² Находясь в отставке в конце 1850-х, Вагнер работал у профессора Р. Лейкарта (1822–1898) в Гиссене (Германия) по паразитологии, а в России редактировал журнал Московского общества сельского хозяйства. Подробнее перипетии его карьеры описаны мною в статье: Люди и коллекции Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета: К 140-летию основания / Под ред. С.И. Фокина. – М.: КМК, 2011.

В Казани, где Вагнер был профессором зоологии в течение 11 лет, он при­мыкал к левому крылу профессуры и активно участвовал в научной и обще­ственной жизни¹³. Так, ученый принимал деятельное участие в организации местного общества естествоиспытателей и в проведении первых (с 1867) съез­дов русских естествоиспытателей и врачей.

Еще до возникновения в Южной Европе стационарных морских биологи­ческих станций профессор Вагнер несколько раз работал на Средиземном море (1864/65, 1870): в Неаполе, где родился его второй сын Юлий¹⁴, и в Вилла­франке (Villefranche-sur-Mer), близ Ниццы, а также на Черном море, в Крыму (1863). В 1869 его неизданная работа «*Monographie des deux espèces du golfe de Naples*», выполненная в Неаполе, была удостоена премии Бордена Париж­ской Академии наук. В этом же году Вагнер был избран президентом Казанского общества естествоиспытателей и почетным членом Санкт-Петербургского уни­верситета (ИСПБУ), куда в 1871, после неоднократных попыток, он перешел ординарным сверхштатным профессором зоологии. Н.П. Вагнер – формаль­ный основатель (1871) и руководитель (1871–1894) Зоотомического кабинета ИСПБУ. В 1879 он был утвержден в звании заслуженного профессора столичного университета. Преподавал Вагнер также на Высших женских (Бестужевских) курсах, а, будучи уже в отставке (с 1894), был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1898). Правда, многие его коллеги лекторский талант Вагнера ставили весьма невысоко, равно как и его административную активность в качестве заведующего кабинетом¹⁵.

В 1876–1887 Н.П. Вагнер неоднократно изучал фауну Белого моря, рабо­тая на Соловецких островах, где благодаря его стараниям была основана пер­вая на Русском Севере (да и вообще в полярных широтах) морская биологи­ческая станция (1881). По линии Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей он состоял директором этой станции до 1894. С 1891 про­фессор Вагнер был президентом Русского общества экспериментальной психо­логии. Он автор более 80 научных работ, в том числе фундаментальной моно­графии «Беспозвоночные Белого моря» (1885) и ряда научно-популярных ра­бот по разным проблемам биологии. Среди его учеников, правда, скорее фор­мальных (кроме профессора К.С. Мережковского), – профессора Н.М. Кни­пович, В.А. Фаусек, Ю.Н. Вагнер, А.А. Бялыницкий-Бируля, К.К. Сент-Илер и Д. Д. Педашенко.

¹³ Корбут М. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет. 1804/05–1929/30. – Казань: Изд-во Госуниверситета им. В.И. Ульянова-Ленина, 1931. – Т.1. – 209 с.; Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. – СПб.: Алетей, 2006. – 378 с.

¹⁴ Всего у Н.П. Вагнера было три сына и три дочери: Екатерина (1860), Петр (1862), Ольга (1863), Юлий (1865), Владимир (1867) и Надежда (1876). – Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 740. Оп. 22. Д. 335. В Неаполе он работал и позднее, но уже на открывшейся Неаполи­танской зоологической станции: в 1874, 1883, 1892.

¹⁵ Фокин С.И. Люди и коллекции Зоотомического кабинета...

Профессор Вагнер был хорошим знакомым создателя периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева (1834–1907) и другом химика-органика академика А.М. Бутлерова (1828–1886), вместе с которым он учился в Казани. Как и Бутлеров, с 1870-х Николай Петрович стал приверженцем философии оккультизма и спиритизма и посвятил этому увлечению последние десятилетия жизни, практически оставив занятия наукой в начале 1890-х годов. Он был одним из основателей Философского спиритического общества и сотрудником спиритического журнала «Ребус».

Помимо зоологии, в течение более 30 лет Николай Петрович активно занимался и литературной работой, выступая под псевдонимом «Кот-Мурлыка». Он написал и издал «Сказки Кота-Мурлыки» (1872); «Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки» (в 5-ти и в 7-ми томах); отдельные рассказы, повесть «К свету» (1883) и роман «Темный путь» (1890); опубликовал несколько статей по искусству (1871–1877). Сказки Кота-Мурлыки определенно были популярны в культурном сообществе России конца XIX века. Их многочисленные издания иллюстрировались такими мастерами, как В.И. Якоби, В.В. Васнецов, М.А. Зичи, Н.Н. Шишкин и А.И. Куинджи. Со многими из них Вагнер был лично знаком.

В 1876–1878 он издавал журнал «Свет», где была напечатаны первые стихотворения поэта С.Я. Надсона (1862–1886), на творчество которого Вагнер оказал определенное влияние. Вагнер и сам писал стихи, правда, довольно беспомощные¹⁶. Свои литературные произведения Н.П. Вагнер печатал в различных журналах: «Свет», «Северный вестник», «Вестник Европы», «Русское обозрение» и «Книжки недели». В 1889 Вагнер участвовал в конкурсе на присуждение академической Пушкинской премии¹⁷. Кроме того, с 1875 по 1880 он серьезно занимался живописью и даже предполагал перенести свою профессиональную активность в эту область искусства¹⁸. Как писал о Н.П. Вагнере его ассистент по Зоотомическому кабинету (1886–1889), будущий академик В.М. Шимкевич: «Н.П. Вагнер то берется за решение тонких гистологических вопросов, для чего у него не было надлежащей технической подготовки, то принимается за популяризацию, то пишет романы и повести, то увлекается спи-

¹⁶ В 1877 он писал своему близкому знакомому – поэту Я.П. Полонскому: «Дорогой Яков Петрович, посылаю Вам стихотворение. Будьте столь милы, любезны, обязательны, усладительны, благотворны, <...> влейте в него строй и гармонию, то, чего лишен есть аз многогрешный! Первые две строки и последние каждого куплета, а также мысль должны остаться – остальное все в Вашей власти. Если исполните мою просьбу в три, четыре дня – т. е. до воскресения, то благодарность моя будет безмерна. Ваш Кот-Мурлыка». – Институт Русской литературы. Рукописный отдел (ИРЛИ РО). Д. 11948. Л. 2.

¹⁷ Рецензентом литературных произведений Н.П. Вагнера выступил известный московский педагог и литературовед Л.И. Поливанов, давший в своем пространном (более 60 страниц!) отзыве негативную оценку работ претендента, подчеркнув, однако, что «будущий историк литературы не вправе обойти произведения Кота-Мурлыки вниманием». – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (ПФ АРАН). Ф. 9. Оп. 3. Д. 6. Л. 63об.

¹⁸ ИРЛИ РО. Д. 11948. Л. 7-8.

ритизмом и философией оккультизма. А в результате огромный талант дает не более того, что дает заурядный западный исследователь»¹⁹.

Таким образом, Н.П. Вагнер был связан с различными слоями русской научной и художественной интеллигенции и оставил заметный след не только в зоологии. Из выше перечисленного можно понять, что, очевидно, это был человек существенных и разнообразных дарований²⁰. Соответственно, его дети имели шанс унаследовать некоторые из них, хотя, конечно, никаких «генов науки, литературы или живописи» до сих пор не выявлено и вряд ли они существуют, не говоря о том, что генотип любого человека это результат случайности, можно сказать, в квадрате²¹.

Что же представляли собою его дети? Петр Николаевич Вагнер, старший сын профессора Н.П. Вагнера, родился в Казани 10 мая 1862 и был назван, очевидно, в честь деда П.И. Вагнера. В 1871 семья переехала в столицу, и какое-то время Петр Вагнер учился в гимназии Мая²². Однако, в отличие от предков, естественные науки мальчика явно не привлекали, и уже в 1879 он был принят в Морское училище. Для него началась морская служба – внутренние и заграничные плавания на различных кораблях (1880–1883), затем окончание училища с премией адмирала Краббе и званием мичмана (1883). Уже в 1886 он стал воспитателем и преподавателем в Морском корпусе, но продолжил учебу и окончил в 1890 Гидрографическое отделение Николаевской Морской академии. Начиная с 1898, он в должности штатного преподавателя при воспитанниках Морского кадетского корпуса и старшим штурманским офицером ходил в учебные плавания на нескольких фрегатах и учебных судах, встретив новый век в звании штабс-капитана. Хотя по службе Вагнер характеризовался различно: от «достаточно дисциплинирован, но малоисполнителен <...>, чрезвычайно рассеян и небрежен» до «как преподаватель к своему делу относится серьезно, уважаем воспитанниками», но служебный рост показывает, что как офицер он был на неплохом счету. В 1909 он подполковник, в 1911 уже полковник,

¹⁹ Шимкевич В.М. Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев (из воспоминаний зоолога) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1908. – Нов. сер. – Ч. 16, июль. – С. 4.

²⁰ Формат статьи не позволяет проанализировать психоэмоциональную составляющую личности ученого. Воспоминания современников рисуют Н.П. Вагнера достаточно определенно: «Он был своеобразный человек и не только по взглядам, но и по манере себя держать. Он никогда почти не вступал в споры, а чуть что – сейчас же замолкал и прятался в свою старческую раковину» (Шимкевич. С. 13); «Маленький, сутулый, с кривыми ногами и расставленными вбок руками, он походил на паука. Очень неприятное было его выражение лица с маленькими свинцового цвета глазами. Голос был у него какой-то скрипучий. Несомненно, это был психопат» (Никольский А.М. Из воспоминаний Александра Михайловича Никольского // Из истории биологических наук. – Вып. 1. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 83).

²¹ Каждый из родителей производит массу половых клеток с уникальной комбинацией генов, а зародыш нового организма есть результат случайного соединения одного из множества сперматозоидов с одной из множества яйцеклеток.

²² Основные сведения о жизни П.Н. Вагнера содержатся в уже цитированной работе: *Валиев М.Т., Заднепровская А.Ю.* Вагнеры – от аптечной стойки до генерала флота... (далее при отсылках: *Валиев, Заднепровская*, 2015).

написавший учебник навигации, а в 1913 – генерал-майор по Адмиралтейству. Продолжение морской службы Вагнера было связано с административной работой: в 1916 он был назначен начальником курсов для ускоренной подготовки к офицерскому званию, в 1918 – заведующим классов гидрографов, а позже – начальником этих классов. Последней должностью П.Н. Вагнера на флотской службе был пост начальника Высшего военно-морского гидрографического училища им. Г. Орджоникидзе, от которого он был освобожден в 1923.

Параллельно с морской службой у Петра Николаевича была, однако, и совсем другая жизнь. Еще в служебной аттестации по Адмиралтейству 1907 года было отмечено: «В сущности, истинное призвание его есть искусство, так как аттестуемый весьма незаурядный художник. Следуя своему призванию, он окончил курс Академии художеств <...>. В среде художников он занимает вполне почетное место»²³. Это действительно было так. П.Н. Вагнер был человеком, одаренным в разных областях: он знал три иностранных языка, увлекался музыкой (неплохо играл на балалайке) и профессионально занимался живописью. В 1894 он поступил в Академию художеств в мастерскую пейзажной живописи А.И. Куинджи, где его коллегами по учебе были Н.К. Рерих, К.Ф. Богаевский, А.А. Рылов, А.А. Борисов. Петр Николаевич окончил Академию в 1899 со званием классного художника за пейзажи «Пороги» и «Балтийское море». Работал Вагнер главным образом как маринист и был активным участником выставок в Академии художеств в 1905, 1907, 1910 и 1916, а также выставок Общества им. А.И. Куинджи. Он заслуженно считается одним из учеников прославленного пейзажиста²⁴. С 1921 по 1929 Петр Николаевич был профессором факультета живописи, графики и скульптуры Высшего художественно-технического института (бывшей Академии художеств). Обстоятельства смерти П.Н. Вагнера и, как ни странно, даже точная ее дата неизвестны. В семье потомков Петра Николаевича считается, что он умер в Ленинграде в 1932 (похоронен рядом с отцом на Смоленском православном кладбище)²⁵.

Юлий Николаевич Вагнер был вторым сыном в многодетной семье профессора Н.П. Вагнера²⁶. Родился он 13 декабря 1865 в Неаполе, где старший Вагнер, к тому времени профессор Казанского университета, работал по эмбриологии беспозвоночных Неаполитанского залива.

Юлий окончил восьмью С.-Петербургскую гимназию и в 1884 поступил в ИСПБУ на естественный разряд физико-математического факультета. После

---

²³ Там же.

²⁴ А.И. Куинджи и его ученики: Каталог выставки. – Л., 1973.

²⁵ Могилы Н.П. и П.Н. Вагнеров находятся на Ксенинской дорожке кладбища. Первоначальное надгробие на могиле профессора Вагнера не сохранилось.

²⁶ Фокин С.И. Зоолог Юлий Николаевич Вагнер. Неаполь – С.-Петербург – Киев – Белград // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 101-115.

окончания он остался работать в университете, где в 1894 защитил магистерскую, а в 1896 докторскую диссертации. Вскоре в Киеве открылся Политехнический институт имени императора Александра II, и Ю.Н. Вагнер был приглашен туда экстраординарным профессором, а уже через месяц ученый стал там ординарным профессором (1898). Помимо преподавания в институте, Вагнер проводил в разных губерниях Украины (Полтавской, Киевской, Черниговской и Волынской) обширные полевые энтомологические исследования. В 1910–1913 были изданы его труды: «Учебник зоологии для средних учебных заведений», «Рассказы о воде, о воздухе, человеке и насекомых», «Краткий учебник природоведения». Также, совместно с С.И. Метальниковым, он редактировал известную «сытинскую» десятитомную детскую энциклопедию (1913–1914). Однако в 1911 Вагнер вынужден был подать в отставку в связи с репрессиями против студентов²⁷. После отставки около года он работал в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге в должности младшего зоолога по вольному найму²⁸, но уже в 1913 возвратился в Киев. Там он получил место руководителя энтомологического отдела Киевской сельскохозяйственной станции.

Одновременно Юлий Вагнер активно участвовал в общественно-политической жизни страны. Так, в годы Первой мировой войны он работал в «Военно-промышленном комитете», занимавшемся организацией помощи армии. После февральской революции 1917 года он сотрудничал также в «Исполнительном комитете», организованном сторонниками Временного правительства на Украине²⁹. В марте 1917 Совет Политехнического института принял решение о возвращении в институт профессоров, уволенных в 1911, и Вагнер около года возглавлял там кафедру энтомологии.

Весной 1918 профессора Ю.Н. Вагнера пригласили войти в состав правительства гетмана П.П. Скоропадского. В этом правительстве Вагнер возглавил Министерство труда. Юлий Николаевич был убежденным противником советской власти и подписал в октябре того же года «Обращение десяти» к премьер-министру Ф.А. Лизогубу с протестом против установления связей между Украиной и Советской Россией. Министры требовали не иметь таких контактов, пока в России у власти будут большевики, и акцентировали внимание на необходимости поддержки борьбы народов бывшей царской России за образование независимых государств. Их требования не были приняты, и приказом от 24 октября 1918 Ю.Н. Вагнер был отправлен в отставку.

После прихода к власти на Украине С.В. Петлюры, в начале 1919 ученый покинул Киев и, вернувшись в Петербург, некоторое время, по-видимому, снова работал в Зоологическом музее. Однако никаких материалов о жизни Ваг-

²⁷ Карамаш С.Ю., Вировий С.И. Зоолог Юлий Вагнер – вчений, громадянин, політик // Скарбниця документальної пам'яті. – Вип. 1. – Київ, 2006. – С. 52-59.

²⁸ ПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 103.

²⁹ Карамаш С.Ю., Вировий С.И. Зоолог Юлий Вагнер...

нера в Петрограде в 1919 пока найти не удалось. В 1920 Юлий Николаевич со своей второй семьей (женой и двумя детьми)³⁰ навсегда покинул Россию и более 20 лет жил и работал в столице Сербии Белграде³¹.

Ю.Н. Вагнер получил место профессора зоологии на сельскохозяйственном факультете Белградского университета и параллельно преподавал естествознание в гимназии (1920–1934).

За неимением материалов о жизни и деятельности Ю.Н. Вагнера в Сербии из архивов бывшей союзной республики Югославии (наличие таких документов вполне вероятно, но пока не очевидно) приходится реконструировать эмигрантскую часть жизни ученого по его письмам в Россию.

В связи с резким увеличением населения в Белграде вследствие русской эмиграции (до 10 тысяч русских осели там в 1919–1921), в городе был жилищный кризис, и большинство эмигрантов, в том числе и Вагнер с семьей, жили в меблированных комнатах. Только в конце 1926, благодаря поддержке правительства и университета, профессора смогли построить «университетский городок» (колония профессоров), где Вагнеру принадлежал двухэтажный дом.

Первые, самые трудные для адаптации в новой стране годы почти полностью прошли в хлопотах по устройству зоологической (энтомологической) лаборатории при сельскохозяйственном факультете Белградского университета и в подготовке и чтении лекций. Юлий Николаевич читал лекции на сербском языке, как он сам отмечал в письмах, «на малознакомом и, кстати сказать, для нас, русских, весьма трудном языке»³². Вскоре, в 1923, на базе организованной Вагнером лаборатории (занимавшей вначале всего две комнаты) был создан Энтомологический институт Белградского университета. В 1925–1926 основная активность Вагнера была направлена на организацию Энтомологического общества КСХС и журнала при нем, – в мае 1926 состоялся первый местный Энтомологический конгресс, целиком подготовленный группой сербских энтузиастов во главе с русским ученым.

В дальнейшем, продолжая заниматься фаунистикой блох, ученый все больше внимания уделял общим вопросам эмбриологии и биологии этих насекомых. Заниматься наукой для Вагнера после 1930 стало сложнее. Согласно законам Югославии, 65-летний профессор был вынужден перейти на работу по контракту. Вскоре Вагнер полностью ушел на пенсию, сохранив за собой только уроки в гимназии, где учился его сын Ор. Он продолжал собирать уникальную коллекцию блох, которую предполагал передать в Зоологический музей Ленин-

³⁰ Биографы упоминают дочь Ию и сына Ора (см.: Там же). В письмах (1922–1940) к М.Н. Римскому-Корсакову сам Вагнер писал только о сыне, вероятно, дочь умерла до 1922.

³¹ ПФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 1. Вагнер покинул Россию через Одессу и, возможно, в 1920 жил какое-то время на юге России. Сербия тогда входила в состав Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС); с 1929 – королевство Югославия.

³² ПФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 89. Л. 4.

града (тогда уже Зоологический институт), писал статьи для «Вестника» югославского энтомологического общества и, несмотря на возраст, совершал экскурсии по окрестностям Белграда. В это время им была описана коллекция блох Берлинского зоологического музея и составлен определитель блох Северной Африки для врачей-практиков³³. В конце 1935 в Германии вышел из печати его большой обзор фауны блох Средней Европы³⁴.

Несмотря на ухудшение здоровья, Юлий Николаевич по-прежнему много работал. Уже в военное время, в 1939, ученый начал новую работу над определителем блох всего света, хотя она и шла не так быстро, как хотелось бы Вагнеру. В конце 1940 года он сетовал в письмах на недостаток литературы и резкое сокращение переписки с коллегами из России. Скоро эта переписка прекратилась совсем, – в СССР началась Великая Отечественная война.

События последних лет жизни Ю.Н. Вагнера неизвестны³⁵. Однако внучка Юлия Николаевича, В.Н. Вагнер, была уверена, что его обширная коллекция была продана им в годы войны в США, а сам ученый, будучи принципиальным противником советской власти, покинул Югославию, когда туда в 1944 вошла Советская армия. По ее словам, смерть застала его уже в Австрии в начале 1946 года³⁶. Правда, согласно материалам, опубликованным в справочнике «Незабытые могилы», Юлий Николаевич умер (погиб?) 4 апреля 1945³⁷.

В отличие от двух старших братьев, третий сын Н.П. Вагнера – Владимир (1867– после 1929)³⁸ не унаследовал от отца никаких талантов и, напротив, вырос человеком никчемным, постоянно создававшим проблемы родителям. Кульминацией этого стало событие 7 марта 1896, когда он застрелил из пистолета свою жену, с которой состоял в браке пять лет. Хотя в процессе суда было сделано заключение о невменяемости подсудимого и защита пыталась изобразить В.Н. Вагнера жертвой семейного воспитания или, точнее, «угнетения»³⁹, очевидно, это было не так. Помимо сочувственных воспоминаний о нем, впрочем, рисующих малосимпатичный образ: «Вошел молодой

³³ Там же. Д. 170. Л. 117.

³⁴ В 1939 Вагнер выпустил также обзор Aphaniptera в знаменитой немецкой серии: *Klassen und Ordnungen des Tierreichs*. Bd. 5: Arthropoda, 3 Abt. Insecta, XIII. Buch. Teil f. – Leipzig, 1939. – 114 s.

³⁵ Мало что о них знали и в семье старшего сына ученого – Н.Ю. Вагнера. Семья Николая Юльевича Вагнера жила в Праге, а потом в Братиславе, и, видимо, близкого общения между родственниками не было.

³⁶ Запись беседы автора статьи с В.Н. Вагнер. Москва, июнь 2007. – Архив автора.

³⁷ Незабытые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917–1997 / Сост. В.Н. Чуваков. – Т. 1. – М., 1999. – С. 475. Возможно, что произошла ошибка, и в этом издании приведена дата смерти О.Ю. Вагнера (1915–1945), сына Юлия Николаевича, который был врачом Русского корпуса в Югославии и был убит партизанами именно 4 апреля.

³⁸ Дата его смерти неизвестна, переписка с родственниками прекратилась в 1929.

³⁹ К моменту совершения преступления В.Н. Вагнеру было 29 лет. Нет документальных свидетельств того, что он воспитывался как-то иначе, чем его братья, которые были старше его только пятью и двумя годами.

человек со странной, очень некрасивой наружностью, бледный до прозрачности, с каким-то несимметричным, деформированным лицом <...>. Желчный, неуравновешенный, он порою поражал односторонностью суждений, бывал резок, дерзок, а иногда замыкался в себе, становился мрачен и неразговорчив, а то приниженно-робок...»⁴⁰, есть и другие воспоминания, а также семейная переписка, рисующая, как кажется, подлинное лицо этого человека⁴¹. Сперва Владимир пытался пойти по военной части, но прослужил в качестве вольноопределяющегося в Онежском полку (Ревель) очень недолго и был комиссован по здоровью. Далее он решил уйти в монастырь и пробыл на Соловках около года (1887/88), однако оказался неспособным и к такого рода жизни⁴². Место бухгалтера в сельскохозяйственной школе Министерства земледелия (в Бессарабии), выхлопотанное для него, оказалось не востребовавшимся, – Владимир Вагнер до Бессарабии не доехал, растратив деньги, полученные от родителей еще в Москве. Тот же результат последовал и с намерением сделаться фотографом. Собственно, это была постоянная канва его жизни – просьбы о деньгах (иногда с угрозами самоубийства) и под разными предлогами уклонение от любых взятых на себя обязательств, со ссылками на обстоятельства, от него не зависящие (включая и свой слабый характер)⁴³. На момент совершения убийства жены В.Н. Вагнер работал в Петербурге секретарем редакции детского журнала «Игрушечка».

Со временем его характер несколько не изменился, и, будучи уже осужденным на высылку в Сибирь за убийство, он писал родным из Иркутска: «Прощайте все мечты, все честные намерения, простите все, кто мог помочь, но толкнул человека на бесчестную жизнь <...>. Переведите рублей 25 <...> иначе при хорошем случае – покончу с собой, при худом – пойду на подлость и преступление – иного исхода нет»⁴⁴.

⁴⁰ Алтаев А. Памятные встречи. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 278-291.

⁴¹ В своих воспоминаниях В.М. Шимкевич прямо называл В.Н. Вагнера «сын-неудачник, еще совсем юный, но типичный дегенерат» (*Шимкевич В.М.* Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев...).

⁴² История послушничества В.Н. Вагнера в Соловецком монастыре вкратце изложена в моей статье: *Фокин С.И.* Биологическая станция Соловецкой обители // Соловецкое море. – 2013. – № 12. – С. 75-87. Архимандрит Мелетий писал его отцу летом 1888: «Сын Ваш Владимир, оставленный в обители, вел себя нехорошо, и потому мы не можем держать его более <...>. Мне не хотелось Вас оскорблять – писать о нем что-либо неприятное, зная, как родительскому сердцу больно слышать неприятное о недобрых детях, но ему монастырская жизнь не на пользу будет, а более ко вреду. Может быть в мирской жизни более, лучше и скорее исправиться, потому что там нужда его заставит более трудиться и снискивать себе пропитания». – Архив Музея национальной письменности в Праге (АМНП). Фонд Н.П. Вагнера.

⁴³ Прежде всего он сетовал на невнимание к нему окружающих. Так, в письме отцу из Дома предварительного заключения (1897) В.Н. Вагнер писал: «Живя среди холода, не имея искреннего горячего сердца, кому бы все рассказать, благодаря своей доверчивости, благодаря окружающей меня обстановке, слабой воли характера, сталкивающей в жизни моей с людьми, я невольно падал <...>. Моя отчужденность, мое недоверие за последнее время к людям, мнительность, губили меня больше и больше, доведя, наконец, до тяжкого преступления, в котором я до сих пор не могу дать себе ясного отчета, – как все это случилось». – Там же.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5777. Оп. 5. Д. 568. Л. 2-3.

Дальнейшая судьба В.Н. Вагнера мне неизвестна, однако стрезень его жизни был описан в письме отца, Н.П. Вагнера, еще до суда:

«Володя! Тебе давно следовало бы обратиться с искренним покаянием к Богу, к отцу и к матери, но ты этого не делал, и постепенно падал и погибал. На твоей душе кровь близкого к тебе человека. Куда же ты теперь пойдешь, к кому обратишься?! Дьявол осенил тебя и владеет твоей душой и сердцем. Ты обманул преподобных, вступив в монастырь, обещав посвятить свою жизнь Богу, и не сдержал данного обещания. Но Бог милосерден, и ни на кого не гневается до конца – вместо наказания он послал тебе добрую, мирную семейную жизнь с милой, образованной и честной женщиной. Он дал тебе сына – красивого и доброго мальчика. Ты убил жену и оставил мальчика сиротой, без матери⁴⁵. Куда же ты теперь пойдешь, где найдешь мир и покой твоему вспыльчивому, злобному и глупому характеру?

Ты жалуешься на всех и всех обвиняешь, а не можешь только обвинить себя самого в том, что сам осквернил и исковеркал всю свою жизнь. Припомни, сколько добрых, хороших людей помогли тебе, принимали в тебе участие. Езерский обращался с тобой как родной отец, – чем же ты отплатил ему? Сколько раз ты обманывал лиц, которые тебе доверяли, обманывал, выдумывая разные сказки, лгал матери, которая тебе верила. Ты лжешь и теперь, и самому себе. Никакой автобиографии ты не сочинил и не напишешь, потому что вся твоя биография может быть выражена в двух строчках: лгал, делал мерзости и злые дела, удалялся постоянно и постепенно от Господа, обманул отца, мать и всех близких людей и, наконец, завершил свою биографию убийством жены...

Страшен, велик грех на твоей душе, и теперь тебе необходимо обратить все мысли, дела и стараться, чтобы смыть этот грех. Неужели же ты пойдешь с ним в жизнь вечную!?! Благ и милостив Господь! Он, наверное, пошлет тебе каторжную жизнь для того, чтобы ты смирился и молитвою искупил бы свою прежнюю дрянную жизнь.

Дьявол гордости и самомнения внушает тебе теперь, что ты будешь писателем, драматургом⁴⁶. Для того, чтобы быть им, необходимы ум и талант. У тебя нет ни того, ни другого. Ты мог бы быть честным тружеником, чиновником, фотографом. Ты этого не захотел, и теперь тебе один путь – смирение и каторга...

⁴⁵ О судьбе сына В.Н. Вагнера Константина (1892–?) сведений очень мало. После осуждения отца опеку над ним оформила бабушка – Е.А. Вагнер, в семье которой он и жил до окончания гимназии (1911). У К.В. Вагнера был сын Юрий, потомки которого, вероятно, еще живут в Петербурге.

⁴⁶ В письмах к отцу из заключения Владимир сообщал, что начал писать пьесу и что напишет свою биографию: «Мою подробную автобиографию – исповедь за всю мою жизнь, с тех пор, как я себя помню, со всеми мельчайшими подробностями... Моя автобиография будет очень длинной, в ней я открою всю свою душу, ничего не скрою, скажу все, как на исповеди священнику перед своей смертью...». – АМНП. Фонд Н.П. Вагнера.

Если тебя оправдают, то это будет для тебя новым искушением, новым рядом злых глупостей, самолюбованием. Дай Бог, чтобы тебя не оправдали!... Твой отец НВ»⁴⁷.

Обратимся теперь к третьему поколению Вагнеров – к судьбе внуков Н.П. Вагнера.

Единственный сын П.Н. Вагнера, в то время преподавателя Морского кадетского корпуса и будущего художника-мариниста, родился в браке с его двоюродной сестрой Ольгой Михайловной Вагнер (дочерью младшего брата профессора Н.П. Вагнера). Николай Петрович Вагнер-младший (1888–1938) окончил полный курс гимназии К. Мая в Петербурге в 1906 году⁴⁸. После окончания гимназии он продолжил свое образование на физико-математическом факультете ИСПБУ, который окончил в 1916 по естественному отделению⁴⁹. Однако в период российской смуты и смены власти в стране наука не показала ему лучшей областью применения своих сил. В 1917, вероятно, по протекции отца, Николай окончил курсы гардемарин, а уже при советской власти, в 1918, – классы гидрографов.

С 1920 Николай Петрович начал работать в Гидрографическом управлении Красного Флота. Был начальником гидрографического, а затем картографического отделов. С 1 марта 1928 Н.П. Вагнер был назначен старшим производителем работ Гидрографического управления и с 1932 – помощником начальника 1-го сектора в Управлении Военно-морской службы. В середине 1930-х он вышел в отставку и перешел на преподавательскую работу, став ассистентом кафедры физики Гидрографического института; кроме того, преподавал физику в различных учебных заведениях.

Вполне вероятно, что Николай Петрович сознательно отказался от продолжения службы по военно-морскому ведомству, понимая опасность такой карьеры в 1930-е. Однако это не спасло его от судьбы тысяч военных, научных и технических работников в СССР. По необоснованному обвинению по статье 58-6-8-11 («шпионаж, террористический акт и организационная деятельность, направленная на свержение существующего строя») он был арестован 1 ноября 1937 и по приговору Комиссии НКВД от 4 января 1938 расстрелян через четыре дня⁵⁰.

⁴⁷ Там же. После совершения Владимиром убийства родственники действительно мало с ним общались, и это вызвало даже осуждение со стороны некоторых участников процесса, мало знакомых с жизненной историей убийцы, тем более, что на процессе бытовало мнение о Владимире как о «продукте странной, необъяснимой жестокости или недомыслия в семье, заброшенном и нелюбимом ребенке. За шалости или плохие отметки которого запирали на целые дни в чулан и, наконец, выгнали из дому» (Алтаев А. Памятные встречи.)

⁴⁸ Сведения о нем взяты с сайта «Школа Карла Мая» (http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=457), а также из уже упоминавшейся статьи: *Валиев, Заднепровская*, 2015.

⁴⁹ Отчего он учился в университете десять лет вместо положенных четырех, сведений у меня не имеется.

⁵⁰ Данные приводятся по: Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга жертв политических репрессий. – Т. 7: Январь 1938 года. – СПб., 2007. – С. 1. Место захоронения – Левашовская пустошь.

Сын Юлия Петровича Вагнера (от первого брака, с Екатериной Николаевной Дзвонкевич, слушательницей Высших женских курсов) Николай Юльевич Вагнер (1893–1953) стал русско-чешским ученым-биологом. Родился он в Петербурге; после переезда в Киев, где его отец получил место профессора в Политехническом институте, окончил коммерческое училище и далее агрономический факультет этого же института (1918). После получения высшего образования Николай Юльевич работал в Политехническом институте ассистентом на кафедре морфологии и систематики растений, далее в Народном университете, Ветеринарной академии и Украинской Академии наук. В 1925 Н.Ю. Вагнер с женой и матерью уехал в Чехословакию, где работал в Пражском Карловом университете у профессора Б. Немеца на кафедре физиологии и анатомии растений. Там в 1928–1929 он защитил диссертацию и получил степень доктора естественных наук. В 1928–1929 он работал в Париже как стипендиат Фонда Рокфеллера по цитологии растительной клетки. Далее (для заработка) ученый занимался даже куроводством, а в 1940 был приглашен профессором М.М. Новиковым в качестве ассистента в Зоологический институт Братиславского университета, где работал в основном в области физиологии беспозвоночных животных и в 1952 получил звание доцента⁵¹.

Таким образом, начав с классической ботаники, Николай Юльевич стал зоологом-физиологом и, судя по откликам на его смерть в прессе, ценился как специалист в научном сообществе Словакии⁵². При невыясненных обстоятельствах он погиб в Татрах, где экскурсировал в августе 1953. Его семья (жена Н.А. Вагнер и дочь В.Н. Вагнер) в 1955 вернулась в СССР, и их сразу выслали в Ташкент. Потом они перебрались на 101-й километр от Москвы (г. Александров). На самом деле они жили несколько лет на даче академика М.А. Леонтовича в Абрамцеве⁵³. Вера Николаевна Вагнер затем устроилась преподавателем в Университет им. П. Лумумбы, познакомилась там с одним из студентов-африканцев и родила от него двух дочерей, которые живут и работают в Москве⁵⁴.

По определению Военного трибунала Ленинградского военного округа от 14 апреля 1958 приговор был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Единственная дочь Н.П. Вагнера-младшего – Татьяна Николаевна Вагнер-Заднепровская (1926–2001) окончила исторический факультет Ленинградского университета и стала ученым-библиографом; ее дочь Александра Юрьевна Заднепровская – кандидат исторических наук, сотрудница Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.

⁵¹ Не имея чехословацкого гражданства, Н.Ю. Вагнер не мог претендовать на место профессора.

⁵² 10 vyrocia umrtia Doc. Dr. M.J. Vagnera // Acta facultatis rerum naturalium universitatis comenianae. – Bratislava, 1963. – Т. 8, Fasc. 4. – (Zoologia publ. 9); Paulov S. Spomienka na docenta RNDr. M.J. Vagnera // Nasa Univerzita. – 1996. – S. 12.

⁵³ Жена Н.Ю. Вагнера была племянницей академика-физиолога АН УССР А.В. Леонтовича (1869–1943) и двоюродной сестрой академика-физика М.А. Леонтовича (1903–1981). См.: Академик М.А. Леонтович. Ученый. Учитель. Гражданин. – М.: Наука, 2003. – С. 416.

⁵⁴ В дальнейшем В.Н. Вагнер стала в этом учебном заведении профессором. Одна из ее дочерей, Лора Лауренсовна Вагнер, – биолог, кандидат биологических наук.

Жизнь Ореста (Ора), сына Юлия Николаевича Вагнера от второго брака, оказалась еще более короткой (1915–1945), чем у сводного и двоюродного братьев, и закончилась также трагически. Родившись в Киеве, Орест вместе с семьей эмигрировал в Сербию и в Белграде окончил гимназию и медицинский факультет местного университета (1940). В 1941 он числился солдатом резерва югославской армии. С 1942 служил батальонным врачом казачьего полка Русского корпуса в Югославии⁵⁵ и был убит партизанами в бою при Страшаницах 4 апреля 1945⁵⁶.

Некоторые любопытные сведения есть и о судьбе одной из внучек профессора Н.П. Вагнера – Надежде Николаевне Гогиной (Тукалевской) (1884 – после 1945?)⁵⁷. Она косвенно оказалась причастной к вывозу архива деда в Чехословакию в 1923. Какое-то время в юности она часто бывала у своего дяди Юлия в Киеве, где познакомилась с одним из его студентов-биологов В.Н. Тукалевским (1881–1936)⁵⁸ и в 1903 вышла за него замуж. Биологом Тукалевский не стал и, не окончив курса в киевском Политехническом институте, в 1905 вместе с женой переехал в Петербург. Здесь у них родилась единственная дочь Тамара (1905–1965)⁵⁹. В Петербурге Надежда Николаевна стала актрисой Драматического театра В.Ф. Комиссаржевской, за год до этого открытого в столице⁶⁰; играла Гогина и в Театре музыкальной драмы⁶¹.

В 1908 В.Н. Тукалевский поступил на историко-филологический факультет. После окончания университета (1911) вплоть до 1918 он служил в Управлении по делам мелкого кредита при Государственном банке и занимался научно-издательской деятельностью, журналистикой и собиранием книг и документов. В 1913 Тукалевский переехал с семьей из Петербурга в финские Териоки (Зеленогорск), где семья жила на принадлежавшей с конца XIX в. семейству Вагнеров вместительной даче. После отделения Финляндии в 1918 Териоки стали за границей. Больше в Россию Тукалевские не вернулись.

⁵⁵ Воинское формирование из числа русских эмигрантов, созданное немецким оккупационным командованием в сентябре 1941 и состоявшее из пяти полков. Корпус участвовал в охране тыловых объектов и коммуникаций Вермахта в Югославии и в борьбе с югославскими партизанами до мая 1945.

⁵⁶ Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Вертепов Д.П. (ред.). – Нью-Йорк: Наши вести, 1963. – С. 281.

⁵⁷ Н.Н. Гогина была дочерью старшей дочери Н.П. Вагнера – Екатерины Николаевны Вагнер (Гогиной). В литературе и интернете ее часто путают с младшей дочерью Н.П. Вагнера, также Надеждой Николаевной (1876–?). См., например: http://annensky.lib.ru/notes/licas_v_1/lukas_n_1.htm

⁵⁸ Владимир Николаевич Тукалевский – филолог-библиофил, журналист и редактор; основатель и первый директор Славянской библиотеки в Праге.

⁵⁹ Т.В. Тукалевская (Голуб, Маринова) – поэт, художник-прикладник. Именно она, уезжая из Праги в 1939, оставила архив Н.П. Вагнера на хранение своему знакомому К. Богачу и в 1949 согласилась на передачу этих документов в собрание Литературного архива Музея национальной письменности Чехии (тогда Народного музея).

⁶⁰ Одна из ее ролей в театре – Ангел-хранитель в пьесе А.М. Ремизова «Бесовское действие» (1907).

⁶¹ Был открыт в 1912 в помещении Большого зала Консерватории.

Очевидно, благодаря матери тещи – Екатерине Александровне Вагнер (вдове профессора Вагнера) и самой теще – Екатерине Николаевны Вагнер (Гогиной), в библиотеке В.Н. Тукалевского, вывезенной им в Прагу, оказалась не только часть личного книжного собрания Н.П. Вагнера, но и весь архив известного ученого и писателя⁶².

Хотя через год семья воссоединилась в Праге, семейная жизнь Тукалевских разладилась, и Надежда Николаевна уехала в Париж, где она работала в конторе газеты «Возрождение» и близко познакомилась с Мариной Ивановной Цветаевой. Именно ей Цветаева доверила часть своих рукописей, возвращаясь в 1939 в Советскую Россию⁶³.

Таким образом, научно-литературные и художественные задатки в разной степени были присущи большинству⁶⁴ из детей и внуков профессора Н.П. Вагнера. За исключением младшего сына, его потомки и во втором и в третьем поколениях, получив высшее образование, остались в интеллигентном сообществе и смогли состояться в жизни, хотя для всех внуков она закончилась преждевременно и трагически.

Известно, что ряд интеллектуальных особенностей действительно может стойко наследоваться потомством (из поколения в поколение или через одно-два поколения): к примеру, семейство художников Брейгелей и Соколовых, художников и архитекторов Бенуа и Лансере, писателей Дюма, композиторов Бахов и Штраусов. Это одна из многочисленных наглядных иллюстраций прихотливости генетики (наследственности) и историко-социального значения биологически передаваемых свойств. Из житейского опыта, однако, хорошо известно, что часто ближайшие родственники (братья и сестры), несмотря на сходные семейные и общественные условия, дают очень разный спектр личностных качеств и судеб⁶⁵. Очевидно, три поколения представителей семейства Вагнеров, о которых шла речь в этой статье, вполне иллюстрируют оба этих феномена.

⁶² *Копришова А.* Владимир Тукалевский: основатель Славянской библиотеки // Дом в изгнании: Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918–1945. – Прага: Русская традиция; RT+RS Servis, 2008. – С. 401–406; *Магидова М.* Под знаком каталогов и материалов к... В.Н. Тукалевский и русская книга за рубежом 1918–1936. – СПб.: Symposium, 2016. – 796 с. Первоначально (до 1927) Славянская библиотека именовалась Русской библиотекой при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики.

⁶³ О близости отношений между Н.Н. Тукалевской и М.И. Цветаевой говорит ряд писем последней, отправленных Надежде Николаевне перед отъездом Цветаевой в СССР, а также тот факт, что они вместе отдыхали в 1938 в Диве (Dives). См., например, на сайте «Наследие Марины Цветаевой». – www.tsveyayeva.com/letters/let_tukalevskoj

⁶⁴ Это утверждение касается, безусловно, только известных автору судеб.

⁶⁵ См., например: *Филиппченко Ю.А.* Интеллигенция и таланты // Известия бюро по евгенике. – 1925. – № 3. – С. 83–96; *Захаров-Гезехус И.А.* Гены, судьба, духовность. – М., 2015.

В.Д. Чебанов

Виктор Иванович Яцкевич – государственный деятель Российской империи¹

Виктор Дмитриевич ЧЕБАНОВ

*независимый исследователь,
Санкт-Петербург*

Виктор Иванович Яцкевич родился 18 декабря 1861 в селе Ницца Себежского уезда Витебской губернии в семье настоятеля Покровской церкви протоиерея Иоанна Яцкевича, потомка старинного шляхетского рода. В августе 1865 года он был причислен к роду и внесен в шестую часть родословной книги Витебской губернии.

Окончив Полоцкое духовное училище и Витебскую духовную семинарию по первому разряду (1882), он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую закончил в 1886 со степенью кандидата богословия. По окончании академии он поступил законоучителем в Свято-Владимирскую церковно-учительскую школу в Санкт-Петербурге.

Примерно через год В.И. Яцкевич подал прошение на высочайшее имя о принятии его на службу по Ведомству православного исповедания и в июле 1887 года был принят на службу чиновником

---

¹ В статье сведения из формулярного списка о службе В.И. Яцкевича приводятся по копии, приложенной к письму обер-прокурора Св. Синода А.Н. Волжина министру внутренних дел А.А. Макарову от 16 августа 1916. – Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 545. Л. 104-143.

в чине коллежского секретаря в Канцелярию Святейшего Синода (в дальнейшем для краткости – Синод), а в январе 1888 года перемещен в Канцелярию обер-прокурора Синода на вакантную должность помощника столоначальника.

В начальный период службы в этой канцелярии Виктор Иванович занимался в основном контролем над духовными училищами, функционированию которых придавал большое значение обер-прокурор К.П. Победоносцев, оказывавший несомненное влияние на молодого старательного чиновника. В 1892 В.И. Яцкевич женился на Марии Ивановне Лаппо, дочери своего двоюродного брата И.И. Лаппо (занимавшего с 1871 пост начальника отделения Канцелярии обер-прокурора Синода, а с 1893 – вице-директора канцелярии). В 1893 Виктор Иванович был назначен младшим столоначальником, а в 1896 – старшим столоначальником и вскоре произведен в надворные советники.

В 1898 В.И. Яцкевич был назначен начальником отделения канцелярии, а с 1898 по 1900 – делопроизводителем Комиссии по пересмотру устава женских училищ духовного ведомства. С 1900 он ведал политикой церкви в вопросах иноверия и сектанства и изложил связанные с этими проблемами взгляды в книге «Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах...»².

В августе 1902 В.И. Яцкевич был назначен вице-директором канцелярии. В 1902–1909 он как представитель Ведомства православного исповедания³ участвовал в работе комиссий при двух министерствах – внутренних дел (для обсуждения проекта преобразования статистических учреждений) и народного просвещения (по вопросам женского профессионального образования), финансов (по пересмотру пенсионных уставов), а также при Главном Штабе (для пересмотра списка должностей, занятие которых освобождает чинов запаса и ополчения от призыва на службу). В эти же годы он был членом комиссии при обер-прокуроре по составлению программ для духовных училищ, председателем комиссии по обсуждению проекта инструкции секретарям духовных консисторий, членом Совещания при Синоде по устройению внутренней и внешней миссии, членом Особого совещания при Синоде по реформе церковного управления в Грузии, членом комиссии по составлению отзыва от ведомства по проекту Гражданского уложения.

В 1905 году В.И. Яцкевич был произведен в статские советники, а в 1907 – в действительные статские советники. В январе 1906 года Подготовительной комиссией по наблюдению за подготовкой материалов, подлежащих рассмотрению Поместным собором Православной церкви, ему была поручена систематизация епархиальных отзывов по вопросам о подлежащих каноническому обсуждению предметах веры.

² Яцкевич В.И. Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви с изложением действующего о них законодательства / В.И. Яцкевич. – [Б.м.]: Т-во И.Д. Сытина, 1900. – 86 с.

³ Ведомство православного исповедания (далее – Ведомство) включало в себя две организации: Св. Синод и службу обер-прокурора Св. Синода.

В марте 1906 года он был командирован обер-прокурором по различным служебным делам в города Витебск, Могилев, Минск, Вильну, Гродно, Люблин, Седлец, Холм и Виров. В 1905–1907 у него были командировки в Витебск, Минск и Каменец-Подольск для обозрения женских училищ духовного ведомства. В мае 1906 года распоряжением обер-прокурора Виктор Иванович был назначен делопроизводителем VI отдела высочайше утвержденного при Синоде присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном церковном соборе. В 1907 им была проведена ревизия белорусских и украинских духовных училищ. В эти годы он неоднократно исполнял обязанности директора канцелярии.

Не будучи профессиональным историком Церкви (это не позволяла ему большая загруженность основной работой), он очень хорошо знал ее историю и проводил исследования в некоторых ее областях. Так, он подробно исследовал духовную деятельность преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, дочери полоцкого князя Георгия⁴. Мощи прп. Евфросинии уже несколько столетий хранились в пещерах мужского монастыря Киево-Печерской лавры, несмотря на неоднократные обращения Полоцкой епархии в Синод с просьбой о переносе их на ее родину, в Полоцк.

В феврале 1908 года Яцкевич был назначен членом учрежденного при Синоде Совещания для разработки мер к наилучшему устроению внутренней и внешней миссии, а в июне командирован в Киев в составе подготовительной комиссии для разработки материалов, обсуждаемых на IV Всероссийском миссионерском съезде, и для участия в работе съезда. На съезде Виктор Иванович выступил с двумя докладами. В первом докладе он отметил, что, вследствие неудовлетворительной миссионерской деятельности Православной церкви в Западном крае, после выхода указа о свободе совести 1905 года резко возросло количество прихожан, вернувшихся в католичество, и что главной причиной этой тенденции является насильственное и поспешное обращение в православие населения Белорусской епархии после польско-литовского мятежа 1863 года. Во втором выступлении он передал съезду обращение прихожан Полоцкой епархии о переносе мощей прп. Евфросинии из Киева на ее родину и рассказал о своем исследовании, посвященном ее деятельности. Съезд поддержал ходатайство Полоцкой епархии.

Образованная Синодом комиссия приняла решение о переносе мощей прп. Евфросинии из Киева в Полоцк, Синод утвердил это решение, и в мае 1910 года мощи были извлечены из пещер, торжественно на кораблях доставлены в Полоцк и помещены в основанном преподобной Спасском храме. На празднестве присутствовали августейшие персоны, иерархи церкви и, в составе делегации Синода, В.И. Яцкевич.

⁴ Эта его работа была опубликована в журнале «Церковные ведомости» за 1909 год.

В январе 1910 года Виктор Иванович был назначен директором канцелярии обер-прокурора Св. Синода. В мае того же года он был назначен представителем от ведомства в Междудеомственный комитет по устройству празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых. 30 мая он был избран почетным членом Полоцкого церковного братства во имя святителя Николая и прп. Евфросинии.

В ноябре 1910 года Синод учредил при Полоцком Спасо-Евфимиевском епархиальном училище две стипендии: имени преосвященного Серафима, епископа Полоцкого и Витебского, и имени В.И. Яцкевича – в благодарность за его труды в деле перенесения мощей прп. Евфросинии.

В июне 1911 года Яцкевич был командирован в Кострому для участия в комиссии, контролирующей производство ремонта и реставрации Троицкого кафедрального собора Ипатьевского монастыря. В октябре 1911 года он был назначен членом комиссии по преобразованию духовных семинарий и училищ и выработке окончательной редакции проекта их штатов. В ноябре 1911 года В.И. Яцкевич был назначен представителем от ведомства: а) для работы в комиссии Государственного Совета по законопроекту об изменении узаконений о неприсутственных и неучебных днях; б) в Особую комиссию Государственного Совета для обсуждения законопроекта о продолжительности и распределении времени производства торговли и занятий в торговых заведениях, складах и конторах; в) в комиссию Государственной Думы по вероисповедным вопросам. В апреле 1912 года В.И. Яцкевич был назначен в комиссию Государственной Думы по делам православной церкви при рассмотрении ею вопроса о предоставлении женским училищам духовного ведомства некоторых прав и об ассигновании из Государственного казначейства ежегодного пособия на их содержание.

В мае 1912 года определением Синода В.И. Яцкевич был назначен сверхштатным членом Учебного комитета при Синоде с правом голоса.

В декабре 1912 года он был назначен представителем от ведомства в образованное при Главном управлении Генерального Штаба Особое междудеомственное совещание для участия в рассмотрении «частных правил» о вывозе на счет казны, по военным обстоятельствам, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств.

В марте 1913 года Виктор Иванович был избран почетным членом Киевского Свято-Владимирского братства, а в апреле того же года – почетным членом Ставропольского церковно-археологического общества.

1 мая 1913 года он был командирован в Москву и Кострому на время пребывания там августейших особ.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 12 июля 1913 ему была объявлена благодарность за труды в Комитете для устройства празднования 300-летия царствования Дома Романовых.

В октябре 1913 года он был назначен в комиссию Государственной Думы по выработке законопроекта о печати.

В марте 1914 года Виктор Иванович был назначен представителем от ведомства в состоящий под покровительством императора Романовский Комитет.

В апреле 1914 года он был назначен представителем от ведомства в Междуведомственное совещание при МВД для решения вопросов дальнейшего устройства духовного быта населяющих империю магометан.

6 мая 1914 года он был пожалован за отличие чином тайного советника.

В мае 1914 года был назначен представителем ведомства в комиссию Государственной Думы по народному образованию для рассмотрения законопроекта о женских училищах духовного ведомства. 27 августа 1914 назначен от ведомства в подготовительную комиссию Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, под председательством императрицы Александры Федоровны.

С сентября 1914 по июнь 1915 он неоднократно бывал в командировках в Витебске, Полоцке и Минске для изыскания способов продолжения занятий в местных духовно-учебных заведениях, часть помещений которых оказалась занятой под лазареты для раненых.

В мае 1915 года Яцкевич был назначен представителем от ведомства в образованное при Исполнительном комитете Совета Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества Особое совещание по вопросу о работе попечительства в деле устройства и содержания сельских приютов-яслей.

В мае 1915 года был избран членом Главного совета Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, а в июне 1915 избран Главным советом Всероссийского общества памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914–1915 гг. с Германией, Австрией и Турцией, в председатели комиссии по организации местных советов общества.

В 1914–1916 он неоднократно исполнял обязанности товарища обер-прокурора Синода, за что в августе 1915 года ему была объявлена высочайшая благодарность.

В сентябре 1915 года В.И. Яцкевич был назначен представителем ведомства на совещание по вопросу урегулирования курса русского рубля в Финляндии. В декабре 1915 года он был назначен представителем от ведомства для участия в заседаниях Бюджетной комиссии Государственной Думы для рассмотрения проекта сметы Синода на 1916 год.

В январе 1916 года он был приглашен для участия в рассмотрении в Предсоборном совещании при Синоде законопроекта о церковном суде.

В январе 1916 года назначен членом комитета Синода по управлению синодальным Алексеевским лазаретом для надзора за общим ходом дела и в особенности за ведением лазаретного хозяйства.

В июне 1916 года В.И. Яцкевич был назначен от ведомства членом Особого комитета по борьбе с немецким засильем.

Виктор Иванович также являлся председателем попечительского совета частной женской гимназии Н.Н. Зворской, в которой училась его дочь.

В архиве Министерства внутренних дел Российской империи содержится письмо обер-прокурора Синода А.Н. Волжина от 16 августа 1916, адресованное министру внутренних дел А.А. Макарову:

Многоуважаемый Александр Александрович,
в дополнение к разговору, который я имел сегодня с Вами, посылаю Вам формулярный список Директора Канц. об[ер-] пр[окурора] Синода тайного советника Яцкевича. Еще и еще раз скажу, что это достойнейший кандидат в сенаторы по своей работоспособности, знанию церковных законов, уклада церковной жизни и безукоризненной честности и порядочности. Судьба ему не вожит; ни мне, ни моему предшественнику, несмотря на старание, не удалось провести его в товарищи обер-прокурора. В этой должности он был бы не только на месте, но и занимал бы ее по праву. Конечно, бедный Яцкевич испытывает огорчение и был бы счастлив, если б Ваше милостивое и участливое к нему отношение увенчалось прочным и почетным положением его большие заслуги перед Ведомством Православного исповедания.

Сердечно преданный Вам
А. Волжин⁵

Смысл этого письма заключался в том, что обер-прокуроры неоднократно представляли на высочайшее имя кандидатуру В.И. Яцкевича на пост товарища обер-прокурора, а император отвергал ее и назначал того, кого ему рекомендовал Распутин. Это письмо тоже не имело позитивных для Яцкевича последствий, так как министр внутренних дел Макаров вскоре был отправлен императором в отставку за неудовлетворительное, по его мнению, расследование дела об убийстве Распутина.

В апреле 1917 года Яцкевич был введен Синодом в число членов Предсоборного совета и в этом качестве был впоследствии членом Поместного собора.

В августе 1917 года, после упразднения Синода, Виктор Иванович был назначен директором департамента православного исповедания Министерства вероисповеданий, созданного Временным правительством (это был последний состав Временного правительства, просуществовавший до октябрьского переворота).

В апреле 1918 года В.И. Яцкевич докладывал Высшему церковному совету о том, что принадлежащие ранее Синоду, а ныне Высшему церковному управ-

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 545.

лению, здания и имущество в Петрограде почти все захвачены, разоряются и расхищаются.

15 августа 1918 в Москве открылся Поместный собор Православной Российской Церкви, на котором был избран патриарх и создан Высший церковный совет.

В сентябре 1917 года Московская синодальная типография издала брошюру В.И. Яцкевича «К истории созыва Всероссийского церковного собора», в ней впервые были обнародованы документы и письма 1904–1906 и 1912 годов, освещающие роль царя, обер-прокуроров и Синода в деле созыва собора; эти документы хранились им как секретные. Перед открытием собора упомянутые брошюры были розданы делегатам.

Собор работал до 20 сентября. Виктор Иванович участвовал в обсуждении вопросов о благоустройстве приходов, об основаниях для расторжения брака, о единоверии и о церковном суде. Он был давним и убежденным сторонником отделения церкви от государственных структур и восстановления патриаршества.

В своих воспоминаниях протопресвитер Г.И. Шавельский приводит любопытные высказывания В.И. Яцкевича о К.П. Победоносцеве:

«Близко стоявший к Победоносцеву, тайный советник, директор канцелярии обер-прокурора Синода Виктор Иванович Яцкевич рассказывал мне, что Победоносцев, тонко разбиравшийся в людях и явлениях, с ужасом смотрел на размножение “ученого” монашества и не раз повторял: “Ох, уж эти монахи! Погубят они Церковь!”. К большинству ученых монахов он относился в лучшем случае – с недоверием, в худшем – с пренебрежением и даже с презрением»⁶.

Виктор Иванович имел следующие награды: ордена Св. Анны 1-й и 2-й степени, ордена Св. Владимира 3-й и 4-й степени и ордена Св. Станислава всех трех степеней. За 30 лет службы он только два раза брал отпуск – на один месяц в 1892 году и на два месяца в 1895.

После революции с 1918 по 1923 он служил в Петроградском отделении Центрального архива в качестве врио заведующего научно-теоретическим делом и одновременно с 1921 – в Археографической комиссии Российской Академии наук в должности ученого секретаря комиссии (с апреля 1923 на неполной ставке). В начале 1920-х, помимо службы в государственных учреждениях, он был членом приходского совета Исаакиевского собора, церковным старостой церкви Александра Невского на Фурштатской улице (бывшей домовой церкви в здании Протопресвитерства военного и морского духовенства) и членом Правления общества православных приходов Петроградской епархии. В апреле 1922 года он был арестован Петроградской ЧК по «делу митрополита

⁶ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. – Т. 2, гл. 6.

Вениамина», связанному с изъятием церковных ценностей, и пробыл в заключении 23 дня. Он дважды подвергался допросу, после чего по ходатайству местного Петроцентрархива был освобожден под подписку о невыезде.

Скончался он 13 ноября 1924 в страшных мучениях от неизлечимой и точно не диагностируемой в те годы болезни, ныне квалифицируемой как одна из форм рака кожи.

В.И. Яцкевич был похоронен на семейном участке Никольского кладбища Александро-Невской лавры, приобретенном в конце XIX века дедом его жены К.П. Платоновым. Захоронение не сохранилось: в конце 1940-х все семейные могилы были снесены при реконструкции кладбища.

Приложение

Из воспоминаний о В.И. Яцкевиче

Дочь Виктора Ивановича, Мария Викторовна Яцкевич (моя мать), рассказывала мне о нем следующее.

Придворное его недолюбливали за независимость и называли «гордым шляхтичем». Он был в хороших отношениях с П.А. Столыпиным и в прохладных – с С.Ю. Витте. Примерно с 1905 года Виктор Иванович занимал казенную квартиру в доме 34 по Литейному проспекту, в первом этаже которого помещалась руководимая им канцелярия⁷. На летнее время почти все дореволюционные годы его семья снимала дачу в Удельной.

Виктор Иванович позитивно относился к коммунистическим идеалам, но считал коммунизм неосуществимой утопией. Когда в начале 1920-х его дочь собралась было вступить в коммунистическую молодежную организацию, он отговорил ее от этого шага.

В.И. Яцкевич считал, что не следует приобщать к религии детей в очень раннем возрасте, а это следует делать лишь тогда, когда они достигнут отроческого возраста и сами начнут уже что-то понимать.

В частной жизни он был общительным и жизнерадостным человеком; летом в часы отдыха играл в теннис. Он обладал красивым голосом и очень хорошо пел романсы. Был также не чужд шуток и розыгрышей: дома на потеху семье (в первую очередь, конечно, для развлечения детей) иногда устраивал такое «шоу»: одной рукой он прикреплял к подбородку носовой платок в качестве бороды, а другой рукой брэнчал связкой ключей, шествуя в таком виде по анфиладам квартиры, а за ним с лаем бежали домашние собаки. Его племянница Е.М. Журавская вспоминала, например, о том, как однажды на масленой неделе при поездке на вейках на острова он прилепил себе ярмарочный нос, а некоторые из встречных, видя его генеральскую форму, несмотря на такой вид, отдавали ему честь.

---

⁷ В 1918 он был выселен с семьей из этой квартиры.

А.А. Чувьюров

«У нас в рок-клубе такой анекдот ходит: идет Штирлиц по коридору рейхсканцелярии, навстречу Мюллер...»

(Малоизвестные эпизоды концерта Майка Науменко в Сыктывкаре в апреле 1988)

**Александр Алексеевич
ЧУВЬЮРОВ**

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Российского этнографического
музея,
Санкт-Петербург*

Здесь дворы как колодцы,
но нечего пить;

Если хочешь здесь жить,
то умерь свою прыть...

Б.Б. Гребенщиков. «Сталь»

Чужестранец,
В городе чужом, незнакомом
Чужестранец,
Нету ни друзей, ни знакомых
Чужестранец,
И на всем пути его вечном
Ни тепла, ни зла в лицах встречных...

В. Леви. «Чужестранец»

Мой доклад посвящен небольшому эпизоду из истории рок-группы «Зоопарк» – концертам группы в Сыктывкаре в апреле 1988 года. Собственно, доклад не столько о выступлении «Зоопарка» в Сыктывкаре, сколько о студенческой субкультуре одного из провинциальных вузов.

Впервые песни Майка Науменко я услышал весной 1983 года. В ту пору я был студентом первого курса исторического факультета Сыктывкарского уни-

верситета, который тогда носил официальное название «Сыктывкарский государственный университет имени 50-летия СССР».

Университеты исторически были центрами вольнодумства. В этом отношении наш провинциальный вуз также не являлся исключением. Сыктывкарский университет был образован в 1972. Преподавательский состав университета сформировался частью из преподавателей местного пединститута (КГПИ), частью за счет приглашенных специалистов из других вузов – из Архангельского государственного педагогического института (АГПИ им. М.В. Ломоносова) и Ленинградского государственного университета (ЛГУ им. А.А. Жданова). Вместе с питерскими преподавателями в стены нашего университета перекочевал и студенческий фольклор исторических факультетов, а также традиция студенческих капустников.

Особый пласт в этом студенческом фольклоре занимали археологические песни. И пелись они не только во время археологической практики, которую должен был пройти каждый студент после первого курса. К моменту моего поступления в университет – 1982 год – они уже прочно вошли в репертуар студенческих вечеринок и посиделок. Здесь были и знаменитый «Гимн археолога»:

Вот сдадим все экзамены,
И с души упадет
Век железный, век каменный
И по бронзе зачет.
И тогда открыты все дороги,
По которым проходили ноги
Лошадиные и человечьи,
До свидания, до новой встречи!..¹

и «Скифская баллада»:

За Танаисом рекой, за рекой
Скифы пьют-гуляют. Э э-эй!
Потерял грек покой, грек покой –
Скифы пьют-гуляют – э-эй!
Даль степная широка, широка –
Всё Причерноморье. Э-эх!
Повстречаю грека я, грека я
Во широком поле.

¹ По свидетельству С. Белецкого, в археологической среде эта песня появилась не позднее начала 1960-х (на мелодию и с включением куплетов «Глобуса» Михаила Светлова и Михаила Львовского); см.: *Белецкий С.* Заметки к истории песен в археологических экспедициях. – <http://a-pesni.org/dvor/piter/a-archeo-bel.php>

Акинаком рубану, рубану
 По спесивой роже. Э-эх!
 А потом коня возьму, коня возьму –
 Конь всего дороже...
 Я поеду в Херсонес, в Херсонес –
 Там продам гнедого. Э-эх!
 А потом в кабак залез, в кабак залез –
 Выпью там хмельного. Э-эх!..²

Были также безымянные в то время бардовские песни, которые нами прочно ассоциировались с археологическими песнями и с археологической тематикой, – в частности, песни А.И. Городницкого «Перекаты»:

Все перекаты, да перекаты,
 Послать бы их по адресу.
 На это место, уж нету карты,
 Пльвем вперед по абрису...

и «На материк»:

От злой тоски не матерись, –
 Сегодня ты без спирта пьян.
 На материк, на материк
 Ушел последний караван...

С этими песнями я впервые столкнулся на первом курсе, осенью 1982 года, когда вместе со студентами четырех курсов исторического факультета был отправлен в совхоз «Лоемский» на уборку картофеля (с. Лойма, Прилузский р-н Коми АССР).

Некоторые из услышанных мною этих «археологических» песен я слышал еще до поступления в университет, в частности, длинную песню про бегемота:

У бегемота нету талии,
 У бегемота нету талии,
 У бегемота нету талии,
 Он не умеет обнимать.

² Как отмечают авторы-составители сборника «Песенный фольклор археологических экспедиций», песня «Там, за Танаис-рекой» написана на мелодию старой казачьей песни «Там, за Доном, за рекой казаки гуляют» в два приема в 1960 или в 1961 студентами-археологами Московского университета на лекциях по истории КПСС. Авторское название песни «Скифская баллада». Автор основного текста с легендарным числом куплетов – Ю.М. Десятчиков († 1996); соавторы – А.А. Кривonos († 1995), И.К. Фролов († 1984), А.И. Шкурко. Кроме того, называют авторов отдельных куплетов: В.С. Долгоруков – куплет «Пьяных боги берегут...»; С.Р. Тохтасьевым дописан в 1970-е финальный куплет («Там, за Танаис-рекой / Уж не в скифском поле»). См.: Далекое прошлое Пушкиногорья. – Вып. 6: Песенный фольклор археологических экспедиций. – <http://www.ruthenia.ru/folklore/basharin7.htm>.

Его по морде били чайником,
Его по морде били чайником,
Его по морде били чайником,
И научили танцевать.

и «В пещере каменной»:

В пещере каменной нашли наперсток водки,
Комар зажаренный валялся на песке.
Ели. Пили. Мало.
В пещере каменной нашли чекушку водки,
Цыпленок жареный валялся на песке.
Ели. Пили. Мало...

Более основательное погружение в студенческий фольклор происходило уже в общежитии. Сыктывкарский университет располагал двумя общежитиями: на улице Димитрова, где проживали студенты экономического факультета, и на Коммунистической улице, где были расселены студенты остальных факультетов – исторического, филологического, физико-математического и химико-биологического. Меня поселили в блоке историков, на шестом этаже, в комнате № 628. Среди студентов эта комната именовалась «Поскотина»³. Она была знаменита тем, что в ней собирался сыктывкарский андеграунд: художники, поэты и писатели из числа студентов университета (члены литературного клуба «Питон»), а также их друзья и знакомые. Нельзя сказать, что я очень был обрадован решением коменданта общежития поселить меня в «Поскотине». Обстановка, которая царил в этой комнате, порой напоминала сцены из романа Федора Сологуба «Мелкий бес»: алкогольные посиделки с вечера до утра, со всякими нелепыми забавами – например, соревноваться, кто лучше умеет бросать ножи (по этой причине вся дверь расцарапана «снайперскими попаданиями» ножа).

В комнате висело два немецких плаката «Deep Purple» («Deep Purple – Hit mit Hindernissen»). Верховодил компанией, которая собиралась в «Поскотине», художник Слава Ен-н. Он работал художником-оформителем в одном из сыктывкарских кинотеатров. Внешне он напоминал актера Уилла Сэмпсона в фильме Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки». И прозвище у него было соответствующее – «Вождь». Собирались по разным поводам, но чаще по выходным – в пятницу и в субботу. Многие из «поскотинцев» были люди семейные, работающие, поэтому пятница и суббота как нельзя лучше подходили для таких встреч. Была еще одна причина для встреч в выходные: по пятницам по ВВС в полночь выходила передача Всеволода Новгородцева о популярной

³ Помимо «Поскотины», были и другие, как бы сейчас сказали, культовые места в студенческом общежитии: «Эверест» в блоке, где жили студенты физико-математического факультета, «Берлога» на филологическом и другие.

музыке. Аналогичные передачи по вечерам в пятницу и субботу проходили по «Голосу Америки», но особой популярностью они не пользовались, – как и в советских радиопередачах, в них чувствовался «пропагандистский душок». Некоторые из передач «Голоса Америки» вообще у нас вызвали недоумение. Помню передачи какого-то религиозного проповедника, который в качестве иллюстрации нравственного упадка и духовного кризиса советской молодежи приводил цитаты из песен советских рок-групп, в частности группы «Машины времени» («Марионетка» и др.).

Радиовыступления Всеволода Новгородцева, в отличие от его американских коллег, не вызвали никакого отторжения и, напротив, пользовались большой популярностью среди студентов. Их записывали на магнитофон, некоторые вели подробные конспекты его выступлений. Анекдоты, цитаты и высказывания Новгородцева потом широко расходились среди студентов (например, ироничные замечания Новгородцева о советских ВИА – «Комсомольский бодрячок» или об Ози Осборне – «железобетонный монументализм»). Обсуждали также и некоторых постоянных слушателей его радиопередач, в частности некоего Женю из Киева, чьи письма часто цитировал Новгородцев: действительно ли существует этот человек, который время от времени из Киева в Лондон отправляет письма Новгородцеву, или же это некий сюжетный трюк, придуманный самим Новгородцевым.

Разговоры, которые велись в «Поскотине», во многом были типичны для определенных слоев советской гуманитарной интеллигенции – фрондерские беседы на политические темы и неофитские разговоры про искусство – кино, музыку, литературу... Как как-то шутливо заметил Слава Ен-н, цитируя высказывание М.А. Булгакова: «Подкусывание советской власти под одеялом». Эти бесконечно долгие ночные посиделки за разговорами про политику и искусство были обильно сдобрены различными цитатами из бардовских песен, репликами из литературных произведений и кино:

...И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила дюрсо, а я перцовую
За советскую семью, образцовую!

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкознание знаете вы толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ серый брянский волк.
<...> Вы здесь из искры разжигали пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра...

Авторство этих текстов мне, как и многим выросшим вдали от больших городов, было неизвестно. Спрашивать у своих более искушенных соседей я не решался (чтобы уж совсем не выглядеть в их глазах деревенским лаптем). По своей необразованности я полагал, что это все В.С. Высоцкий.

Фоном посиделок была рок-музыка: катушки с записями западных рок-групп прослушивали на общественном магнитофоне «Маяк-205». Случалось, что делали небольшие перерывы, выключали магнитофон и пьяненькими голосами начинали а капелла исполнять застольные песни:

Разлука, ты разлука,
Чужая сторона.
Никто нас не разлучит...

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист, дрожит...

Вкусы и музыкальные пристрастия были разные: блюзовые группы – *Ten Years After, Cream*; тяжелый рок – *Led Zeppelin, Deep Purple*, а также другие направления западной рок-музыки – *Jethro Tull, Uriah Heep, Queen, ELP (Emerson, Lake & Palmer)* и др. На эти вечеринки частенько приносили вырезки из различных журналов: помимо отечественного молодежного журнала «Ровесник», в котором в ту пору публиковались различные статьи про западные рок-группы, помню, приносили вырезки из каких-то польских и чешских журналов. Не все в этих журналах можно было легко разобрать, но какой-то общий смысл все-таки улавливали.

Я принадлежал к немногочисленной группе поклонников *The Beatles* и британской бит-музыки – *Gerry & The Pacemakers, The Hollies, Herman's Hermits*. Для большинства присутствующих на этих вечеринках в «Поскотине» *The Beatles* и английские бит-группы были «слащавенькой музыкой для домохозяек». Мы говорили о мелодичности песен *The Beatles*, а наши оппоненты – о виртуозной игре Эрика Клэптона, Джинджера Бейкера, Джона Лорда, Ричи Блэкмора. Споры заканчивались ничем, каждый оставался при своем мнении. В следующую пятницу все повторялось вновь...

Столь же беспощадным у любителей английской тяжелой рок-музыки было отношение к американской рок-музыке (за исключением, пожалуй, Дженис Джоплин). В качестве примера безвкусицы американской поп-музыки приводили *The Beach Boys* и *The Mamas & the Papas*. Иногда специально, чтобы очередной раз поглумиться над примитивностью вкусов американской публики, ставили на магнитофон катушку с записью диска американской группы *Grand Funk* («Good Singin', Good Playin'», 1976), сопровождая магнитофонное воспро-

изведение музыкальных пьес американцев глумливыми переводами их песен. Аналогичные переводческие экзекуции мои соседи по «Поскотине» проводили и над текстами песен ранних альбомов *The Beatles*.

В школе и в университете я учил немецкий, в котором, увы, не преуспел, а все познание в английском ограничивалось двумя-тремя фразами, поэтому зазорное веселье моих соседей относительно текстов *Grand Funk* и ранних *The Beatles* было мне недоступно.

К отечественной эстраде относились иронично, – вслед за Новгородцевым творчество советских ВИА определяли термином «комсомольский бодрячок». После фестиваля «Весенние ритмы» в Тбилиси в 1980 уже ходили записи отечественных рок-групп – «Машина времени», «Воскресенье», «Автограф», «Карнавал», «Динамик», «Аракс». Но отношение к советским рок-группам тоже было весьма сдержанное: отмечали своеобразие поэтических текстов (в частности, песен А. Макаревича), но в сравнении с лучшими образцами западной рок-музыки (*Ten Years After, Cream, Led Zeppelin, Deep Purple*) отечественные рок-группы выглядели доморощенными музыкантами. Как шутил Слава Ен-н: «советская рок-музыка как советский автопром – только для внутреннего рынка».

Информации про отечественную рок-музыку к тому времени было уже много: появлялись журнальные публикации, в «Авроре» стали печататься «Записки рок-дилетанта» Александра Житинского, время от времени из Ленинграда привозили какие-то самиздатовские журналы. Информация о рок-группах приводилась и в передачах Всеволода Новгородцева. Помнится, в одной из передач он рассказывал про группу «Трубный зов» Валерия Баринова, про череповецкую группу «Рок-сентябрь» и Александра Башлачева и про Майка Науменко (как Новгородцев отметил, вероятно, Миша). Конечно, по этим передачам сложно было получить какое-то ясное представление об уровне этих музыкантов, – сквозь треск приемника мало что можно было разобрать. Ситуацию исправляли «коммивояжеры», которые время от времени привозили катушки с записями рок-групп.

У нас на историческом факультете этим занимался Леша Вор-н. Он был большим поклонником *Deep Purple*, но увлекался и отечественной рок-музыкой. На каникулы он ездил к своим знакомым в Ленинград и всякий раз оттуда привозил кассеты с записями питерских групп.

Помню, весной 1983 года он привез кассету (375 м). На коробке было написано: «Панк-группа „Пикник“». Это был альбом «Дым» группы «Пикник», а на другой стороне был «Треугольник» группы «Аквариум» и несколько песен из «Синего альбома» («Электрический пес»). Помню, прослушали одну сторону, на которой пели Алексей Добычин и Эдмунд Шклярский:

Очень интересно по улицам ходить,
Многое узнаешь и поймешь.

В темные подъезды стоит заходить,
О, какие лица там найдешь.
В темные подъезды стоит заходить,
О, какие вещи там найдешь...

Подкрался сзади вечер, весь город им укрыт,
И надо бы развлечься, как нам быть?
Я знаю, ты услышишь – откликнешься на зов,
Я позвоню – ты будь готов.
Зажав в руке последний рубль, уйдем туда, уйдем туда,
Где нам нальют стакан иллюзий и бросят льда, и бросят льда.
И снова будет целый вечер глушить толпу гитары звон,
Дым табака укроет плечи, и будет плавиться капрон...

Потом перевернули кассету на другую сторону. Там звучали песни про поручика Иванова, старика Козлодоева и про двух воронежских трактористов, один из которых в кармане имел книжку Жан-Поль Сартра, а второй «порою играл на баяне Сантану и Weather Report». Заканчивалась эта сторона песней «Электрический пес». Поскольку творчество «Пикника» и «Аквариума» нам в ту пору были неизвестно, то сначала некоторые из нас приняли «Треугольник» за эту самую панк-группу «Пикник», которая была обозначена на магнитофонной коробке. Но Леша Вор-н опроверг наше предположение:

– Я был на концерте «Пикника», – «Пикник» на первой стороне, где «зажав в руке последний рубль», – заметил он.

Мы еще какое-то время порассуждали, кому бы из известных нам советских групп (чи названия мы знали по разным публикациям) могли принадлежать эти песни, но, так и не придя к какому-то определенному решению, согласились в одном, что это не «Макар» (не Макаревич).

В конце первой части магнитофонной бобины, после песен «Пикника» была записана песня еще одной неизвестной нам группы («Ты – дрянь! Ты продала мою гитару и купила себе пальто») – песня Майка Науменко «Дрянь».

Спустя некоторое время благодаря Леше Вор-ну, а также другим «коммивояжерам», мы имели уже существенную коллекцию с записями отечественных рок-групп: «Аквариум», «ДДТ» (с альбомом, в котором была песня про друга, который из-под полы достает индийский чай, башкирский мед), «Мифы», «Зоопарк», «Трубный зов», Саша Башлачев, «Крематорий», «Урфин Джюс», «Мануфактура», казанская группа «Волжане», которые исполняли каверверсии известных песен различных отечественных рок-групп.

Осенью 1984 года в «Поскотину» заселили другими квартирантами, и содружество «поскотинцев» стало собираться в разных местах студенческого общежития. Летом 1985 года я перевелся на заочное отделение и перебрался

в Ленинград. Поначалу устроился на ТЭЦ-14 машинистом котла, а затем перевелся в «Теплоэнерго-1» оператором котельной (как тогда именовалось у интеллигентов, совершив «бегство в бойлерную»).

В качестве «общественного поручения» от «поскотинцев» мне было дано задание собирать плакаты с афишами концертов рок-групп. Собственно, уже с середины 1980-х началось триумфальное шествие рок-групп и рок-музыки по различным уголкам СССР. Вслед за ленинградским рок-клубом (1981) появился рок-клуб в Свердловске и рок-лаборатория в Москве. На телевидении появились музыкальные передачи («Кружатся диски» и «Музыкальный ринг» на ленинградском телевидении), главными действующими лицами которых были рок-музыканты.

Сыктывкар также не остался в стороне от этих явлений. Регулярно на страницах газеты «Молодежь Севера» стали появляться публикации, посвященные отечественной и западной рок-музыке. Так, в одном из январских номеров 1988 года была опубликована статья про ленинградскую группу «Игры» (экс «Странные игры»), в мартовском номере газеты было напечатано интервью с Федором Чистяковым (ленинградская группа «Ноль»)⁴, в апрельском номере – статья о февральском фестивале московской рок-лаборатории «Фестиваль надежд» (27–28 февраля)⁵. Здесь же публиковались литературные произведения рок-музыкантов, в частности повесть «Иван и Данило» Бориса Гребенщикова.

Бывшие участники вечеринок в «Поскотине» в это время (с 1985) стали собираться в общежитии ВТУЗа Производственно-технического управления связи (ул. Национальная, 23), в котором устроился работать один из обитателей нашей комнаты.

В этом Управлении связи комсомольским секретарем работал Владимир Тентюков (поклонник рок-музыки), который впоследствии сыграл большую роль в популяризации отечественной рок-музыки в Сыктывкаре. Именно он был одним из организаторов первого городского рок-фестиваля в Сыктывкаре (в 1988 Тентюков уже был ответственным сотрудником при горкоме ВЛКСМ).

Участниками этого фестиваля были рок-группы из Республики Коми (в то время Коми АССР): «Пирамида» (г. Сыктывкар), «Течение» (г. Усинск), «Движение по инерции» (г. Сыктывкар, Эжва), «День Гнева», «Стандарт» (Сыктывкар), «Альтер-эго» (г. Воркута), «Постскрипtum» (г. Воркута). У сыктывкарских поклонников хэви-метал были опасения, что фестиваль завершится бойней между сыктывкарской и воркутинской молодежью, которые время от времени приезжали в столицу республики для кулачных боев. Но в данном случае обошлось без конфликтов. В февральском номере газеты «Молодежь Севера» рассказывалось о первом городском рок-фестивале и приводилось письмо сыктывкарских поклонников хэви-метал: «Перед фестивалем ходили слухи, что

⁴ Какая Марья без Ивана // Молодежь Севера. – 1988. – № 28-29, 6 марта.

⁵ Новые лица московского рока // Там же. № 40, 3 апреля.

туда приедут воркутинцы и будут придирааться к металлистам. Советовали, что цепи лучше вообще не надевать, браслеты и перчатки тоже, – воркутинцы отберут, и может начаться драка. Некоторые подумывали, а не взять ли с собой финки – вдруг пригодятся? Были слухи, что после фестиваля сойдутся Воркута и Сыктывкар, а фестиваль, „металл“, цепи – только повод.. Но все так и осталось слухами...»⁶.

Всего за два дня фестиваля (23–24 января) в ДК «Металлист» выступило 13 групп. В качестве хедлайнера фестиваля была приглашена ленинградская группа «Игры» Виктора Сологуба.

Гастроли группы Майка Науменко «Зоопарк» (8, 9, 10 апреля 1988) были организованы Сыктывкарским горкомом комсомола по инициативе уже упомянувшегося Владимира Тентюкова, который курировал работу с молодежью.

По рассказам людей, близко знакомых с Тентюковым, оплата гастрольных расходов группы «Зоопарк» производилась из средств, выделенных на мероприятия по атеистическому воспитанию молодежи. Именно поэтому один из концертов, 9 апреля, должен был начаться в 11 часов вечера, незадолго до заключительной части пасхального богослужения, чтобы таким образом «отвлечь молодежь от пагубного влияния церкви». Все три концерта проходили в помещении ныне не существующего ДК «Металлист».

Поселили музыкантов группы «Зоопарк» в гостинице «Югор», в то время самой представительной в Сыктывкаре. В качестве гримерки им передали помещение театра «Хеппенинг», который располагался в том же здании. Как потом рассказывал один из помощников Тентюкова, по окончании концертов «Зоопарк» оставил после себя целую гору бутылок из-под портвейна: «После них приезжал „Объект насмешек“, вроде панки, а после них только бутылки из-под кефира остались...»

Я в то время по своим учебным делам находился в Сыктывкаре. В Ленинграде у меня не раз была возможность сходить на концерты Майка Науменко, но песни группы «Зоопарк» были мне не близки, казались чересчур брутальными. Мне нравилась более мягкая, лирическая музыка – группа В. Леви «Тамбурин», «Аквариум». Но здесь, в Сыктывкаре, заманчиво было бы сходить на концерт Науменко, но смущало время его начала: мне казалось кощунственным в пасхальную ночь вместо богослужения идти на рок-концерт. Поэтому я предпочел пойти в Кочпон – часть города, где располагалась единственная действующая тогда православная церковь. О том, что, помимо концерта в пасхальную ночь, «Зоопарк» в Сыктывкаре дает еще два, я узнал уже позже, а в то время в кругу моих знакомых говорили только об этом концерте. Афиш этих концертов я не видел. Информация о них была в «Молодежи Севера», но она как-то прошла мимо меня.

⁶ Городской рок-фестиваль // Молодежь Севера. – 1988. – № 16, 7 февраля.

Мои университетские товарищи и знакомые отправились в ДК «Металлист», а я – в Кочпон, на пасхальное богослужение.

На следующий день, 10 апреля, в воскресенье, я пошел в общежитие связи навестить своих друзей. От них и узнал подробности этого концерта.

Репертуар состоял из уже известных песен: «Пригородный блюз», «Буги-буги», «Лето» и др. Некоторые песни предварялись небольшим пояснением: «“Лето” – посвящается Цюю...»

В конце были ответы на записки зрителей:

– «Как живет старый рокер Лев Лещенко?»

– Я думаю, старый рокер Лещенко живет прекрасно: думаю, уже обеспечил себе безбедную старость.

Затем последовали вопросы о ленинградских рок-музыкантах – о Борисе Гребенщикове, о набиравшем популярность Викторе Цое.

Кто-то из зрителей передал записку с вопросом о скандальной статье ленинградской газеты «Смена» «Алиса с косой челкой»⁷. В этой статье журналист Виктор Кокосов, ссылаясь на рапорт сотрудников милиции, утверждал, что во время концерта группы «Алиса» 17 ноября 1987 в «Юбилейном» первые строки одной из их песен начинались словами: «Хайль Гитлер... на том берегу...».

Науменко ответил шуткой:

– У нас в рок-клубе по этому поводу рассказывают анекдот. Рейхканцелярия. По коридору идет Штирлиц (Тихонов), навстречу Мюллер (Броневой). Штирлиц: Хайль Гитлер! Мюллер морщится и говорит: Штирлиц, бросьте свои кинчевские шутки. Но это, конечно, анекдот. На самом деле вся эта публикация в «Смене» – провокация...

И далее Науменко сообщил, что сохранилась фонограмма концерта «Алисы», которая опровергает все, что написал журналист, и что музыканты «Алисы» подали судебный иск, требуя от газеты «Смена» опровержения этих ложных сведений.

После «пасхального» концерта «Зоопарка» должна была состояться неформальная встреча с местными поклонниками рок-музыки в главном здании университета на Октябрьском проспекте. Один из наших знакомых, в то время студент исторического факультета Виталий Лоб-в работал там специалистом по химводоподготовке бассейна и дежурил по ночам. С некоторых пор здесь стали собираться бывшие постояльцы «Поскотины»: выпивали, плавали в бассейне. Вот там и решили собраться после концерта и в неформальной обстановке побеседовать о рок-музыке.

Ребята с концерта ушли пораньше и сразу же приступили к «горячительным напиткам». Концерт в «Металлисте» затянулся, и когда по его окончании Володя Тентюков с музыкантами «Зоопарка» подъехал к зданию университета, им не

⁷ Смена. – 1987. – № 269, 22 ноября.

удалось достучаться до «принимающей стороны». Наутро уборщица обнаружила спящего Виталия Лоб-ва и его друзей. Больше Лоб-в в бассейне не работал...

10 апреля в гостинице «Югор» была организована встреча журналистов с музыкантами «Зоопарка», а вечером был еще один, третий, концерт. Каких-то подробностей про этот концерт мне не приходилось слышать. Больше рассказывали про «пасхальный»: шутки про старого рокера Льва Лещенко, анекдот про Штирлица...

Интервью с Майком Науменко появилось месяц спустя в «Молодежи Севера». Приведу его фрагмент:

– *Какие сейчас отношения с БГ?*

– С Борисом дружим с 1973 года. «Все братья-сестры» делали половина на половину (половина вещей моих, половина его). Борис пригласил меня: давай запишем, чтобы остался документ. Потом он мне помогал в записи, подыгрывал на губной гармошке. Мы до сих пор на многих концертах играем вместе.

– *Говорят, БГ устал...*

– Будьте любезны! Ничего подобного, совсем не устал. С идеями у него все в порядке. Просто он стал играть другую музыку.

– *В Сыктывкар вы приехали сразу после выступления на премьере фильма «Асса»...*

– Выступали три дня, играли вместе с Сергеем Рыженко. Снимались в фильме, который, вероятно, будет называться «Асса». Съемки велись во время премьерных концертов, все основано на импровизации... Снимались также «Аквариум», «Звуки Му», «Браво», «Кино».

– *Сейчас много фильмов появилось о рок-музыке. Как вы их оцениваете?*

– Фильм «Рок» – это явление, «Взломщик» – просто странный фильм. «Алиса» почему-то ассоциируется только с уголовщиной, то же, кстати, было и в «Переступить черту».

– *Металл?*

– Если кому-то нравится, пусть слушает. В любом случае предпочитаю бескомпромиссную музыку. Люблю то, что делает «Секрет». Ребята играют отличную веселую музыку. У нас нет больше таких команд для школьников. К «Наутилусу-Помпилиусу» прохладно относимся. Их творчество нам не близко. Это хорошо сделано, но это не наше. А вот «Алиса» – отличная группа. «Телевизор» мне нравится меньше.

– *Михаил, тебя обвиняли в асоциальности. Как ты сам себя оцениваешь?*

– Мы никогда не были асоциальными типами. Могли затрагивать темы, скажем так, непривычные для советской эстрады. Многие песни были от моего «я», но не всегда это могло ассоциироваться со мной. Часто это были варианты каких-либо ситуаций. Есть песни о личных переживаниях. Как сам себя оцениваю? Ну, это слишком глобальный вопрос. Но асоциальным типом себя назвать, нет, не могу.

– *О «Памяти»⁸... Рок – угроза русской нации?*

⁸ Имеется в виду активно действовавшая в те годы праворадикальная организация «Память».

– Пошли они все в задницу... К этому относимся как к любому проявлению шовинизма. Мы же не советуем С. Михалкову, как писать книги. Почему же он называет рок нравственным СПИДом? Почему считают, что те, кто слушает рок, неполноценны?

– *И последний вопрос. Рок-н-ролл мертв?*

– Рок-н-ролл как появился, так до сего года жив и здоров. И ближайшие лет 10–20 вряд ли перестанет существовать. Это уже классика. Мы до сих пор с удовольствием делаем ряд американских стандартов. Может быть, наша музыка и несколько консервативна. Она рассчитана на тех, кому за 20. Но вот у вас в Сыктывкаре на концертах много было тех, кому еще нет 20-ти.

– *Каким ты будешь лет через 20?*

– Не знаю, что будет через три месяца. Мы уже семь лет держимся. Что будет дальше, совершенно непредсказуемо. Мне сейчас 33, возраст Христа.⁹

После гастролей «Зоопарка» в Сыктывкаре последовали гастроли еще нескольких рок-групп из Ленинграда и Свердловска – «Объект насмешек», «Апрельский марш» и др.

Состоялось несколько рок-фестивалей: в 1992 – фестиваль с участием групп «Духи» (М. Башаков), «Клуб кавалера Глюка», «Герда» (Сыктывкар); в 1993 фестиваль «Конец андерграунда» – группы «Комитет охраны тепла», «Коба», «Восточный синдром», «Работа Хо» и др., но новым периферийным центром отечественной рок-музыки (подобно Свердловску и Новосибирску) Сыктывкару не суждено было стать...

Моя личная встреча с Майком Науменко состоялась летом 1991 года в Ленинграде.

Я в ту пору работал в «Теплоэнерго-1» оператором котельной. Она находилась на ул. Чернышевского, 16/5 и была по-своему примечательна. На втором этаже располагались кабинеты мастеров, на первом – собственно котельная. К ней примыкала двухэтажная пристройка. Внизу был гараж, где стоял армейская машина «ГАЗ-66 Кунг», которая иногда по ночам куда-то выезжала. Всякий раз, когда машина заводилась, зловонные выхлопные газы через различные щели проникали в помещение котельной. Куда выезжала эта машина и почему военный «Кунг» стоял не где-то в армейской части, а в обычном, неохраняемом гражданском гараже, порождало разные слухи. Говорили, что машина принадлежит КГБ, что они пеленгуют разных шпионов. На верхнем этаже пристройки находилась голубятня. Ежедневно, утром и вечером, приходил туда старичок-еврей, который проводил там уборку. Про голубятню тоже говорили, что она принадлежит КГБ, что голуби с какими-то датчиками летают в Финляндию. Технически я был малообразован, поэтому во все эти рассказы про голубей с датчиками верил.

⁹ «Зоопарк» в Сыктывкаре // Молодежь Севера. – 1988. – № 58, 15 мая.

А еще во дворе нашей котельной, по соседству с Всесоюзным центральным научно-исследовательским институтом жиров (ВНИИЖ), в доме 10 по ул. Черняховского, стоял гараж, который, опять же по слухам, принадлежал какому-то генералу. Этого так называемого генерала – крупного, полного мужчину я пару раз видел: он всегда приходил в сопровождении водителя. Они открывали гараж, заводили белую «Волгу» и куда-то уезжали. Появлялся он не часто.

На улице Черняховского, 16 был магазин, который местные называли «стекляшка». В угловой его части находился винный отдел, поэтому двор нашей котельной был излюбленным местом встреч местных бичей. Чтобы нам излишне не докучали разными просьбами, вроде «выручи, дай стаканчик», мы купили набор граненых стаканчиков и выставили их на лестнице, которая была прикреплена к стене гаража «генерала».

Летом 1991 года меня подтянули на ремонтные работы. В подручные мне дали работающую у нас студентку 3-го курса Института киноинженеров. Девушку звали Вера, фамилии ее я уже не помню, но в то время ее больше знали по прозвищу – Вера Гагарин. Она была рок-тусовщицей и всякий раз, когда ее приглашали на очередной рок-сейшен, утвердительно отвечала: «Поехали!».

В течение лета я тудился с ней в паре. Каждое утро мы выкатывали тележку, нагруженную банками охры и битумного лака, и отправлялись в одну из котельных по улице Черняховского. В один из дней, когда мы после обеда выходили из котельной со своей тележкой, Вера толкнула меня и негромко сказала:

– Смотри, Майк!

Я оглянулся. Науменко стоял недалеко от гаража, одетый во все черное (рубашка и брюки темного цвета, в очках). Неподалеку от него группировались «прихожане» нашей стекляшки – алкаши с утомленными лицами, как пелось в одной из песен А. Городницкого. Какое-то глубокое одиночество исходило от его одиноко стоящей фигуры в окружении местных алкашей. Мне вдруг почему-то вспомнилась фраза Франца Кафки из беседы с Густавом Яноухом: «Я одинок, как Франц Кафка». И потом, в течение этого лета, я еще несколько раз там же, во дворе нашей котельной, встречал Майка. Он все так же стоял, одинокий, чуть в стороне от завсегдаев стекляшки. Может, ждал там кого? – для меня это так и осталось неизвестным...

В конце августа, когда страна праздновала победу над ГКЧП, промелькнула информация, что погиб Майк Науменко...

И сейчас, когда мне случается бывать в Сыктывкаре, почтенные меломаны все так же с теплотой вспоминают тот пасхальный концерт «Зоопарка» в ДК «Металлист» и ту доверительную, почти домашнюю обстановку на концерте, шутки Майка, его ответы на вопросы...

В моей же памяти сохранилась картинка из лета 1991 года: одиноко стоящий Майк Науменко во дворе дома на Черняховского, 16/5: «одинокий, как Франц Кафка»...

Татьяна Шманкевич

От интерпретации индивидуальной биографии к реконструкции политической мистификации

Первые итоги биографического исследования

Татьяна Юрьевна ШМАНКЕВИЧ

*кандидат социологических наук,
ассоциированный
научный сотрудник
Социологического института РАН,
Санкт-Петербург*

Статья представляет собой не итог завершённого проекта, а скорей размышления в самом начале пути. Поэтому кажется оправданным, что какую-то часть этих размышлений займет исследовательская саморефлексия и рассуждение об эвристическом потенциале биографического исследования.

Первой публичной попыткой осмысления истории революционного подпольного кружка, созданного в 1954 двумя слушателями Рижского высшего инженерно-военного училища, стало мое выступление в 2011 на Голофастовских чтениях¹. Попытка оказалась неуспешной, поскольку непросто выносить на публику историю, центральной фигурой которой выступает родной тебе человек – мой папа, Юрий Иванович Додонов (1935–2015), один из организаторов рижского подпольного кружка под громким названием «Революционно-демократическая партия». В 2015 он

---

¹ Т. Шманкевич. «Встретимся на баррикадах»: История одного протеста. Тезисы выступлений на V социологических чтениях памяти В.Б. Голофаста «Социология вчера, сегодня, завтра» (СПб., 2011).

умер. В память об отце, кроме сборников его стихов и текста автобиографического эссе, остались транскрипты двух интервью с ним, записанных мною в 2008 и 2010 годах. Это был тот первичный материал, с изучения которого началось исследование подпольного революционного движения, организованного в Риге в последние годы правления Сталина. Я очень благодарна Александру Давидовичу Марголису, который не только поддержал меня в намерении «отдать долг памяти», но и способствовал тому, чтобы значительно расширить источниковую базу и проблематику исследования.

Первоначально исследовательская задача сводилась к реконструкции биографического пути Ю.И. Додонова для того, чтобы понять и описать механизмы трансформации сознания советского человека, переход от осознанной поддержки советской власти к сознательному протесту против нее. Казалось бы, перед нами типичный случай из истории подпольных утопических кружков советской молодежи в духе «либерального социализма» (В. Иофе). Подробно описан алгоритм перехода от активной комсомольской позиции к оппозиции системе именно через столкновение с системой, когда юношеский максимализм и стремление следовать коммунистическим идеалам оценивались/клеямились системой как антисоветские, а затем эта оценка воспринималась уже и молодым человеком. Вот только случай Юрия Додонова в этот алгоритм не вполне вписывается.

Нетипичность истории объясняется прежде всего тем, что события происходили не в университетской среде, а в стенах военного училища. Вопрос о том, какую роль в формировании подпольного протестного движения сыграли ведущие советские вузы, хорошо изучен как российскими, так и зарубежными исследователями. Реконструкция биографического пути Ю.И. Додонова поможет понять, каким образом подобный революционный протест мог оформиться в стенах учебного заведения, где особое внимание уделялось идеологической индоктринации будущего командного состава.

Несмотря на название «военное училище», большинство из них относились к высшим учебным заведениям, являясь ступенью на пути формирования армейской элиты. Поскольку в те годы высшее военное образование неформально относилось к образованию элитарному, сюда часто поступали дети кадровых военных. Попастъ в военное училище человеку из «народа» означало получить шанс на ускоренный социальный лифт. Именно такой шанс получил в 1951 Юрий Додонов, поступив в Рижское высшее инженерно-военное училище не по идеологическим соображениям (хотя и был правоверным комсомольцем, комсоргом школы), а буквально сбегая от нищеты рабочего поселка под Муромом. Попытаемся ответить на вопрос, почему вместо того, чтобы воспользоваться выпавшим шансом и сделать блестящую военную карьеру, молодой человек с головой ушел в подпольную деятельность, результатом которой стали суд военного трибунала и годы мордовских лагерей.

Путь от правоверного комсомольца до революционера-подпольщика

Реконструкция жизненного пути Ю.И. Додонова строилась прежде всего на анализе и сопоставлении двух типов источников. К первому относится автобиографическое эссе «Встретимся на баррикадах», которым открывался выпущенный в 1996 поэтический сборник с тем же названием². Ко второй группе источников относятся два интервью, взятые мною у Юрия Ивановича (далее по тексту Ю.И.) в 2008 и 2010 годах. В статье оба интервью анализируются как один текст, условно обозначенный как «устная автобиография», в отличие от текста эссе, «письменной автобиографии».

Поскольку речь идет о реконструкции жизненной истории, от которой рассказчика отделяло более пятидесяти лет, мной были сформулированы пять правил, руководствуясь которыми, как мне представляется, Ю.И. в своих воспоминаниях не просто пересказывал свою жизнь, но, выбрав определенную роль – роль революционера, доказывал своему читателю-слушателю предопределенность и роли, и судьбы в целом.

Первое правило: «Сопричастность личной судьбы к истории Родины». Слова «Родина», «Отчизна» всегда пишутся Юрием Додоновым с заглавной буквы, а демонстрация этой сопричастности конструируется в стилистике газетных передовиц. В самом начале своей письменной автобиографии он сообщает: «Я родился в Муроме <...> 18 марта 1935 года, когда наша страна не только строилась и мужала, но и содрогалась, теряя в страшных застенках лучших своих сынов». Но, как мы увидим дальше, вплоть до 1954 Юра Додонов ни о каких таких ужасах не думал и рос типичным советским мальчиком, сначала он был активным пионером, потом комсомольцем.

Второе правило биографической репрезентации определяется постулатом «Не бывает героя без крепких корней». В качестве таковых в автобиографии выступает не описание родословной, а неразрывная связь с малой Родиной: Владимирская область, город Муром и его окрестности, особое внимание уделено деревне Ратово, откуда родом бабушка Юрия Ивановича. Имя бабушки не называется, но название деревеньки станет частью подпольного псевдонима. Ю.И. с удовольствием описывает красоту природы края, не забывая про мифологический капитал земли Ильи Муромца. Как пример, упоминание села Карачарово при рассказе о школьном учителе физкультуры, «любимце всей школы», которому по Муромской дороге памятник поставили.

² Додонов Ю.И. Встретимся на баррикадах: [Стихи] // Мемориал: Лит.-публ. сб. – Вып. 1. – Муром, 1996. – С. 17-30. Написанная для этого сборника биографическая справка вместе с текстом эссе размещены на сайте Сахаровского центра в разделе «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы». – <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=11652>

Третье правило сформулировано мной как инверсия «Отец, достойный сына», что обосновано той избирательностью, с какой дозируется информация об отце. В интервью личность отца воспроизводится как символ исключительности. Когда отец перестает соответствовать этой исключительности, он из биографии исчезает. Согласно первому правилу, «сопричастности личной судьбы к истории Родины», фигура отца вводится в эссе именно как элемент сопричастности к судьбе страны. «Скоро вместе с другими мы проводили на эту войну отца». В устном интервью, описывая довоенный период, Ю.И. вспоминает, что его отец работал в больнице, которая была «са-а-а-мым большим домом в селении». В первые послевоенные годы личность отца, вернувшегося героем войны, выступала для сына значимым биографическим капиталом. Даже свое избрание комсоргом в школе Ю.И. объясняет, в том числе, влиянием личности отца, депутата сельсовета, председателя родительского комитета школы, члена партии. После войны отец, увлеченный общественной деятельностью, не возвращается в больницу. По версии Ю.И., отцу необходимо было пройти курсы переподготовки, вместо этого он устраивается на завод завхозом. Затем, видимо, он не раз менял места работы. Так, в своем автобиографическом очерке Ю.И. вспоминает, что ко времени его поступления в военное училище отец работал маляром, «но деньги к матери попадали очень нерегулярно из-за частых вмешательств в финансы отца "зеленого змия"». До войны мама работала «при отце», после войны идет уборщицей в заводскую контору. В семье подрастало еще двое детей, и закончившему школу Юре нужно было так устраиваться, чтобы самому себя содержать. Именно этим обусловлен выбор Рижского военного училища, стипендия в котором 850 рублей (для сравнения в разных источниках приводится зарплата его мамы – то 120, то 260 рублей). На новом жизненном этапе фигура отца перестала быть значимой, больше о нем в интервью Ю.И. не упоминает.

Четвертое правило конструирования биографии героя: «Книги как главное богатство, литературные герои как предвестники судьбы». В своих воспоминаниях Ю.И. не оригинален. «Правильное» советское детство традиционно реконструируется через обязательную аллюзию к советской школе, пионерской и комсомольской организации. Для юного Юрия большинство значимых событий были связаны именно со школой, и все эти воспоминания окрашены позитивно: «Жили трудно, но как-то радостно». Особая радость связана с появлением в жизни Юры книг. Со школьной скамьи любимые литературные герои – Овод и Павка Корчагин. Как о несметном сокровище, Ю.И. вспоминает о чемодане книг, которые привезла с собой новая учительница биологии. Этот чемодан стал его первой библиотекой. Образ другой любимой учительницы непосредственно связан с литературой: «...преподавательница литературы. Вот она мне пророчески... в 10-м классе... она, значит, всем, нас 17 человек, она всем на память подарила по книжке, на свои деньги. И она мне подарила книгу, которая

мне... ну, шло туда, куда деваться, "Тиль Уленшпигель". С той поры "пепел Клааса стучит в моем сердце»».

Из этого примера вытекает пятое правило, которым замыкается круг: «Предопределенность судьбы». Неслучайно письменная автобиография начинается со слов: «Я родился в Муроме в день Парижской коммуны...».

Но как бы подтверждая, что все эти правила предопределенности – конструкт более позднего времени, в своем интервью Ю.И. признает, что поступать после школы в военное училище он решает не из каких-то идеологических или романтических соображений, а потому, что это был способ выжить. Из интервью: «Я не думал быть летчиком... Но в военкомате мне вот это вот предложили. Военком был хороший майор. Потом он мне говорит: не смотри, что там военное училище, на деле это высшая академия. Как филиал Академии имени Жуковского. Все звания такие же, всё... Да и стипендия – 850 рублей. В то время это были хорошие деньги».

От игры в мушкетеров к игре в карбонариев

Латвия большинством советских людей воспринималась как вожделенная и все же доступная частичка недоступного буржуазного Запада. И то, что после нищего рабочего поселка Рига произвела на 16-летнего Юрия головокружительное впечатление, было совершенно закономерно. Из интервью: «Рига. Кляйн Париж, мы ее так звали, "маленький Париж". Гордились этим городом!».

Но, пожалуй, еще больше, чем Рига, переворот в сознании молодого человека произвела обстановка военного училища. Как уже было замечено, в Советском Союзе высшие военные училища относились к элитарному образованию. Здесь молодых людей не только приучали к воинской дисциплине, но и давали разностороннее образование. Для того, чтобы советские командиры могли служить для солдат не только наставниками в армейских делах, но и образцом поведения в быту, будущих офицеров обучали этикету и, например, такому аристократическому виду спорта, как фехтование. Поступив в 1951 в Рижское высшее инженерно-военное училище, Юра попадет в совершенно иной мир. Из интервью: «Немного не попал поучиться в Академии, не знаю, почему переименовали в училище, разные разговоры ходили. Но мы все-равно назывались не курсантами, а слушателями, как раньше при Военной академии. Нам после третьего курса звание, две звездочки, к четвертому курсу получали лейтенанта, а потом, после окончания, уже старших инженеров».

Коренным образом изменилось социальное окружение, в прошлом остался мир равных, в рамках которого бедность и связанные с ней трудности почти не рефлексировались, ибо воспринимались как норма. А тут Юра увидел ребят из совсем других семей. Среди его однокурсников преобладали дети кадровых военных. Из интервью: «Понимаешь, тут с первого взгляда было понятно,

что между нами “дистанция огромного размера”. У них там у многих отцы – генералы, у одного отец – заместитель председателя Совета министров Латвии...». Но иллюзорность советского равенства поначалу не возмутила, а вызвала чувство эйфории, связанной с тем, что ты попал в иной мир, и этот мир принял тебя с открытыми объятиями.

Стоит отметить, что Юра был младше многих своих однокурсников, так как раньше обычного пошел в школу. Из интервью: «Я еще в школе был самый младший, с 35-го года. А там были с 33-го года, с 32-го года, такие вот. <...> Благодаря отцу, меня взяли в первый класс при условии: вроде, посмотрим, как будет учиться. А я сразу попер». Но «пролетарское» происхождение Юрия работало на его социальный капитал. Видимо, как юношу «из рабочей семьи» его с первого года обучения в училище выбирают (назначают) комсоргом курса. В отличие от назначения комсоргом, которое можно объяснить политической разрядкой и его социальным происхождением, свой авторитет среди однокурсников Юрий зарабатывал благодаря индивидуальным качествам. С первого курса он становится душой компании; некоторые словечки харизматичного парнишки из рабочего поселка, такие как «антрацит» (что значит «класс!»), входят в сленг училища. Он учится фехтованию, преуспевает в этом, его назначают капитаном сборной училища по фехтованию.

В воспоминаниях Ю.И. три первых курса военного училища принимают образ единого волнующего праздника или новой захватывающей игры, так непохожей на все, что было в его жизни прежде. Увлечение фехтованием добавляет этому образу аллюзию к игре в мушкетеров. Юрий – кандидат в мастера спорта. Пишет стихи, преимущественно любовную лирику и тосты, которые курсанты переписывают в свои тетрадки. Как автор песен входит в секстет: «парни, шесть человек, пели... и мы ходили по институтам. Пединститут, еще какой-то». С особым удовольствием Ю.И. вспоминал походы в оперный театр. Тот самый однокурсник, сын заместителя председателя Совета министров, обеспечивал им места ни больше ни меньше как в «царской» ложе (когда та пустовала). В общем, бесшабашная счастливая жизнь мушкетеров, и никакой политики!

Переход от игры в мушкетеров к игре в карбонариев происходит моментально и в воспоминаниях Ю.И. имеет определенную точку отсчета. 1954 год. Рига, «Молочный» ресторан³, зайти куда пригласил его Ветольд Аникушин⁴, тоже слушатель училища, ставший для Юрия биографическим ассистентом, в корне изменившим его жизнь.

Из интервью: «Случайно познакомились в городе в увольнении... Я тогда на третьем курсе был, а он уже на четвертом, он уже лейтенант... И вот мы с ним

³ В 1950-е – 1960-е годы ресторан «Молочный» для рижан был примерно тем же, чем для ленинградцев «Сайгон». В 1970-е в связи с реконструкцией квартала здание снесли.

⁴ Из интервью: «Правильно пишется Ветольд. Вообще-то такого имени нету. Есть Витольд, редкое имя. Но писарь ошибку сделал, написал через “е” и подфартил, Ветольд стал в единственном числе».

в кино сходили, там, “Гранд...” и еще что-то, кинотеатр, сейчас уже забыл. Потом он мне говорит: “Пойдем пообедаем”. И пошли в ресторан “Молочный”. Ну, вот он и говорит: “Ну как, от бешеных коров или от обычных молоко будем пить?”. Я говорю: от бешеных коров нет, а пивца, это можно, а крепче нет. Заказали четыре бутылки пива, первое, второе. Поели. Потом сидим, пьем пиво. И разговариваем... Ветольд в том году в наше училище из Москвы перевелся на курс старше. Он меня как капитана сборной училища по фехтованию знал. Он тоже занимался, когда учился в Москве в танковом училище... и потом стихи мои некоторые ему понравились. Вот он еще в московском училище организовал свою группу, и их накрыли. Но у него отец – генерал-полковник, фронтовой друг Жукова, и его к нам перевели... Вот мы сидим, и он быстро как-то перевел на политику... Ветольд мне задал вопрос: “Как ты думаешь, переход от социализма к коммунизму должен быть мирным или революционным путем?”. И я мгновенно, это у меня есть, видимо, было что-то заложено во мне. Я говорю: революционным. Мирным, может быть, и лучше, но долгие...».

Была ли встреча, запомнившаяся Юрию как случайная, заранее подготовлена Ветольдом? Ответа на этот вопрос нет. Зато очевидным представляется другое: Ветольд Аникушин, помимо прочих способностей обладавший талантом разбираться в людях, выбор, кому довериться, сделать мог только обдуманно. Ю.И. объясняет этот выбор прежде всего своим авторитетом капитана фехтовальной команды. К тому же за три года учебы «головокружение от успеха», по словам самого Ю.И., утихло, а от сравнения его блистательной рижской жизни с той нищетой, в которой продолжали прозябать его родные, становилось уже не радостно, а стыдно.

К третьему курсу лирическая тематика в стихах Юрия все чаще уступала юношескому максимализму, желанию изменить то, что казалось неверным, несправедливым. Неудивительно, что там же, в «Молочном» ресторане, где Ветольд Аникушин доверился Юре Додонову, рассказав о своей подпольной московской группе, родился план создать новую группу в Риге. Из интервью: «Мы решили создать систему, которая была у английских, нет, у итальянских карбонариев. То есть рвущаяся цепочка. И вот у него в Москве так же было...».

Из ресторана выходил уже не мушкетер, а карбонарий Додонов. По словам Ю.И., у него будто бы враз пелена с глаз пала, пришло осознание, что социальное равенство в СССР – это миф, что все те несправедливости, о которых он знал, но воспринимал как частные случаи, порождены системой, и что с этой системой надо бороться. Юра Додонов увлечен новой ролью. Он в восторге от новой игры, от ее значимости, и даже испытывал азарт игрока, почувствовавшего за собой слезку. Много лет спустя Ю.И. оживает, когда рассказывает, как сжигал свои «наиболее бунтарские стихи», а то, что было приемлемо, но на грани, специально оставлял на виду, чтобы поддразнить.

Чтобы понять, как такое было возможно в стенах военного училища, нужно вспомнить время и место, когда все это происходило. Страна первый год жила без Сталина. И хотя эпоха сталинизма со смертью вождя не закончилась, устои советской империи уже были не так прочны, особенно на такой ее окраине, какой являлась Латвия. Атмосфера предчувствия перемен ощущалась, видимо, и в самом военном училище, многие преподаватели которого также были настроены либерально, что убедительно проявилось в истории с доносом, о котором будет рассказано дальше.

Игра мальчишек продолжается. Ветольду 21 год, Юрию 19. Они выбирают себе революционные псевдонимы. У Ветольды еще с московского периода остался псевдоним Галин. Юрий становится Жаком Жанратовым. Из интервью: «Ю.И.: Жак – это Георг, а Георг как Юрий. Т.: А Жан – Иван? Следовательно, Юрий Иванович? (Моему собеседнику такое упрощение не нравится.) Ю.И.: Нет, Жан – это от моего любимого писателя, философ Жан-Жак Руссо. А Ратов – это Ратово, деревня, откуда родом моя бабушка».

И Юру, и Ветольду манит масштаб, хотя пока их кружок состоит только из двух членов, они уже думают о партии. Распределяют между собой роли. Ветольду отводится роль теоретика. Именно он пишет программу, устав. В своем автобиографическом эссе Ю.И. перечисляет основные положения написанной Ветольдом программы:

1. Одностороннее сокращение нашей армии на 50 процентов и глубокое ее реформирование.

2. Всемирное атомное и химическое разоружение.

3. Полное государственное обеспечение детей, инвалидов, пенсионеров.

4. Бесплатное обучение и лечение.

5. Альтернативное ведение сельскохозяйственного мелкого и частного среднего промышленного производства, а также сфер обслуживания, с обязательной государственной собственностью на землю, природные ресурсы, энергетику, железнодорожный, морской и воздушный транспорт, а также крупное и тяжелое промышленное производство.

6. Невмешательство во внутреннюю политику других народов и государств.

Отдавая Ветольду пальму первенства в теоретических вопросах, Ю.И. не без гордости вспоминает: «...я тоже кое-что написал. Один документ только в 24 листа, школьная тетрадка, "Роль и положение солдат при социализме"... Потом "Как я понимаю нашу демократию", ну и потом такие небольшие. А вот эти две большие вещи. Я над ними работал, наверное, с полгода». Но все же главной обязанностью Юрия была вербовка новых членов партии. По сути, именно он начинает переводить партийное строительство в формат «реальной работы с массами».

Рига 1954 года. Недовольство сталинским режимом становилось нормой, его почти не скрывали. Революционные речи юноши, ратующего за социальную

справедливость, встречали понимание. В интересах конспирации Юрий держался подальше от своего училища, упор сделал на рижские заводы. Из интервью: «Я встречался с рабочими, инженерами. В основном это была техническая интеллигенция...». Молодому человеку доверяли, приглашали в гости. Ю.И. вспоминал, как, впервые попадая в частные дома рижан, удивлялся их быту, уровню жизни, такому не похожему на то, что окружало его дома. В результате его убежденность в необходимости революции только росла. На таких «тайных» встречах обсуждали программу и название партии. Сначала по аналогии с первой группой, созданной Ветольдом в Москве, было предложено партию назвать революционно-коммунистической. Но в кругах рижан коммунистические идеалы не имели притягательности, поэтому партия получила название революционно-демократической.

Из интервью: «Была такая Галя, я фамилию ее забыл... Она была старший инженер отдела. Завод, уже не помню какой... Но у нее тоже многие пострадали в ее семье от советской власти. И вот она первая выступила против названия "коммунистическая", а за "революционная" – двумя руками. И мы так и решили: "Революционно-демократическая партия"».

1956 год становится переломным для ребят. Из автобиографического эссе: «Страшное своей неожиданностью обличение Н.С. Хрущевым сталинизма у многих вызвало просто столбняк. В то же время эти обличения по инстанции – правда для одних, полуправда для других, четверть правды для третьих – были очевидным унижением всего народа. А как было сочетать волну полуреабилитаций с волной новых арестов, когда политику "шили" даже за анекдот. В народе над многими начинаниями Хрущева смеялись, хотя это был смех сквозь слезы». И далее автор рассказывает о своем добровольном решении уйти из училища, так как это мешало революционной работе (этой же версии Ю.И. придерживался в своем первом интервью). Юрий вместе с Ветольдом подают рапорт об отчислении. Из интервью: «Аникушину это удалось, сказало влияние отца, и он поступил в университет в Ростове-на-Дону. На моем рапорте появилась резолюция – отчислить для прохождения срочной службы, не считая с сроком обучения в училище».

По версии из второго интервью, Ю.И. ушел из училища после доноса, сделанного его однокурсником, попытавшимся таким образом решить свои проблемы несданных зачетов. Но преподаватели, к их чести, не только не поддержали доносчика, но и исключили его «из-за неуспеваемости» из училища, а Юрию дали возможность уйти по собственному желанию, правда, не засчитав четыре года обучения. Так он оказался в звании рядового на военном аэродроме под Ригой, где уже в одиночку продолжал работу по созданию «Революционно-демократической партии». С Ветольдом, уехавшим в Ростов-на-Дону, они отношений больше не поддерживали, – та самая «рвущаяся цепочка», наследие итальянских карбонариев. Кроме Юрия, о роли Ветольда в партии больше никто не знал.

Вряд ли мы здесь можем говорить о серьезном партийном строительстве. Я не получила ответа на свой вопрос, сколько, в итоге, людей оказалось в партии. Но как говорится в известной теореме Томаса: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям». Игра в революционеров для мальчишек сначала оборачивается арестом, затем мордовскими лагерями.

Из автобиографического эссе: «И вот второго мая 1957 года все-таки неожиданно прозвучало “Именем СССР вы арестованы”». Важная деталь – дело Ю.И. Додонова начиналось как дело «английского шпиона». На военном аэродроме Юрий организовывал кружок по творческому изучению очень популярной во времена хрущевской оттепели политэкономии, при этом тайно вербуя новых членов партии. По словам Ю.И., один из тех, кому он доверился, был пойман на воровстве, арестован ОБХСС за расхищение социалистического имущества и, чтобы заслужить снисхождение, сделал донос на Додонова. Каким образом этот донос обусловил тот факт, что Ю.И. арестовали как английского шпиона, остается догадываться. Скорей всего, это обвинение привязывалось к месту службы, военному аэродрому. Но вскоре дело переквалифицировали в дело о «Революционно-коммунистической партии», объединив его с делом студентов ростовских вузов.

Ветольд Аникушин, поступив в 1957 на исторический факультет Ростовского университета, создал там новую группу под названием «Революционно-коммунистическая». Группа была почти сразу раскрыта, так как, по версии Ю.И., доверенным лицом Аникушина оказался агент КГБ. Кроме Ю.И. Додонова, все остальные арестованные по сфабрикованному делу были из ростовской группы. Из интервью: «Посадили шесть человек. А по делу проходило, исключили из комсомола, из институтов – около 90 человек».

Рижский следователь, который вел дело Ю. Додонова, вспоминается им как «очень интересный умный человек. Показалось, что он в какой-то степени даже разделял мои взгляды»⁵. Но после перевода Ю.И. в Ростов он сталкивается с совсем другим обращением. «Из героя-революционера меня настойчиво превращали в предателя и отщепенца»⁶. Но именно здесь, в Ростове, Ю.И. получает подарок, на который, по его признанию, и не рассчитывал. Из интервью: «Вот когда кончается дело и тебя знакомят со всем материалом, со всем, что было, кто донес, кто там, что чего. То есть видел весь архив свой. Там сколько... 16 томов. Или 12. Но главное, это была такая настоящая книга... Она называется, такая серая обложка с алюминиевым тиснением, “Тезисы взглядов революционных коммунистов (демократов) Галина и Жанратова”. Следователь говорит, вот мне показывает и говорит: “Мечта ваша воплотилась. Об этом мечтали?”».

⁵ Из эссе «Встретимся на баррикадах».

⁶ Там же.

Я говорю: “Да мы об этом и не мечтали. Нам бы там листовки какие напечатать...”».

Игра мальчишек, мечтающих воплотить в жизнь ленинские идеалы (так, как они это себе представляли, маркируя свои взгляды то революционно-коммунистическими, то революционно-демократическими), была представлена как угроза незыблемости идеологического господства КПСС. По приговору Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа 18 июля 1957 Аникушин Ветольд Федорович был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет, с поражением в правах сроком на 3 года. Додонов Юрий Иванович приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 6 лет, с поражением в правах сроком на 2 года. Мешков Владимир Александрович направлен в общие места заключения сроком на 2 года без поражения в правах. Плахотнов Семен Николаевич, Муленко Эдуард Дмитриевич, Гринёв Василий Константинович направлены в общие места заключения сроком на один год каждый, без поражения в правах.

Из автобиографического эссе: «Разве можно забыть, когда нас, уже осужденных, выводили из закрытого зала военного трибунала под дулами автоматов, огромная толпа, в основном студентов, образовала на улице живой коридор. И вдруг мой поделник Семен Плахотнов выкрикнул: “Встретимся на баррикадах!”. И толпа в едином порыве ответила: “Встретимся на баррикадах!”. Даже конвой замер от неожиданности. Но, опомнившись, нас наскоро затолкали в подготовленные “воронки”. Начались пересылки, этапы вплоть до Дубовлага».

По мнению Ю.И, если бы его дело осталось в Риге, его судьба сложилась бы иначе. Свой перевод в Ростов-на-Дону он эгоцентрично объяснял намерением властей «не делать из него героя». Но на эту историю существует и иной взгляд.

В качестве заключения. От реконструкции биографического пути к реконструкции политической мистификации

Уже после Биографических чтений 2016 года произошла моя встреча с режиссером Юрием Георгиевичем Калугиным, который в 1950-е был студентом исторического факультета Ростовского университета (тогда Ростовского государственного университета им. Молотова) и лично знал арестованных первокурсников, а 18 июля 1957 находился среди молодых людей, стоявших перед зданием суда, где за закрытыми дверями проходило заседание военного трибунала, и он вместе с другими скандировал «Встретимся на баррикадах!».

На баррикадах они не встретились. Более того, по словам Ю.Г. Калугина, о судьбе осужденных толком никто не знал. Ходили слухи, что Ветольда Аникушина приговорили к смертной казни. Об этом поговорили, а потом забыли.

В 1990-е, когда был открыт доступ к архивам КГБ, режиссер Калугин вернулся к этой истории. В 1997 из подвала архива ростовского ФСБ он записал авторскую телевизионную передачу «Мальчишки иных времен», в которой, опираясь на материалы четырнадцати томов следственного дела, попытался осмыслить, что же произошло ровно сорок лет назад.

Для меня запись этой передачи стала важным источником, обусловившим новый взгляд на события уже полувековой давности. Произошел переход от фокусировки на индивидуальной биографии к попытке реконструировать историю одного из первых политических процессов начала хрущевской оттепели. После XX съезда КПСС реформированному в 1954 Комитету государственной безопасности необходимо было закрепить свои позиции, доказав, что, при всех сменах политических курсов, Комитет в качестве надежного сторожевого пса незаменим для правящей партии. Ю.И. Додонову, бывшему слушателю Рижского высшего инженерно-военного училища, арестованному во время службы на военном аэродроме, в этом процессе отводилась особая роль. Именно его привлечение к ростовскому делу позволило подвести студентов-первокурсников под суд военного трибунала.

На новом этапе исследования предстоит реконструировать историю одной из первых политических мистификаций КГБ в постсталинское время: опираясь на биографические материалы, описать, каким образом в 1957 в Ростове-на-Дону было инсценировано дело о покушении на политическую монополию КПСС. Этим эвристический потенциал биографического исследования не исчерпывается. В планах переход от реконструкции биографической истории к реконструкции истории протестного движения «наивных пятидесятников» и к осмыслению того, как в дальнейшем сложилась судьба «мальчишек иных времен».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Катриона Басс</i> Агван Доржиев: Реконструкция биографии в международном контексте	3
<i>В.М. Белковская, М.В. Мантуров</i> Рисунки Н.Е. Лансере как эго-документы.	17
<i>М.Т. Валиев</i> Изобретатель Николай-Карл Альбертович Бенуа (1881–1938)	24
<i>И.А. Гордеева</i> Пацифист Диверсант: История российского пацифизма позднего советского времени в биографии Юрия Попова (1954–1999)	33
<i>Д.И. Зубарев</i> Французская лениниана Бориса Пастернака.	42
<i>Н.В. Колесник</i> Политическая биография лидера и коллективная память: особенности воспроизводства	53
<i>Е.С. Котова</i> Баллада о «Захаре»: доминанта в историко-культурном пространстве советского города	60
<i>И.А. Крайнева</i> Персональный архив ученого – проявление его исторической идентичности в поле науки	66
<i>Н.С. Крук</i> ОКТЬ-12: О тех, кто проектировал и строил «Большой дом»	78
<i>М.В. Михайлова, К. Рампаццо</i> Частные письма Г.И. Чулкова как источник биографических сведений	85
<i>И.С. Слепцова (Кызласова)</i> Крестьянские дневники как источник для реконструкции «коллективной биографии» сельского социума	93
<i>Е.Н. Струкова</i> «Большой террор» в судьбах сотрудников главной библиотеки партии	103

<i>С.И. Фокин</i> Вагнеры. История трех поколений	108
<i>В.Д. Чебанов</i> Виктор Иванович Яцкевич – государственный деятель Российской империи	124
<i>А.А. Чувьуров</i> «У нас в рок-клубе такой анекдот ходит: идет Штирлиц по коридору рейхсканцелярии, навстречу Мюллер...» (Малоизвестные эпизоды из концерта Майка Науменко в Сыктывкаре в апреле 1988)	132
<i>Т.Ю. Шманкевич</i> От интерпретации индивидуальной биографии к реконструкции политической мистификации. Первые итоги биографического исследования	146

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Польский институт в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ Биографика 20 века:

Четырнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе
20–22 апреля 2016
Сборник докладов

Научный редактор: Т.Б.Притыкина
Обложка: А.Ходот

ISBN 978-5-87857-272-9

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул.Рубинштейна 23, оф.103

ЗАО «Норма»: 192102, Санкт-Петербург, ул.Салова, д.37

Подписано в печать 22.03.2017

Формат 60 × 90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ 68634

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «АРСИ»
Санкт-Петербург, ул. Бела Куна, д. 32